АРТУР ХЕЙЛИ • ДЖОН КАСТЛ

АРТУР ХЕЙЛИ

ДЖОН КАСТЛ

ПОСАДОЧНАЯ ПОЛОСА 08

RUNWAY 08

АРТУР ХЕЙЛИ

МЕНЯЛЫ

THE MONEYCHANGERS

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Количество предыдущих выдач _____

Артур Хейли
Джон Кастл

RUNWAY 08

Посадочная полоса 08

ГЛАВА I

Выхватывая светом фар косые потоки дождя, такси стремительно приближалось к зданию аэропорта Виннипег. Колеса отчаянно взвизгнули, машина резко затормозила, остановилась. Единственный пассажир, ехавший в ней, выскочил на тротуар, сунул водителю пару банкнотов и, схватив чемодан, бросился к дверям, которые непрерывно распахивались перед нескончаемым потоком людей.

Очутившись внутри огромного зала, приехавший на секунду замер. Свободной рукой он отогнул поднятый воротник плаща и, взглянув на стенные часы, почти бегом направился к регистрационной стойке компании «Кросс-Канадиен Эйрлайнз». Она была расположена в углу и чем-то напоминала стойку бара. Около нее виднелась лишь одинокая фигура служащего компании, проверявшего декларацию. Затем агент взял микрофон и, глянув на человека в плаще, начал размеренно и четко объявлять: «Рейс 98. Рейс 98. Посадка на самолет, следующий прямым сообщением до Ванкувера с пересадкой на Викторию, Сиэттл и Гонолулу, совершается через вход номер 4... Всех пассажиров рейса 98 просят пройти через вход номер 4 на посадку. Просьба не курить».

Оторвавшись наконец от расслабляюще-мягких кресел или от осточертевшего чтения газет, часть ожидающих в едином порыве устремилась к указанному входу. Человек в плаще был уже готов обратиться к служащему, но его буквально оттолкнула пожилая женщина и, заикаясь от волнения, спросила: «Молодой человек, самолет из Монреаля, рейс 63, уже здесь?»

— Нет, мадам,— вежливо отозвался агент и, взгля-

нув на расписание, добавил: — Он прибывает с опозданием примерно на 37 минут.

— О, боже! Я договорилась о встрече со своей племянницей.

— Послушайте,— с отчаянной настойчивостью обратился к служащему человек в плаще.— Нет ли у вас свободного места на рейс 98 до Ванкувера?

Агент покачал головой:

— К сожалению, нет. А вы справлялись в бюро заказов?

— Не было времени. Приехал прямо сюда, надеясь, что кто-нибудь сдаст билет.— Человек в плаще стукнул от досады по столу.— Ведь у вас такое случается, я знаю.

— Совершенно верно, сэр. Но из-за завтрашнего матча все забито битком. Места на все наши рейсы до Ванкувера были заранее заказаны, и я сомневаюсь, что вам удастся улететь раньше завтрашнего дня, да и то только после полудня.

Человек тихо выругался, поставил чемодан на пол и сдвинул на затылок промокшую от дождя шляпу.

— Дело дрянь. Мне во что бы то ни стало надо быть завтра в Ванкувере не позднее двенадцати...

— До чего невоспитанный! — обиженным тоном произнесла пожилая дама.— Я ведь тоже разговариваю. Вот что, молодой человек...

— Одну минуту, мадам,— прервал ее агент. Он перегнулся через стойку, дотронувшись карандашом до рукава стоявшего перед ним человека, проговорил: — Конечно, не полагается это делать, но...

— Да? Что такое?

— Ну, вот уж, действительно! — взорвалась оставшаяся без внимания дама.

— Тут есть еще один рейс, из Торонто. Он специально заказан на этот матч. Кажется, у них было несколько свободных мест. Может быть, вам удастся заполучить одно из них.

— Отлично! А что, может, повезет? — воскликнул человек в плаще, подхватывая чемодан.

— Попытка не пытка.

— А куда обратиться?

Агент указал через холл:

— Чартерные рейсы компании «Мэпл Лиф». Но я вам ничего не говорил, ясно?

— Огромное спасибо, — проговорил молодой человек

и стремительно направился к небольшой стойке, над которой висела табличка с названием авиакомпании. За стойкой сидел служащий в темном, не в пример элегантной форме компании «Кросс-Канадиен», мешковатом костюме. Взглянув на подошедшего, он перестал писать и выжидающе замер с карандашом в руке.

— Не могли бы вы мне помочь? У вас случайно не осталось свободного места на рейс до Ванкувера?

— Ванкувер? Сейчас взгляну.— Его карандаш заскользил по списку.— Да, одно есть. Но самолет отправляется прямо сейчас. По правде сказать, он должен был уже улететь, но задержался.

— Вот и прекрасно! Так я могу получить билет?

Агент пододвинул к себе корешок с бланками.

— Ваше имя, сэр?

— Джордж Спенсер.

Все данные были быстро записаны.

— Шестьдесят пять долларов в один конец, сэр. Спасибо. Рад вам помочь. Ваши вещи?

— Только небольшой чемодан. Я его возьму с собой.

В один момент чемодан был взвешен и зарегистрирован.

— Ну, вот и все, сэр. Возьмите посадочный талон. Теперь, пожалуйста, через выход номер 3. Спросите рейс 714. Поспешите, сэр. Самолет вот-вот отправится.

Спенсер кивнул и, обернувшись к стойке «Кросс-Канадиен», подал знак, что все в порядке. Агент, глядя через плечо донимавшей его дамы, состроил одобрительную гримасу, и Спенсер заспешил к выходу.

Снаружи его охватил порыв ветра, подымавшегося от двигателя самолета.

С наступлением темноты жизнь любого крупного аэропорта кажется суматошной и беспорядочной, хотя на самом деле все идет своим, обычным, строго установленным порядком. Дежурный направил Спенсера через залитую светом бетонированную площадь, блестевшую под дождем, к самолету, фюзеляж которого напоминал отливающую серебром стрелу. Рабочие уже готовились отвести трап. Перепрыгивая через лужи, Спенсер подбежал к ним, сунул отрывной талон от билета и стремглав поднялся по ступенькам, едва удерживая на голове шляпу, готовую вот-вот слететь под порывами ветра. Он нырнул внутрь самолета и остановился, с трудом переводя дыхание. К нему тотчас подошла запахнувшаяся

в накинутый плащ стюардесса и, улыбнувшись, закрыла плотно дверь. Одновременно завелись моторы.

— Не совсем вовремя, но что делать! — извиняющимся тоном проговорил Спенсер.

— Добрый вечер. Рада видеть вас у нас на борту.

— О да, и мне с этим повезло!

— Ваше место там.

Спенсер стянул с себя плащ, снял шляпу и направился к свободному креслу. С трудом заталкивая свой мокрый плащ на набитую вещами багажную полку, он заметил наблюдавшему за ним соседу:

— Вечно тут не хватает места.

Запихнув чемодан под сиденье, он с наслаждением растянулся на мягких подушках кресла.

— Добрый вечер! — раздался по радио голос стюардессы.— Компания «Мэпл Лиф» приветствует на борту своих новых пассажиров рейса 714. Желаем вам приятного полета. Пристегните, пожалуйста, ремни. Взлет начнется через несколько минут.

Спенсер завозился со своими ремнями, а его сосед вдруг мрачно заметил:

— Довольно-таки удручающая надпись, не находите? — И он кивнул на маленькую табличку на спинке впереди стоящего кресла: «Ваш спасательный пояс находится под сиденьем»

Спенсер рассмеялся:

— А я бы точно погиб, если бы не попал на этот трамвай.

— О! Вы такой страстный болельщик!

— Болельщик? — И тут Спенсер вспомнил, что это специальный рейс на футбольный матч.— Нет. Просто мне чертовски срочно надо быть в Ванкувере по делу. Я бы не прочь, конечно, посмотреть игру, но, наверное, ничего не выйдет!

— На вашем месте я бы поостерегся говорить об этом вслух. Самолет полон отчаянными болельщиками, которые уверены, что Ванкувер существует только для того, чтобы всласть поругать там своих противников да покричать за своих любимцев. Так что, если вы будете столь пренебрежительно говорить об этом матче, они спокойно могут вас покалечить.

Спенсер снова рассмеялся и, выглянув в проход, осмотрел салон. По той раскованной и радостной атмосфере, которая царила там, сразу было видно, что вокруг заядлые и здоровые духом болельщики, для кото-

рых сейчас нет ничего важнее, чем, освистав команду противника, триумфально отметить победу своих.

По правую руку от Спенсера сидела супружеская пара, с головой ушедшая в чтение отливающих глянцем спортивных журналов. Позади них четыре друга уже начинали наполнять спиртным бумажные стаканчики, намереваясь, по всей видимости, провести так всю ночь, подогревая этим верным способом энтузиазм в обсуждении заслуг своих любимых игроков. Обрывки их разговора долетали до Спенсера, будто бы это происходило на стадионе: «Хаггерти? Хаггерти! Что ты мелешь?! Да он еще не дорос до Гандерболта. А... вот этот... ну, этот еще куда ни шло». За этой слегка подвыпившей четверкой сидели другие типичные представители болельщиков со значками своей команды. Это были здоровяки с разгоряченными лицами, готовые уже сейчас сыграть в матче, который собирались посмотреть в Ванкувере.

Спенсер повернулся к своему соседу. С профессиональным вниманием к деталям он тут же отметил хорошо сшитый, но скромный костюм, правда, уже изрядно помятый, неудачно подобранный галстук, волевые складки около рта, седеющие волосы; выражение лица уверенное и властное. «Внешность незаурядного человека», — решил про себя Спенсер. Но тут взгляд его перехватили поплывшие назад за окном голубые огни взлетной площадки.

— Да, я здесь выгляжу, наверное, белой вороной,— чтобы поддержать разговор, продолжил Спенсер.— Но ничего не поделаешь. Признаться, мне нужно провернуть одну торговую сделку, и очень даже крупную.

Его сосед вежливо осведомился:

— А что вы продаете?

— Грузовики. И довольно успешно.

— Вот как! А мне всегда казалось, что этим занимаются местные агенты компаний.

— Верно. Но меня вызывают, как правило, когда попахивает крупной суммой. Ну, когда речь идет, скажем, о тридцати или даже, бывает, ста грузовиках. По правде говоря, меня недолюбливают эти местные агенты, они считают, что поскольку я из главного управления, то в сделках мне все карты в руки. В нашем бизнесе свои особые сложности. Но все же можно жить.

Спенсер потянулся было за сигаретой, но тут же остановился:

— Черт, курить нельзя. Мы ведь еще не поднялись.

— Вроде бы нет.

— Ну, ничего.— Спенсер вытянул вперед ноги.— Ох, и устал же я!.. Понимаете, выпадают такие отвратительные деньки, когда с досады готов лезть на стенку.

— Да, бывает.

— Сначала этот гусь вдруг заявил, что ему больше подходят грузовики нашего конкурента. Но когда я все-таки договорился с ним и должен был заключить сделку этим же вечером за ужином, а на следующий день быть уже дома, вдруг приходит телеграмма, из-за которой мне надо все бросать и срочно лететь в Ванкувер, потому что там ускользает из рук очень выгодный контракт. И вот, чтобы спасти дело, ваш покорный слуга должен быть в Ванкувере не позднее завтрашнего полудня.— Спенсер тяжко вздохнул, но тут же сладко потянулся и с наигранной серьезностью сказал соседу: — Послушайте, если вам нужно сорок или пятьдесят грузовиков, то я могу устроить по очень сходной цене.

Его сосед рассмеялся:

— Нет, спасибо, боюсь, что мне ни к чему столько грузовиков. Это несколько не из моей области.

— А что у вас за область?

— Медицина.

— Так вы доктор?

— Да. И потому в отношении продажи грузовиков я для вас совершенно бесполезный человек. Я бы не смог себе позволить даже такую роскошь, как один грузовик, куда там сорок. Единственная блажь, которую я могу себе разрешить, — это футбол, и ради него я готов ехать куда угодно, если, конечно, позволяет время. Вот почему я здесь.

Откинувшись на спинку кресла, Спенсер произнес:

— Очень хорошо, что вы здесь. Если я не смогу заснуть, вы мне пропишите снотворное.

В то время как он говорил это, моторы взревели в полную силу, самолет задрожал в отчаянной попытке вырваться из сдерживающей силы тормозов.

Доктор склонился к самому уху Спенсера и прокричал:

— В этом грохоте снотворное вряд ли поможет. Не знаю, зачем это нужно — поднимать столько шума, прежде чем взлететь.

Спенсер понимающе кивнул и, когда через несколько секунд рев моторов стих настолько, что можно было говорить без особого напряжения, ответил:

— Это обычная проверка моторов. Ее всегда проводят прежде, чем начать взлет. В каждом моторе по два генератора на тот случай, если один из них вдруг выйдет из строя. Во время прогрева каждый двигатель по очереди запускают на полную мощность и каждый генератор проверяют отдельно. Пилот начнет взлет, лишь убедившись, что они работают нормально. Слава богу, здесь на этот счет строго.

— Видно, вы хорошо в этом разбираетесь.

— Ну, не совсем так. Во время войны я летал на истребителях, так что мои знания порядком устарели. К тому же я многое забыл.

— Ну вот, мы уже отправляемся, — заметил доктор, когда рев двигателей перешел на более глубокие и мягкие тона; сильный толчок, вдавивший их в спинки сидений, означал, что самолет начал все быстрее набирать скорость. Вот и пол под ногами плавно пошел вверх — они уже в воздухе. Продолжая набирать высоту, самолет круто накренился в сторону аэропорта, и Спенсер увидел, как возникшие из-под крыла огни начали тут же таять в густеющей темноте.

По радио объявили: «Можно отстегнуть привязные ремни. Курить разрешается».

— Каждый раз жду не дождусь, когда этот чертов взлет закончится, — проворчал доктор, отстегивая ремень и беря протянутую Спенсером сигарету.— Благодарю. Между прочим, меня зовут Байард. Бруно Байард

— Рад познакомиться, доктор. А я — просто Спенсер. Джордж Спенсер из компании «Фул Брайт Мотор».

Оба спутника погрузились в молчание, отрешенно наблюдая, как дым от сигарет медленно поднимается вверх и, подхваченный потоком кондиционированного воздуха, уносится прочь. Мысли Спенсера были не из приятных. Он решил, что обязательно поднимет шум в конторе, когда вернется. Правда, он успел объяснить представителю фирмы в Виннипеге, в чем дело, до того, как вызвал такси в аэропорт, и сказал, что окончательное подписание контракта придется немного задержать.

Ну, а в Ванкувере не такое уж крупное дело, чтобы оправдать все нынешние затруднения? Тогда неплохо было бы использовать эту заварушку для прибавки зарплаты. Или еще лучше — для повышения в должности. Например, хорошо бы занять место управляющего отделом реализации. О нем шеф говорил Спенсеру довольно

часто, но пока еще безрезультатно. Тогда бы Мэри, он сам, Бобси и крошка Кит смогли бы перебраться из своего старого дома в Паркуэй Хайтс. Или же оплатить счета за новый водопровод, за бак, школу, а там ведь еще и страховка, холодильник, госпиталь, где последний раз рожала Мэри. Нет, не все сразу, рассчитав, отметил Спенсер. Не все, даже на оклад управляющего.

Доктор Байард, все еще находившийся в нерешительности, то ли поспать, то ли воспользоваться передышкой в делах и просмотреть очередной номер Бостонского медицинского журнала, вдруг поймал себя на мысли о той маленькой, захолустной больнице, в которой он побывал несколько дней назад. «Интересно, как пойдут дела у Эванса дальше,— подумал он.— Многообещающий юноша, но до смешного молод. И все же, надо полагать, Дорис сможет удержать его на верной дороге. Жены докторов, слава богу, это делать умеют». Доктор слегка задремал, но тотчас очнулся, так как недокуренная сигарета обожгла пальцы.

Супруги, сидевшие через проход от Спенсера, были все еще поглощены чтением спортивных журналов. Описать Джо Гриэра и Газель Гриэр можно одними и теми же словами, хотя вторую такую пару трудно себе представить. Оба были розовощеки, с ясными, пронзительными, как свежий воздух, глазами. Оба сидели, склонив головы над испещренными мелкими буквами страницами с таким видом, будто там раскрывались тайны мироздания. «А Барди молодчина, верно?» — спросил Джо, когда стюардесса подкатила к ним тележку с закуской. «О, еще бы!» — откликнулась Газель. Затем, методично жуя, они снова склонили над журналом свои рыжеволосые головы.

Четверо на задних сиденьях уже в третий раз наполнили свои стаканы. Трое из них были упитанные здоровяки, явно любители поспорить да побуйствовать, люди, отправлявшиеся в Ванкувер вкусить двухдневную свободу. Четвертый был маленький, неопределенного возраста человек с худым, длинным лицом. Говорил он с ярко выраженным ланкаширским акцентом. «За завтрашних «Львов»,— провозгласил он, поднимая свой бумажный стакан. Его друзья присоединились с благоговейной торжественностью. Один из них, у которого виднелся на лацкане значок с изображением какого-то паршивого кота, стоящего, однако же, на задних лапках, как положено царям зверей, отметил, пустив по кругу свой портсигар:

«Я уже и не думал, что нам все это удастся. Когда мы застряли в Торонто, я сказал себе: «Анди, этот великий матч тебе придется пропустить». А выходит, что самолет лишь опоздает на несколько часов. К тому же мы всегда можем выспаться, пока летим».

— Да, но не на голодный желудок, я надеюсь, — сказал другой.— Я подыхаю от голода. Когда же они притащат поесть?

— Скоро уже. Они обычно подают около восьми. Но из-за этой задержки все запаздывает.

— Ничего! Только вот когда ждешь, лучше всего пить,— отметил ланкаширец, прозванный друзьями «Пейдодна».

— Притормози, мальчик. У нас не так уж много осталось.

— Не бойся. Там еще хватит. Поехали! Это поможет тебе уснуть.

В радостном оживлении, предчувствуя близость долгожданной большой игры, пятьдесят шесть пассажиров, среди которых было две или три женщины, коротали последние часы своего трансконтинентального полета. За иллюминаторами мерцали огни пригородов Виннипега, но вскоре и они поглотились тьмой.

В крохотном, но хорошо оборудованном буфете стюардесса Джанет Бенсон готовила ужин, который, не случись этой задержки, должен был быть подан два часа назад. Ее отражение в зеркале над стеклянным шкафчиком выдавало то сильное и радостное возбуждение, которое она всегда испытывала в начале полета, но которое, слава богу, всегда можно было скрыть за дверцей ее кабины. Джанет, благодушно мурлыкая что-то, вынимала приборы и салфетки. Подавать еду было наименее приятной обязанностью стюардессы, и поэтому Джанет заранее подготавливала себя к предстоящему испытанию. Насытить желудки пассажиров, до отказа заполнивших салон самолета, довольно трудное дело, но все же она чувствовала себя уверенной и почти счастливой. При взгляде на ее светлые волосы, выбившиеся из-под форменной шапочки, на быстрые и ловкие движения ее подтянутой фигурки, у многих стюардесс перехватило бы дыхание от зависти. В двадцать один год Джанет только начинала по-настоящему ощущать жизнь и находила ее отнюдь не плохой.

Впереди, в кабине пилотов, было слышно лишь мерное гудение двигателей. Оба пилота сидели совершенно

неподвижно, лишь рука или нога время от времени делала легкое, едва приметное движение. Их лица были слабо освещены звездным мерцанием бесчисленных приборов. Из наушников, слегка сдвинутых назад, доносились потрескивающие звуки какого-то разговора между другим самолетом и землей.

Командир корабля Даннинг потянулся, разминаясь, и с легкой манерностью, уже хорошо знакомой всему экипажу, выдохнул в свои роскошные усы. Выглядел он гораздо взрослее своих тридцати двух лет.

— Пит, как там температура в головке цилиндра третьего двигателя? — спросил он, бросив быстрый взгляд на второго пилота.

Пит шевельнулся и, посмотрев на приборы, ответил:

— Все в порядке. При мне его проверяли, но ничего не обнаружили. Наверное, само отрегулировалось. Сейчас не перегревается.

— Порядок.

Дан окинул взглядом ночное небо. Тонкий серп луны слабо освещал под собой белый волнистый покров. Перистая, облачная пряжа то неторопливо приближалась к лобовому стеклу, то внезапно распадалась на тонкие волокна и исчезала в темном пространстве. Иногда самолет проваливался в громаду серо-молочного облака, через секунду-две вырывался из нее, как спаниель из воды, встряхиваясь и фырча.

— Может, повезет, и пройдем дальше при ясной погоде, — сказал Дан.— Не похоже, чтобы и на этот раз метеосводка ошиблась... Но почему-то, когда летишь с такой беспокойной компанией на борту, обязательно что-нибудь нарушается в графике.

— Точно,— согласился второй пилот.— А вот через месяц или около того будет спокойнее.

Самолет стало слегка подбрасывать, он столкнулся с восходящими потоками теплого воздуха, и на несколько минут командир сосредоточил все свое внимание на пилотировании. Затем спросил:

— Ты хотел бы попасть на этот великий матч в Ванкувере, ну, конечно же, если сможем отдохнуть перед этим?

Второй пилот, немного помедлив, ответил:

— Еще не знаю. Как получится.

Командир пристально посмотрел на него.

— Что ты имеешь в виду? Что значит «как получится»? Если ты решил приударить за Джанет, то брось эти

штуки. Она слишком молода для такого Казановы, как ты.

Но эта характеристика менее всего подходила молоденькому пилоту с его вдумчивыми глазами и свежим цветом лица.

— Полегче, командир, — вспыхнув, возразил он. — Я еще никого в своей жизни не развратил.

— Ну что ж, малыш, это вполне возможно. Но не советую начинать с Джанет, — усмехнувшись, заметил капитан. — Половина персонала авиалиний Канады считает своим долгом завоевать ее. Не осложняй себе жизнь, малыш.

В трех с лишним метрах от них за раздвижной дверцей та, о которой говорили, принимала у пассажиров заказы на ужин.

— Не хотели бы вы сейчас поужинать, сэр? — склонившись над пассажиром, спрашивала она с мягкой улыбкой.

— А! Как это? Ах да, пожалуйста, — пробормотал Байард, с трудом выбираясь из сна и, подтолкнув Спенсера, который все еще спал, позвал:

— Проснитесь! Ужин.

Спенсер зевнул и встряхнулся.

— Ужин? Прекрасно. Немного запаздываете, мисс, да? А я думал, что давно проспал его.

— Нас задержали в Торонто, сэр, и поэтому мы еще не подавали, — сказала Джанет. — Что вы желаете? Могу предложить баранью отбивную или запеченного лосося.

— Э... да, пожалуй.

Улыбка Джанет стала немного напряженней.

— Так что же, сэр? — переспросила она невозмутимо.

Спенсер, наконец, совсем очнулся:

— Ах, да, простите, мисс. Я буду отбивную.

— И я тоже, — сказал Байард.

Вернувшись в буфет, Джанет тотчас занялась приготовлением. Теперь ей требовалось не более получаса, чтобы все подать. Улучив минутку, она взяла телефон и нажала кнопку внутренней связи.

— Кабина пилотов, — раздался голос Пита.

— Я наконец подаю ужин, — сказала Джанет. — Лучше поздно, чем никогда. Есть баранья отбивная и запеченный лосось.

— Минутку.

Джанет услышала, как Пит обратился к командиру:

— Джанет, командир сказал, что будет отбивную, нет, секунду, он раздумал... как рыба, ничего?

— Мне кажется, что вполне,— задорно откликнулась Джанет.— Ее выбрали почти все.

— Ну, тогда командир возьмет лосося. А вообще-то давай два. И побольше гарнира не забудь. Мы ведь еще растем.

— Хорошо. Значит, двойные порции, как обычно. Ну, сейчас приплывет ваша рыбка.

Она быстро собрала два подноса и, неся их впереди себя, пошла к пилотам, с профессиональной ловкостью поддерживая равновесие при почти неощутимых колебаниях самолета. Пит появился, чтобы открыть ей дверь, и принял подносы. Командир уже переключил управление на автопилот и теперь заканчивал очередную радиосвязь с диспетчерскими пунктами в Ванкувере.

«Высота 16 тысяч,— продолжал он, обращаясь в крохотный микрофон, торчавший у его рта на тонкой пластмассовой дужке. — Курс точно 285. Воздушная скорость 210 узлов. Расчетное время прибытия 05.05 по тихоокеанскому часовому поясу. Конец».

Дан переключил связь на прием, и в кабине сразу же послышался звучный треск из его наушников, сопровождавший подтверждения аэродрома: «Рейс 714-й? Говорит контрольный пункт Виннипег. Вас понял. Конец».

Дан достал бортовой журнал, сделал в нем запись и затем отодвинул кресло от штурвала на расстояние, достаточное, чтобы чувствовать себя свободным, но в то же время чтобы в любую минуту можно было до него дотянуться. Пит уже начал есть, поставив поднос к себе на колени.

— Я быстро, командир,— сказал он.

— Не спеши,— отозвался Дан, вытянув руки над головой, насколько позволял это довольно низкий потолок в кабине. — Я могу и подождать. Поешь в удовольствие. Ну, как рыба?

— Неплохо,— пробормотал с набитым ртом второй пилот.— Если бы еще этого было в два-три раза больше, то вполне бы насытился.

Командир хмыкнул:

— Ты бы лучше следил за своей талией, Пит! — И обернулся к стюардессе, которая ожидала в полумраке у двери: — Все в порядке в салоне? Как там наши болельщики?

Джанет пожала плечами:

— Совсем утихомирились. Наверное, их измотала наша задержка в Торонто. Четверо из них прикладывались довольно часто к бутылке, но останавливать их не имело смысла. От выпитого они только еще больше притихли. Наверное, ночь пройдет спокойно, тьфу-тьфу.

Пит насмешливо поднял брови:

— Ха-ха, детка. Вот в такую-то ночь все несчастья и происходят. Вот увидишь, кого-то уже сейчас выворачивает...

— Еще нет,— легко отпарировала Джанет.— Но предупредите меня, когда вы возьметесь за штурвал. Вот тогда-то я и приготовлю пакеты.

— Молодец, так его! — воскликнул командир.— Я рад, что ты его раскусила!

— Что слышно насчет погоды? — спросила Джанет.

— Сейчас проверим. Так. Небольшой туман на востоке от гор, распространяется почти до Манитобы. А в общем-то беспокоиться не о чем. Думаю, доберемся спокойно.

— Прекрасно! Только держи младшего подальше от штурвала, пока я подаю кофе.

И она выскользнула из кабины прежде, чем Пит успел ей ответить. Она направилась в салон, но вскоре снова появилась у пилотов с подносом. Дан к тому времени уже покончил с ужином и с удовольствием выпил принесенный Джанет кофе. Когда командир поднялся, Пит даже не обернулся, так как, приняв управление на себя, с напряженным вниманием новичка следил за приборами.

Дан прошел за Джанет в залитый светом салон и, зажмурившись от яркого освещения, приостановился у кресел, где сидели Спенсер и Байард. Они, протянув свои подносы стюардессе, взглянули на него.

— Добрый вечер,— обратился к ним Дан. Все в порядке?

— Ну, конечно. Спасибо. Чудесный ужин. Правда, мы уже давно были к нему готовы.

— Да, я понимаю. Извините, что запоздали.

Доктор успокаивающе махнул рукой.

— Ерунда. Вряд ли стоит обвинять вас в том, что Торонто вдруг вздумал немного прикрыться туманом. А теперь,— добавил он, устраиваясь в кресле поудобнее,— я собираюсь немного вздремнуть.

— И я тоже не прочь,— сказал, зевнув, Спенсер.

— Надеюсь, что вы хорошо выспитесь,— сказал Дан, выключая боковой свет над их головами.— Стюардесса принесет вам одеяла.

Он направился дальше по проходу, приглушенным голосом обмениваясь двумя-тремя словами с каждым пассажиром, одним объясняя, как можно откинуть кресло, другим рассказывая, как проходит полет, какая ожидается погода.

— Ну, я готов соснуть,— сказал Спенсер.— А для вас еще одно хорошо: не будет ни одного вызова.

— Сколько нам еще лететь? — пробормотал Байард сонно, глаза его были уже закрыты.— Наверное, добрых семь часов. Лучше всего их полностью отдать сну. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, доктор,— с тяжким вздохом отозвался Спенсер, стараясь поудобнее устроить голову на валике спинки.— Но не мешало бы выпить чего-нибудь успокаивающего.

Окутанный густой облачностью, отрешенно и независимо, будто особый изолированный мир, самолет летел по строго заданному курсу. Под ним на расстоянии 16 тысяч футов простирались тихие и спящие просторы Саскагевана.

Дан подошел к четверке на задних сиденьях и мягко запретил им на эту ночь дальнейшее прикладывание к спиртному.

— Вы же знаете,— сказал он им с укоряющей улыбкой,— этими вещами запрещено здесь заниматься. Так что лучше, если я больше не увижу ни одной бутылки, иначе вам придется выйти и добираться пешком.

— А в карты разрешается? — спросил один из компании и, проверив на свет содержимое своей бутылки, унылой гримасой отметил свое разочарование.

— Отчего же нет, пожалуйста,— ответил Дан, — но только с тем условием, что вы не будете беспокоить других пассажиров.

— А наш бедный командир! — проговорил вдруг болельщик из Ланкашира.— Неужели он всю ночь так и будет опекать своих пассажиров?

— Ничего не поделаешь,— ответил Дан.— Такова наша работа.

— И каждый полет одно и то же?

— В общем-то да.

— До тех пор, пока что-нибудь не случится?..

Раздалось дружное хихиканье, к которому присоединился и сам Даннинг. Только ланкаширец вдруг ненадолго погрузился в неясно проступающие сквозь алкогольный дурман мысли, вызванные его собственными словами.

ГЛАВА II

Командир обошел уже почти всех пассажиров и теперь мог позволить себе задержаться, чтобы поболтать с одним из них, забавным человечком, которого он запомнил по предыдущему полету.

— Наверное, с ними я выгляжу, как заправский воякa из ВВС,— сказал Дан, поддев свои густые усы. И как бы в оправдание пояснил: — Но я к ним так уже привык, что расстаться теперь то же, что и потерять друга.

— Спорю, что все девушки от них без ума,— отозвался его маленький собеседник.— Как же они вас прозвали, не Моржом ли?

— Не совсем,— ответил Дан, пряча в усах улыбку — У нас на авиалинии народ образованный. Чаще они зовут меня Дансинейн.

— Как? — переспросил его собеседник.

— Дансинейн, — проговорил капитан раздельно. — Вы-то должны знать! Неужели забыли нашего «Макбета»!

— Забыл Макбета? — повторил он обескураженно.— Эй, да о чем это вы?

Командир пояснил. Пока он говорил, его глаза неотрывно следили за стюардессой, которая стояла несколько поодаль, склонившись над креслом какого-то пассажира. Когда он подошел, то увидел, что там скорее лежала, чем сидела женщина, все ее тело тяжело вдавилось в подушки кресла, лицо время от времени искажалось судорожной гримасой. Глаза суживались, как бывает от сильной боли. Командир тронул за плечо стюардессу.

— Что-нибудь случилось, мисс Бенсон? — спросил он.

Джанет выпрямилась.

— Мадам немного не по себе, командир,— сказала она совершенно спокойно.— Я дам ей аспирин. Сейчас вернусь.

Дан занял ее место и, наклонившись, обратился к женщине и ее спутнику.

— А что вас беспокоит? — спросил он сочувственно.

Женщина с трудом подняла на него глаза.

— Я... я не знаю,— сказала она слабым голосом.— Вдруг стало так плохо. Всего несколько минут назад я почувствовала тошноту и головокружение, и еще такая страшная боль вот здесь.— И она показала на живот.— Извините, что доставляю вам хлопоты, но... я...

— Ну, ну, дорогая,— пробормотал человек рядом с ней.— Лежи спокойно. Скоро тебе станет легче. — Он взглянул на капитана: — Наверное, просто приступ воздушной болезни.

— Я тоже так думаю, сэр,— ответил Дан и озабоченно взглянул на женщину: капельки пота начали проступать на ее мертвенно-бледном лбу, волосы были спутаны, костяшки пальцев побелели, так напряженно она держалась одной рукой за подлокотник кресла, а другой за мужа.— Мне очень жаль, что вам стало нехорошо,— сказал он мягко,— но я уверен, что наша стюардесса сможет вам помочь. Постарайтесь как можно больше расслабиться. Может быть, вам станет немного легче, если я вам сообщу, что дальнейший полет, по всей видимости, будет спокойный.— Командир отступил на шаг, чтобы дать дорогу Джанет.

— Ну вот и я,— сказала стюардесса, отдавая таблетки.— Примите вот это.— Поддерживая голову женщины, она помогла ей отпить несколько глотков воды.— Вот и хорошо. А теперь позвольте мне поудобнее вас устроить.

Джанет подоткнула плед со всех сторон вокруг больной.

— Ну как? — Женщина благодарно кивнула. — Через несколько минут я вернусь вас проведать. Не стесняйтесь и берите бумажные пакеты, сколько вам нужно. Если я срочно понадоблюсь, нажмите кнопку у окна.

— Спасибо, мисс,— поблагодарил мужчина.— Я уверен, скоро все пройдет.— Он взглянул на жену с такой растерянной улыбкой, будто ему самому не очень в это верилось.— Попытайся заснуть,— сказал он ей.— Тогда все быстро пройдет.

— Да, вот это верно,— сказал Дан.— Я понимаю ваше состояние сейчас, мадам. Но надеюсь, что скоро вам будет гораздо легче, и вы оба еще успеете отдохнуть за эту ночь.

Он вышел из салона и подождал за дверью Джанет.

— Дай мне сразу же знать, если ей станет хуже,— приказал он подошедшей стюардессе.— Тогда я свяжусь с землей. Как ее зовут?

— Миссис Чилдер. Не понимаю: пятнадцать минут назад все было в порядке. Что это?

— Не знаю. Но мне не нравится ее вид. Возможно, конечно, что воздушная болезнь или приступ печени. Но ее прихватило довольно здорово.— Командир выглядел несколько озабоченным, его пальцы отбивали нервную дробь на металлическом поручне.— Есть ли у нас в списке пассажиров доктор?

— Нет, во всяком случае, никто не назвался доктором,— ответила Джанет.— Но я спрошу.

Дан покачал головой:

— Не надо их сейчас беспокоить. Большинство из них уже спит. Примерно через полчаса дай мне знать, как она. Самое главное то,— тихо добавил он, уже поворачиваясь, чтобы уйти,— что до берега нам лететь еще целых четыре часа.

Направляясь в кабину экипажа, он приостановился около больной женщины и ободряюще ей улыбнулся. Она попыталась улыбнуться в ответ, но внезапный приступ боли заставил ее закрыть глаза, и она конвульсивно выгнулась на спинке сиденья. Дан задержал на ней пристальный взгляд, а затем двинулся дальше. Войдя в свою кабину, он плотно закрыл за собой дверь и, не отодвигая кресла, проскользнул в него и сел. Сняв форменную фуражку, он надел наушники и микрофон. Пит пилотировал самолет вручную. То и дело отдельные клубы облаков на мгновение заволакивали лобовое стекло и затем растворялись где-то в темноте.

— Дождевые облака собираются,— отметил помощник.

— Идем на непогоду?— откликнулся Дан.

— Похоже.

— Ничего, выберемся. Лучше всего попробовать подняться выше. Запроси насчет высоты 20 тысяч.

— Хорошо.— Пит включил связь на передачу.— 714-й запрашивает Регину,— позвал он в микрофон.

— Вас поняли. Перехожу на прием,— затрещал голос из наушников.

— Впереди непогода. Мы бы хотели подняться на 20 тысяч.

— 714-й, вас понял. Я справлюсь в Управлении воздушным движением.

Командир напряженно вглядывался в клубящиеся впереди облака.

— Не мешало бы включить табло «Пристегнуть ремни», Пит,— сказал он, корректируя положение самолета, готового вот-вот попасть в воздушную яму.

— Сейчас включу,— отозвался Пит, протягивая руку к кнопке.

Самолет немного тряхнуло, когда он вышел из одного облака, но тут же он попал в другое.

— 714-й,— раздался голос по радио.— Управление дает разрешение на 20 тысяч. Конец.

— Говорит 714-й,— дал подтверждение Пит.— Спасибо. Конец.

Шум двигателей перешел в более напряженный и низкий гул, и пол в кабине начал уходить вверх. Ожившая на мерцающей панели стрелка высотомера начала отмечать ежеминутный подъем на 400 метров.

— Ох, много бы я отдал, только поскорее пройти эту дрянь,— высказался второй пилот.

Дан ничего не ответил, его глаза напряженно следили за показаниями приборов. Никто из пилотов не заметил, как вошла стюардесса.

— Командир,— настойчиво позвала она, стараясь в то же время не выдать голосом свое волнение.— Я по поводу той женщины. Ей все хуже. Кроме того, стало плохо еще одному из пассажиров — из той четверки...

Дан не обернулся. Он протянул руку и включил посадочные фары. Яркие лучи выхватили из тьмы беспорядочное движение дождя и снега. Выключив их, он занялся системой противообледенения.

— Я не могу сейчас прийти, Джанет,— ответил он, не прекращая работы.— А ты лучше пойди и попытайся найти доктора, как мы с тобой договаривались. Проверь, чтобы все надели привязные ремни. Возможно, будет здорово болтать. Я приду, как только смогу.

— Хорошо, командир.

Войдя в салон, Джанет обратилась к пассажирам в меру громким и ровным голосом:

— Застегните привязные ремни, пожалуйста. Возможна небольшая болтанка.— Затем она нагнулась к пассажирам, сидящим в первом ряду справа. Они взглянули на нее полусонными глазами.— Простите,— сказала она, улыбаясь,— нет ли среди вас доктора?

Мужчина с краю покачал головой и ворчливо ответил:

— Нет, к сожалению, а в чем дело?

— Нет, ничего особенного.

Громкий стон заставил ее тут же выпрямиться, и она заспешила к миссис Чилдер. Та лежала, скрючившись, на руках мужа. Джанет опустилась около нее на колени и отерла со лба крупные капли пота.

— Что же нам делать? — спросил Чилдер. — Что это, как вы думаете?

— Постарайтесь согреть ее, — посоветовала Джанет. — А я пойду пока узнаю, нет ли среди пассажиров доктора.

— О боже, я только на это надеюсь. А если его нет?

— Не беспокойтесь, сэр. Через минуту я снова буду около вас.

Джанет поднялась на ноги и, еще раз взглянув на страдающую женщину, пошла по проходу, тихо обращаясь к пассажирам с одним и тем же вопросом.

— Кому-нибудь плохо? — спрашивали ее.

— Ничего страшного. Небольшое недомогание. Такое иногда случается во время полета. Извините, что потревожила вас.

Чья-то рука схватила ее за запястье. Это оказался один из той четверки, которую недавно утихомиривал командир. Лицо его было желтым и блестело от пота.

— Извините, мисс, что я снова вас беспокою, но мне чертовски нехорошо. Я бы вас очень просил принести мне стакан воды.

— Да, да, сейчас принесу.

— Так плохо мне еще никогда не было. — Мужчина откинулся назад, тяжело отдуваясь. Один из спутников зашевелился и открыл глаза.

— Что с тобой? — пробурчал он.

— Все внутренности выворачивает, — проговорил заболевший и тут же, почувствовав очередной приступ боли, схватился за живот.

Джанет мягко потрепала Спенсера за плечо. Тот с трудом разлепил глаза. — Извините, что разбудила вас, — обратилась она к нему. — Нет ли доктора среди вас?

Спенсер попытался стряхнуть с себя сон.

— Доктора? Нет. Вроде бы нет. — Джанет кивнула и двинулась было дальше, но он остановил ее. — Хотя, минутку. Сейчас припоминаю. Ну, конечно же, он доктор. Вот этот джентльмен рядом со мной — доктор.

— О! Слава богу! — с облегчением выдохнула стюардесса.— Вы не могли бы его разбудить?

— Конечно.— Он принялся расталкивать спавшего мертвым сном соседа.— Кто-нибудь болен?

— Да, немного.

— Ну, давайте, доктор, просыпайтесь! — в сердцах прикрикнул Спенсер. Доктор замотал головой, проворчал что-то и затем очнулся:

— Да?

— Похоже, что вам не обойтись в эту ночь без вызова.

— Вы доктор, сэр? — спросила в нетерпеливом волнении Джанет.

— Да. Я доктор Байард. А что случилось?

— Двое пассажиров плохо себя чувствуют. Не могли бы вы взглянуть на них?

— Безусловно! Я готов. Где они? — спросил он, протирая глаза.

— Сначала, я думаю, лучше осмотреть женщину, — ведя доктора по проходу, прошептала Джанет, одновременно мягко приказывая то одному, то другому пассажиру пристегнуть ремни.

Миссис Чилдер полулежала, разметавшись в кресле. Боль спазмами скручивала ее тело. Дыхание было тяжелым и прерывистым. Волосы, намокшие от пота, прилипли к осунувшимся щекам больной. Байард окинул женщину пристальным взглядом и, присев около нее, взял за запястье.

— Этот джентльмен — доктор, — сказала Джанет.

— О, я так рад, что вы здесь оказались,— с жаром откликнулся Чилдер.

Женщина открыла глаза. «Доктор...» — Она попыталась что-то сказать, но губы дрожали и не слушались.

— Самое главное сейчас — расслабиться, — сказал Байард, не отрывая глаз от циферблата ручных часов. Затем он отпустил ее руку, пошарил по карманам и вынул ручной фонарик.— Раскройте пошире глаза, — мягко приказал он и проверил реакцию глаз на свет.— Так. Сильные боли? — Женщина кивнула.— Где? Здесь? Или здесь? — Когда он нажал на живот, она вдруг оцепенела на мгновение, а затем крик боли свел ей гортань. Байард спросил Чилдера: — Жаловалась ли ваша жена на что-нибудь еще, кроме болей в животе?

— Тошнота. Ее всю вывернуло наружу.

— Когда это началось?

— Да вот совсем недавно. — Чилдер бросил беспомощный взгляд на Джанет. — Совершенно неожиданно.

Байард кивнул ему в ответ и, взяв Джанет под руку, отвел в сторону и очень тихо, так, чтобы его не услышали сидевшие рядом пассажиры, уже настороженно поглядывавшие в их сторону, спросил: — Вы давали ей что-нибудь?

— Только аспирин и воду, — ответила Джанет. — О, совсем забыла. Я же обещала принести воду другому пассажиру, ему тоже плохо.

— Стойте, — жестко остановил ее Байард. Его сонливость совершенно исчезла. Он уже был готов действовать быстро и решительно.— Где вы обучались первой помощи?

Джанет покраснела от его тона.

— В школе для стюардесс, но...

— Хорошо, это уже неважно. Запомните: аспирин ничего, кроме вреда, не принесет человеку, которого тошнит. Только воду, одну воду.

— Я... извините, доктор,— пробормотала Джанет.

— Думаю, что лучше всего вам сейчас пойти к командиру,— сказал Байард,— и сказать, что мы должны срочно идти на посадку. Эту женщину необходимо доставить в госпиталь. Машина «Скорой помощи» должна ждать на аэродроме.

— А что с ней, как вы думаете?

— В этих условиях я не могу поставить точный диагноз. Но это достаточно серьезно, чтобы приземлиться в ближайшем городе, где есть больница. Можете так и передать командиру.

— Хорошо, доктор. Вы не осмотрите другого пассажира, пока я буду у командира? Он жалуется на такие же боли и тошноту.

Байард пронзительно взглянул на нее.

— Такие же боли? Где он?

Джанет подвела его к креслу больного. Тот вздрагивал всем телом от приступов тошноты. Его товарищ поддерживал несчастного за плечи. Байард нагнулся, пытаясь взглянуть на лицо больного.

— Я врач. Не могли бы вы откинуть голову назад?

Он быстро осмотрел больного и затем спросил его:

— Что вы ели за последние 24 часа?

— Ничего особенного,— прошептал тот: казалось, вся былая сила, былой задор навсегда оставили его.— На

завтрак яйцо с ветчиной. Салат на обед. Бутерброд в аэропорту... Потом ужин здесь.

Струйка слюны бесстыдно сбежала по его подбородку.

— Боже, эта боль, доктор! И глаза...

— А что с вашими глазами? — быстро спросил Байард.

— Все как-то не в фокусе, все двоится.

Его соседу показалось это забавным.

— Это виски иногда так ударит по мозгам, что ого-го! — воскликнул он.

— Потише, — сказал Байард, выпрямляясь. За его спиной уже стояли Джанет и командир.

— Его надо держать в тепле. Накиньте на него еще одеял,— приказал он Джанет.

Командир жестом пригласил его пройти с ним. Когда они оказались одни, Байард спросил:

— Через сколько мы сможем сесть?

— В том-то и дело, что сесть мы не можем,— коротко ответил Дан.

Байард оторопело посмотрел на него.

— Как?

— Из-за погоды. Я только что справлялся по радио. Над прериями сейчас низкие облака и туман. Калгари закрыт. Мы сможем сесть только по ту сторону гор. На побережье. Байард на мгновение задумался.

— А если повернуть назад? — спросил он.

Дан покачал головой.

— Это тоже исключено. Виннипег закрыли из-за тумана вскоре после нашего вылета. Будет быстрее, если лететь вперед.

Байард поморщился.

— Когда же вы сможете посадить самолет?

— Примерно в пять утра по тихоокеанскому времени.

Дан непроизвольно взглянул на ручные часы доктора и добавил:

— Через три с половиной часа. Чартерные самолеты не самые быстрые в мире.

Байард понял, что теперь остается действовать только ему.

— Пока мы не приземлимся в Ванкувере, я постараюсь помочь этим людям, чем могу. Мне нужна моя сумка. Как вы думаете, до нее можно добраться? Я ее сдал в Торонто.

— Попытаемся, — сказал командир.— Я надеюсь, она не на самом дне. Дайте мне ваши багажные талоны.

Длинные пальцы Байарда скользнули в боковой карман брюк и извлекли бумажник. Он вынул оттуда талоны и отдал их Дану.

— Там две сумки, командир. Мне нужна та, которая поменьше. В ней не так много медикаментов — всего несколько самых необходимых вещей, которые я всегда вожу с собой. Но они могут пригодиться.

Не успел он договорить, как самолет вдруг сильно качнуло, и они оба отлетели к противоположной стене. Раздался громкий непрерывный сигнал. Командир первый вскочил на ноги и бросился к внутреннему телефону.

— Это командир! — резко выкрикнул он. — В чем дело, Пит?

Отозвавшийся голос звучал слабо:

— Мне плохо... Идите скорей...

— Прошу вас со мной,— обратился Дан к доктору, и они быстро вышли из буфета.

В салоне их встретили вопросительные и встревоженные взгляды пассажиров.

— Воздушная яма. Ничего не поделаешь. Извините,— спокойно пояснил Дан.

Как только они вошли в кабину пилотов, им тут же стало ясно, что второму пилоту очень плохо. Пот покрывал все лицо. Тяжело откинувшись на спинку кресла, он из последних сил сжимал штурвал.

— Надо вынуть его из кресла,— приказал Дан.

Байард и Джанет, которая вошла следом за мужчинами, подхватили Пита и подняли его на руки. Дан уже сел в свое кресло, штурвал был в его руках.

— Там сзади есть кресло радиста,— сказал Дан.— Отнесите его туда.

Когда они уложили Пита, Байард расстегнул ему воротник и постарался устроить его как можно удобнее. Больного трясло, каждые несколько секунд все тело сводили судороги рвоты.

— Доктор,— обратился к Байарду командир, голос его был напряжен.— Что это? Что происходит?

— Не могу сказать с уверенностью, — ответил тот мрачно,— но у всех этих случаев должен быть общий знаменатель. Скорее всего пища. Что было на обед?

— Горячее блюдо на выбор: мясо или рыба,— сказала Джанет.— Вот вы, доктор, вы брали...

— Мясо! — отрезал Байард.— Это было... Так... два-

три часа назад. Что он брал? — Доктор показал на второго пилота.

На лице Джанет появилась тревога.

— Рыбу,— почти шепотом выговорила она.

— А что брали те двое пассажиров, вы помните?

— Нет. Но мне кажется...

— Пойдите, пожалуйста, и быстро проверьте.

Стюардесса поспешно вышла.

Байард наклонился к второму пилоту. Глаза больного были закрыты.

— Постарайтесь расслабиться,— попросил он мягко.— Через несколько минут я дам вам лекарство, которое снимет боль.

Пит приоткрыл глаза и облизал запекшиеся губы.

— Вы доктор? — спросил он.

Байард кивнул. С полуобморочным подобием улыбки Пит выговорил:

— Извините за эту суматоху. Я думал, что отдаю концы.

— Не разговаривайте. Вам надо беречь силы.

Вернулась Джанет.

— Доктор,— произнесла она тихо, запинаясь от волнения.— Я проверила. Оба эти пассажира ели рыбу. Теперь еще трое жалуются на боли. Пройдемте туда, пожалуйста.

— Конечно. Но мне все-таки нужна моя сумка.

Дан обернулся к нему.

— Послушайте, доктор, я не могу сейчас выйти, но вам поможет Джанет. Вот ваши талоны. Джанет, попроси кого-нибудь из пассажиров помочь тебе и отыщи доктору его сумку, хорошо?

Джанет взяла талоны.

— Я хочу связаться с Ванкувером, — продолжил Дан.— Надо сообщить им, что происходит. Передать что-нибудь от вас, доктор?

— Прежде всего,— сказал Байард,— сообщите, что у нас три серьезных случая предполагаемого отравления пищей. По-видимому, будут и другие. Вы можете также сказать, что хотя мы не полностью уверены, но отравление могло быть вызвано рыбой, которую подали в самолете. Хорошо, если вы попросите их наложить запрет на все продукты, которые получены из того же источника, что и наши. По крайней мере до тех пор, пока мы точно не установим причину отравления.

— Я сейчас припоминаю,— воскликнул Дан, — из-за

опоздания нашим агентам пришлось получить продукты не от постоянных поставщиков, а от кого-то еще.

— Обязательно передайте им это, командир, — сказал Байард.— Они должны знать.

— Доктор, пожалуйста, — умоляюще позвала его Джанет.— Надо срочно посмотреть миссис Чилдер. Она уже без сознания.

Байард направился к двери. Лицо его осунулось, но выражение глаз было спокойным и решительным.

— Позаботьтесь, чтобы среди пассажиров не поднялась паника,— наставлял он по дороге стюардессу.— Многое зависит от вас. Теперь, если вы хорошо поищете и найдете, наконец, мою сумку, я смогу что-то сделать для миссис Чилдер.— Он распахнул перед ней дверь, затем внезапно остановился, как будто какая-то мысль пригвоздила его к месту.— Кстати, а что вы ели?

— Я — мясо, — ответила стюардесса.

— Тогда слава богу.

Джанет улыбнулась и хотела было идти, но доктор вдруг сильно сжал ее руку.

— Я надеюсь, что командир тоже ел мясо? — выговорил он.

Стюардесса посмотрела на него таким растерянным и тревожным взглядом, будто пыталась одновременно и вспомнить и понять, что стоит за этим вопросом. И когда до нее дошел смысл слов Байарда, глаза ее расширились от ужаса, и она, покачнувшись, едва не упала ему на руки.

ГЛАВА III

— Срочно найдите мою сумку,— сказал Байард, когда стюардесса пришла в себя.— А мне пока надо сказать несколько слов командиру.

И он вернулся в кабину пилотов.

Силуэт командира вырисовывался на фоне холодной сверкающей картины лунной ночи, раскинувшейся среди бесконечных снежных перевалов облаков, причудливые очертания которых могут привидеться разве только во сне.

— Командир,— позвал его доктор. Дан обернулся.

Лицо его было обесцвечено и искажено лунным сиянием.— Мне нужно быстро кое-что с вами выяснить. Меня ждут в салоне. Там еще несколько таких же случаев заболевания.

— Я вас слушаю, доктор.

— Вы, наверное, ели последним, после второго пилота?

— Да.

— Насколько позднее, чем он?

— Около получаса, я думаю. А может быть, больше, но ненамного.— И тут до него дошел смысл вопроса. Он резко выпрямился и ударил ладонью по рукоятке штурвала.

— Черт те что! Я ведь тоже ел рыбу!

— А как вы себя чувствуете?

— Пока все в порядке. Нормально.

— Так! — В голосе Байарда почувствовалось облегчение.— Как только мне достанут мою сумку, я тут же дам вам рвотное.

— И это поможет?

— Зависит от того, сколько вы уже успели усвоить. Вопреки всякой логике вполне возможно, что не все, кто съел рыбу, заболеют. Может быть, вы один из них.

— Хорошо бы,— пробормотал Дан, уставившись в залитое лунным сиянием пространство.

— Теперь вот еще,— сказал Байард.— Можно как-нибудь перевести самолет на автоматическое управление?

— Конечно,— ответил Дан.— Для этого есть автопилот. Но с его помощью нельзя посадить самолет.

— Я бы вам советовал переключить управление на автопилот. На всякий случай. Если вдруг вам станет плохо, срочно вызовите меня. Правда, не думаю, чтобы в моих силах было многое. Но если вы все-таки отравились, то симптомы появятся очень скоро.

Дан сжал штурвал так, что костяшки пальцев побелели.

— Ну ладно,— проговорил он спокойно.— А как насчет мисс Бенсон, стюардессы?

— Все в порядке. Она ела мясо.

— Ну, тогда еще ничего. Послушайте, принесите, ради бога, скорее это свое рвотное.

— Бенсон ищет вовсю. Так, если не ошибаюсь, уже по крайней мере два человека находятся в глубоком шоке. И еще одно,— сказал Байард, глядя прямо в глаза командиру.— Вы абсолютно уверены, что нет другого, более короткого пути?

— Конечно,— ответил Дан.— Я уже несколько раз проверял. Сплошная облачность и наземный туман вез-

де, вплоть до той стороны гор. Калгари, Эдмонтон, Летбридис — все закрыто. Это естественно, ведь наземная видимость равна нулю. В обычных условиях это бы нас нисколько не беспокоило.

— Но сейчас беспокоит, и даже очень.

Доктор был уже на пороге, когда Дан вдруг спросил его:

— Постойте. За этот полет отвечаю я, и потому я могу требовать прямого ответа. Говорите без обиняков: какие у меня шансы выбраться?

Байард сердито покачал головой. Самообладание на мгновение покинуло его.

— Этого я знать не могу,— сказал он резко.— В таких случаях не может быть никакой гарантии.

Когда он уже собирался выйти, его снова остановил голос Дана:

— Ох, доктор!

— В чем дело?

— Хорошо, что вы тут оказались.

Байард вышел, ничего не сказав. Дан тяжело перевел дыхание. Нужно было решать, как действовать дальше.

В критических ситуациях, угрожавших пассажирам и самолету, Дан оказывался и раньше. Но на этот раз его обычную в таких случаях уверенность разъедало леденящее предчувствие катастрофы. И как это могло произойти, чтобы самолет после какого-то получаса нормального обычного полета, с веселой оравой бслельщиков на борту, стал чем-то вроде кошмарного призрака, возникшего в четырех милях над землей, призрака, о котором в скором времени появятся кричащие заголовки газет.

Дану стало вдруг самому противно от этих мыслей, и он с презрением их отбросил.

Он щелкнул переключателем на панели автопилота, взглянул на указатель курса и затем снял руки со штурвала. Оставалось только еще раз тщательно проверить работу всех приборов. Теперь кабина пилотов могла бы показаться неопытному глазу чем-то фантастическим. Два одинаковых штурвала двигались то слегка вперед, то назад, то снова вперед, будто два невидимых человека сидели за каждым из них. По всему обширному пространству приборной панели десятки стрелок вели регистрацию только им ведомых процессов.

Закончив проверку, Дан подтянул ко рту микрофон,

державшийся на пружинном шнуре у затылка, и натянул наушники. Головка микрофона, качнувшись на пружине, больно врезалась острым краем в щеку Дана. Он зло выругался. «Ну, ну,— приказал он себе,— спокойнее».

Дан начал говорить неторопливо и ровно:

— Алло, диспетчерский пункт Ванкувер? Говорит 714-й компании «Мэпл Лиф». Примите срочное сообщение. Примите срочное сообщение.

В наушниках Дана тотчас раздался далекий голос:

— 714-й, вас понял. Говорите.

— Диспетчерский пункт Ванкувер. Говорит 714-й. Передаю особо важное сообщение. У нас на борту три серьезных случая предполагаемого отравления. Среди пострадавших — второй пилот. Возможны также новые случаи. Когда мы приземлимся, нам потребуется немедленная врачебная помощь и санитарные машины. Сообщите об этом в близлежащие больницы. Мы не можем с полной уверенностью утверждать, но нам кажется, что отравление вызвано рыбой, которую подавали в самолете на ужин. Из-за нашего позднего прибытия в Виннипег продукты пришлось получить не от постоянных поставщиков авиалиний. Было бы целесообразно наложить запрет на все продукты, которые поступили из того же источника, хотя бы до тех пор, пока причина отравления не будет выяснена окончательно. Пожалуйста, проверьте.

Диспетчерский пункт в Ванкувере отвечал с той же бесстрастностью и краткостью, как и всегда, но Дан догадывался, какой взрыв произвели его слова на далеком западном побережье и какая активная деятельность начнется после них. Совершенно обессиленный, он закончил передачу и откинулся на спинку кресла. И тут он почувствовал, как холодный пот выступил на лбу и все тело вдруг свело внезапной спазматической болью. Это было предательством: в такой критической ситуации организм подвел его. Ярость охватила Дана. Он собрал последние силы и еще раз все проверил: уточнил курс самолета, время прибытия, определил направление встречных ветров по ту сторону хребта, изучил план посадочных полос в Ванкувере. Затем он достал бортжурнал, открыл его и проверил время по своим ручным часам. Его одурманенный мозг с болезненной медлительностью пытался разрешить, казалось, в тот момент чудовищно трудную задачу: разметить по часам события этой ночи.

В это время доктор Байард был в салоне около миссис Чилдер. Она так и не приходила в себя.

Чилдер схватил доктора за руку и слегка притянул к себе:

— Скажите, ради бога, что происходит? — Его голос дрожал.— Ей ведь совсем плохо.

Байард взглянул на женщину. Ее дыхание было учащенным и неглубоким.

— Да, совсем плохо,— ответил он.

— Неужели мы ничем не можем помочь? Дайте ей что-нибудь.

Байард покачал головой:

— У нас нет необходимых лекарств. Ей нужны антибиотики. Единственное, что мы можем,— это держать ее в тепле.

— Может быть, дать ей воды?

— Ни в коем случае. Ей станет еще хуже. Ваша жена почти без сознания. Но не тревожьтесь, она придет в себя. А ваша задача — присматривать за ней и держать в тепле. Ее даже в бессознательном состоянии может тошнить. Я скоро к вам подойду.

Байард прошел к следующему ряду кресел. Вдавившись всем телом в сиденье, там громко стонал мужчина средних лет. Воротничок его был расстегнут, лицо блестело от пота. Он водил головой из стороны в сторону, и его губы растягивались при каждом приступе боли. Взглянув на доктора, он пробормотал:

— Это убийство. Так плохо мне никогда не было.

Байард вынул карандаш из кармана пиджака и поднес его к лицу больного.

— Пожалуйста,— сказал он.— Попробуйте взять этот карандаш.

Мужчина с трудом приподнял руку. Его пальцы неловко попытались схватить карандаш, но проскользнули мимо. Байард нахмурился. Он приподнял больного и, усадив поудобнее, подоткнул вокруг него одеяло.

— Я не могу контролировать свои движения,— проговорил мужчина.— И у меня такое ощущение, что голову зажали в тиски.

В это время пришла Джанет. В руках у нее была кожаная сумка.

— Вот умница! — сказал Байард, беря сумку.— Та самая. Правда, от нее не так уж много толка...— Он задумался. Затем громко спросил: — Где внутренняя связь?

— Я покажу вам.— Стюардесса провела доктора в буфет и показала на маленький микрофон.

— Как там миссис Чилдер? — спросила она.

Байард сурово поджал губы и проговорил:

— Не будем играть в прятки — она очень плоха. Но думаю, не ошибусь, если скажу, что скоро и другие могут оказаться в таком же состоянии.

— Вы все еще считаете, что это отравление рыбой?

— Скорей всего. Стафилококки. Хотя по некоторым симптомам можно предположить и нечто худшее. Но кто же может сказать наверняка без надлежащих анализов!

— Вы хотите дать всем рвотное?

— Да. Конечно, за исключением тех, кому уже очень плохо. Вот и все, что я могу сделать. Нам бы сейчас помогли антибиотики, но что толку говорить, если их нет.

Подняв микрофон, Байард вдруг приостановился на секунду.

— Да, как только вы сможете,— сказал он стюардессе,— постарайтесь, организовать уборку салона. Разбрызгайте везде дезинфекцию, если, конечно, она у вас есть.

Байард нажал на включатель микрофона.

— Леди и джентльмены! Прошу внимания.— Он услышал неясный гул голосов в салоне, сливавшийся с ровным гудением двигателей.— Прежде всего я хочу вам представиться. Я доктор Байард. Думаю, всех вас интересует, что за недомогание случилось с некоторыми вашими попутчиками. Я хочу вас об этом проинформировать. Насколько в моих силах судить при данных обстоятельствах, у нас на борту несколько случаев отравления пищей. Предположительно причиной его является рыба, которую некоторые заказали себе на ужин.

За перегородкой раздались встревоженные голоса.

— Выслушайте меня, пожалуйста,— продолжил Байард,— нет причин для тревоги. Повторяю, тревожиться незачем. Те пассажиры, которые почувствовали недомогание, получили соответствующую помощь от стюардессы и от меня. Командир сообщил по радио в Ванкувер, чтобы в аэропорту по прибытии им немедленно оказали медицинскую помощь. Если вы ели рыбу, то это еще не значит, что вы заболеете. Бывают исключения. Может оказаться, что вы невосприимчивы к отравляющим бациллам. Однако мы собираемся принять некоторые меры предосторожности. Мы со стюардессой обойдем всех пас-

сажиров, и вы должны нам сообщить, что ели на ужин. Тем, кто заказывал рыбу, мы расскажем, как они могут себе помочь.

Байард снял палец с кнопки микрофона и обратился к Джанет.

— Все, что мы можем сейчас сделать, это немедленно оказать первую помощь.

— Таблетки, да?

— Мы можем сделать две вещи. Точно неизвестно, чем было вызвано отравление, но ясно, что чем-то принятым всвнутрь. Поэтому начнем с того, что каждому, кто ел рыбу, дадим выпить несколько стаканов воды. Конечно, тем, кто еще в состоянии пить. Это растворит яд и уменьшит токсикацию. После этого дадим рвотное. Если у меня в сумке не окажется достаточно таблеток, будем давать соль. У вас ее достаточно.

— У меня есть несколько пакетиков для завтрака. Можем их открыть.

— Хорошо. Но сначала посмотрим, что дадут нам таблетки. Я начну с конца салона. А вы давайте воду тем, кто уже почувствовал симптомы. Дайте и второму пилоту тоже. Правда, вам одной будет трудно справиться.

Выходя, Байард почти столкнулся в дверях с худым, длиннолицым англичанином по прозвищу «Пейдодна».

— Могу ли я чем-нибудь помочь, доктор? — спросил он озабоченно.

Байард не мог не улыбнуться.

— Спасибо. Но прежде, что вы ели на ужин?

— Слава богу, мясо,— поспешно ответил англичанин.

— Хорошо. Тогда нам незачем беспокоиться хотя бы о вас. Не поможете ли вы в таком случае стюардессе раздать заболевшим пассажирам питьевую воду? Нужно, чтобы они выпили по крайней мере три стакана, а если могут, то и больше.

Пейдодна вошел в кабину и подмигнул стюардессе.

— Не волнуйтесь, мисс, все будет хорошо.

Джанет ответила ему со слабой улыбкой.

— Я тоже в этом уверена, спасибо. Вот посмотрите, здесь чашки, а вот тут кран, мистер?..

— Ребята зовут меня Пейдодна.

— Пейдодна? — недоверчиво переспросила Джанет.

— Ну да. Я из Ланкашира. Там меня и прозвали так.

— Вот оно что! — Джанет рассмеялась.

— Так-то лучше. Где эти ваши чашки? Давайте, детка,

начнем, что ли. Ну и хорошенький же у вас самолет! Сначала дают обед, а потом требуют его обратно.

Внести суматоху в работу современного аэропорта может только какое-то из ряда вон выходящее событие. Но даже если бы там вдруг и возникла паника, что почти исключено, то она была бы тут же жестко подавлена. В противном случае это привело бы к страшным последствиям.

Как только стало поступать срочное сообщение Дана, в диспетчерском пункте Ванкувера атмосфера наэлектризовалась до предела.

На радиостанции принимали сообщение. Радист прервался только на секунду, чтобы нажать на сигнал тревоги. В то время, как он в полной невозмутимости продолжал работать, к нему подошел человек и, перегнувшись через плечо радиста, начал читать то, что возникало на листе бумаги, вставленном в машинку. Этот человек, вызванный сигналом тревоги, был руководитель полетов, знавший все воздушные трассы в северном полушарии, как дорожки в своем саду. Или, наверное, даже лучше, потому что в его саду вечно все зарастало и перезревало. Дойдя до половины сообщения, он вдруг резко оторвался от него и, обратившись к телефонисту в другом конце комнаты, властно отчеканил:

— Срочно свяжите меня с командно-диспетчерским пунктом. Затем дайте мне внеочередную телетайпную связь с Виннипегом.

Отдав распоряжения, руководитель полетов взял телефон и через несколько секунд заговорил невозмутимым голосом:

— У телефона руководитель полетов. С самолета рейса 714 компании «Мэпл Лиф Чартер» получено чрезвычайное сообщение. У них на борту несколько случаев тяжелого отравления пищей. Среди заболевших — второй пилот. Освободите все воздушные трассы под ними на случай срочной посадки.

Нажав на рычаг телефона и не убирая с него руки, он крикнул оператору на телетайпе:

— Ну как, связались с Виннипегом? Хорошо. Отправьте сообщение. Начинайте. «Руководителю полетов аэропорта Виннипег. Срочно. Самолет рейса 714 компании «Мэпл Лиф Чартер» сообщает, что у них на борту несколько случаев тяжелого отравления пищей. Считают, что причиной явилась рыба, поданная на ужин во время полета. Немедленно проверьте поставщиков и на-

ложите запрет на все продукты из того же источника. Учтите, на этот раз был случайный поставщик».

Обернувшись к телефонисту, он потребовал:

— Соедините меня с местным агентом компании «Мэпл Лиф Чартер». Его имя Бёрдек. Затем мне нужно связаться с полицией.

Распорядившись, он продолжил чтение радиограммы Дана. Закончив, он сказал радисту:

— Подтвердите получение, Грег. Передайте им, что все трассы под ними свободны и вскоре мы их проинформируем о возможной посадке. Пусть они постоянно ставят нас в известность о состоянии больных пассажиров.

Этажом ниже диспетчер канадского главного управления полетами западного направления, резко развернувшись в кресле, крикнул через всю комнату:

— Проверьте обстановку в зеленом коридоре № 1 между нами и Калгари!

— В восточном направлении движется самолет военно-воздушных сил «Северная звезда», высота 18 тысяч метров. Сейчас он над Пенктинтоном. Затем самолет 714 компании «Мэпл Лиф».

— 714-й в чрезвычайном положении. Требуется, чтобы все трассы под ним были свободны.

— «Северная звезда» летит далеко впереди. Позади чисто. В восточном направлении готовится к взлету «Констелейшин».

— Взлет разрешаю. Но все другие самолеты восточного направления пока задержать. Дайте посадку «Северной звезде» тотчас, как он прибудет.

Наверху руководитель полетов снова взялся за телефон, свободная рука его потянулась к галстуку: узел, казалось, душил его. С раздражением дернув, он сбросил галстук на стол.

— Хэлло, Бёрдек. Говорит руководитель полетов. Мы получили сообщение о чрезвычайном положении на одном из ваших самолетов — 714-й Торонто — Виннипег. Что? Нет, самолет в порядке. Сказал им, чтобы выяснили, откуда были получены продукты. Известно только, что это не был постоянный поставщик авиалиний. Что? Было бы гораздо лучше, если бы вы пришли сами к нам и как можно быстрее.

Нажав на рычаг, он обратился к телефонисту:

— Связались с полицией? Хорошо, соединяйте. Хэлло, это руководитель полетов аэропорта Ванкувер. Простите, с кем я говорю? Вот что, инспектор, на одном из

прибывающих самолетов случилось несчастье. Несколько пассажиров и один член экипажа отравились пищей. Нам нужны машины «Скорой помощи» и врачи. Что? Да, три серьезных случая, возможно, будут еще. Надо быть готовыми. Самолет должен прибыть после пяти по местному времени. Это примерно через два с половиной часа. Подготовьте места в больнице, вызовите машины и дорожную охрану. Ясно? Мы снова свяжемся с вами, как только получим новую информацию.

Через несколько минут в комнату ворвался Гарри Бёрдек. Управляющий местным отделением компании «Мэпл Лиф» был полным, небольшого роста мужчиной с вечно лоснящимся лицом. Тяжело дыша, он остановился посреди комнаты, перекинув пиджак через руку и вытирая лицо огромным носовым платком в горошек.

— Где сообщение? — задыхающимся голосом проговорил он. Пробежав глазами по бумаге, которую протянул ему радист, он спросил — Какая погода в Калгари? Ведь туда для них гораздо быстрее.

— Это невозможно. Там туман вплоть до Манитобы. Им ничего не остается, как продолжать полет.

Один из сотрудников, оторвавшись от телефона, громко сказал:

— Из отдела перевозки пассажиров. Интересуются, когда мы возобновим полеты в восточном направлении. Спрашивают, держать ли пассажиров в городе или везти сюда.

— Пусть держат их в городе. Незачем здесь устраивать столпотворение. Мы тотчас сообщим, когда аэропорт будет снова открыт,— отозвался руководитель полетов.

— Вы вроде бы уже позаботились о медицинской помощи? — спросил Бёрдек.

— Этим занялась городская полиция. Они предупредили больницы и организуют доставку больных.

Бёрдек прищелкнул пухлыми пальцами.

— Постойте! В сообщении сказано, что второй пилот тоже слег. Об этом, вероятней всего, сообщил сам командир? А если и он отравился? Вы лучше справьтесь сейчас у них об этом. А я пока выясню, нет ли на борту врача. Вдруг все-таки есть. Передайте им, что, если есть необходимость, мы можем организовать медицинскую консультацию по радио.

Руководитель полетов кивнул и взял со стола радиста

микрофон. Но не успел он начать, как Бёрдек снова обратился к нему:

— А что, если командир действительно заболеет? Кто же тогда...

Но докончить ему не дал холодный и спокойный взгляд руководителя полетов.

— Лучше всего без этих «если», — сказал он. — Все, что мы можем, — это уповать на господа бога. Это делают, наверное, и те, наверху.

Шумно вздохнув, Бёрдек начал шарить по карманам в поисках сигарет.

— Джо, — обратился он к радисту. — Соедини меня с доктором Девидсоном. Его номер в списке для экстренных случаев.

ГЛАВА IV

Примерно в четырех милях над землей самолет продолжал лететь своим курсом.

Повсюду, насколько хватало глаз, под ним расстилался волнистый покров облаков. Они уходили назад настолько незаметно, что казалось, самолет висит над ними неподвижно. Это был холодный пустынный мир, в котором сердцебиение двигателей гулко отдавалось в отливающем серебром пространстве.

При ясной погоде этот мощный пульс двигателей разносился бы по безлюдным долинам Скалистых гор. Но этой ночью звук пролетающего самолета был смягчен наземным туманом и лишь слегка проникал сквозь толщу в тишину редких фермерских усадеб, никого там не тревожа. Но если кто-нибудь и услышал бы вдруг звук самолета, то отнесся к нему как к обычному явлению, не стоящему особого внимания. Или, может быть, ему пришло бы в голову, что неплохо бы оказаться там, наверху, летящим куда-то далеко-далеко в полном комфорте. Но он никогда бы не смог вообразить себе, что любой на этом самолете с великой радостью поменялся бы с ним местами.

Как семя чудовищного сорняка, страх начал распространяться среди большинства пассажиров. Конечно, были и такие, до которых все еще не доходил смысл происходящего. Остальные же, особенно те, кто видел мучения заболевших, ощущали, что происходит нечто ужасное.

Байард дал Джанет две таблетки.

— Отнесите их командиру, — сказал он ей, понизив голос.— Скажите, пусть пьет как можно больше воды. Если яд проник к нему в организм, вода разбавит и ослабит его действие. Затем ему следует принять эти таблетки. Они вызовут рвоту, но это как раз и нужно.

Когда Джанет вошла в кабину пилотов, Дан закачивал радиосвязь. Он со вздохом откинулся назад и устало усмехнулся.

— Привет, Джэн,— сказал он. Его рука слегка дрожала.— Ну и рейс! Ванкувер только что запрашивал все подробности. Я так и думал, что мы наделаем там шуму. Ну, как дела?

— Пока ничего, все так же,— сказала Джанет с такой легкостью, на которую только была способна. Она протянула таблетки.— Доктор сказал, что вы должны выпить как можно больше воды, а потом принять вот это. От них вас станет тошнить.

— Прекрасная перспектива! — Он потянулся к карману у ручки кресла и достал оттуда бутылку воды. — Ну, где наша не пропадала!

Сделав несколько больших глотков, он проглотил пилюли.

Джанет озабоченно смотрела на командира, сидевшего у мигающей панели приборов. Рядом два штурвала управления, подчиняясь таинственной воле автопилота, двигались рывками то вперед, то назад.

— Как вы себя чувствуете? — спросила она, прикоснувшись к плечу командира. От ее настороженного взгляда не ускользнули ни его бледность, ни бисеринки пота на лбу. И она молила бога, чтобы это было лишь признаком перенапряжения.

— Я? — Голос командира звучал с нарочитой бодростью и непринужденностью. — Прекрасно. А как ты? Приняла уже таблетки?

— Они мне не нужны. На ужин я ела отбивную.

— И не просчиталась. А я становлюсь с сегодняшнего дня вегетарианцем — так безопаснее всего.

Он обернулся и посмотрел на своего помощника, распростертого прямо на полу.

— Бедняга Пит,— пробормотал командир.— Но я уверен, что все обойдется.

— Это зависит от вас,— проговорила Джанет с жаром.— Чем быстрее вы пригоните нашу старушку в Ванкувер, тем скорее мы доставим его и других в больницу.

Она подошла к Питу, получше подоткнула вокруг него одеяло и, едва сдерживая неожиданно навернувшиеся на глаза слезы, быстро отошла. Дан с тревогой наблюдал за ней.

— По-моему, он тебе очень нравится. Верно? — сказал он.

Она нервно тряхнула своей золотистой головкой и тихо проговорила:

— Да... наверное. Он мне сразу понравился, как только пришел в наш экипаж. А теперь... этот ужас... Я просто...

С трудом справляясь со слезами, она направилась к двери.

— У меня столько дел! Придется подержать некоторых молодцев, пока доктор им будет вливать в горло воду. Ведь они привыкли не к такой жидкости.

Она бросила Дану быструю улыбку и исчезла за дверью.

Байард стоял в проходе у среднего ряда кресел и разговаривал с пожилой супружеской парой.

— Доктор,— с возбужденной настойчивостью продолжала женщина.— Я же видела, как эта молоденькая девушка, стюардесса, то и дело заходила в кабину пилотов. Что с ними? Все в порядке? А если и они заболеют, что же тогда со всеми нами будет? — Она вцепилась в мужа.— Гектор! Мне страшно. И зачем мы только поехали...

— Ну, ну, дорогая, успокойся! — откликнулся муж, стараясь придать голосу как можно больше уверенности, которой на самом деле ему самому явно не хватало.— Нет никакой опасности, я уверен. Ведь ничего катастрофического до сих пор не произошло.— Его выпуклые глаза, увеличенные еще больше стеклами очков в роговой оправе, испуганно взглянули на доктора.— А что ели пилоты? Рыбу?

— Совсем не обязательно, чтобы вся рыба была испорчена,— уклончиво ответил Байард.— Кроме того, мы не можем утверждать наверняка, что всему виной была рыба. Вам не о чем беспокоиться. Мы надлежащим образом позаботимся об экипаже. А теперь, пожалуйста, скажите, что вы сами ели на ужин? Рыбу или мясо?

Глаза мужчины, еще больше округлившиеся от ужаса, казалось, вот-вот выкатятся из орбит.

— Рыбу! — воскликнул он.— Мы ели рыбу. Но ведь это же позор.

Теперь он начинал весь закипать от возмущения.

— Позор, что случаются такие вот вещи! Они обязаны произвести расследование.

— Я вас заверяю, что так оно и будет, какая бы тут ни крылась причина.— Байард вручил им по таблетке, которые они приняли с такой осторожностью, будто это было что-то взрывоопасное. — Теперь вам принесут воду, и вы постараетесь выпить три стакана воды каждый. А еще лучше четыре. Затем примите эти таблетки. От них вас будет рвать, но так и нужно. В карманах сидений вы найдете бумажные пакеты.

Пройдя дальше вдоль рядов, он добрался наконец до своего кресла.

— Мясо! — быстро проговорил Спенсер прежде, чем Байард успел задать вопрос.

— Вам повезло,— сказал Байард.— Да и мне тоже — на одного пациента меньше.

— Достается же вам сейчас, доктор,— отметил Спенсер.— Может быть, я чем-то могу помочь?

— Какой тут от вас толк! — проворчал доктор.— Разве что помочь мисс Бенсон раздать воду.

— Я готов! — И, понизив голос, он добавил: — Кажется, кому-то там сзади здорово не по себе.

— Да. Им очень плохо. Черт бы все это побрал! — проговорил с горечью Байард.— Ведь у меня ничего нет с собой, что на самом деле могло бы им помочь. Когда едешь на футбольный матч, как-то не думаешь, что по пути тебе придется лечить десяток людей от отравления. У меня есть лодинден и морфий — никогда не езжу без них. Но в данном случае от них может быть больше вреда, чем толку. Но надо же, бог меня все-таки надоумил взять с собой рвотные таблетки, хотя гораздо больше пользы было бы от драмамина.

— А для чего он?

— При таком сильном отравлении самым опасным является то, что человек теряет воду в большом количестве. Инъекция этого лекарства помогла бы предотвратить обезвоживание.

— Слава богу, что я ел мясо. Я как-то не чувствую себя готовым отдать всю свою воду.

Байард мрачно посмотрел на него.

— Если вы находите в этой ситуации что-то смешное, то я, простите, нет! — произнес он резко.— Единственное, что я сейчас ощущаю, это абсолютную беспомощность в то время, как другие страдают все больше и больше.

— Не нападайте на меня, док,— запротестовал Спенсер.— Я ничего плохого не хотел сказать. Я просто страшно рад, что мы не заболели, как те другие, бедняги, от этой рыбы.

— Да, да, вы, наверное, правы.— Байард провел рукой по глазам.— Я скорей всего становлюсь уже стар для таких ситуаций.

— О чем это вы?

— Да так просто. Так.

Спенсер поднялся с кресла.

— Вы молодец, доктор, так и надо. Вы делаете большое дело, ваше присутствие здесь — самая большая в жизни удача для этих бедняг.

— Ну-ну, юноша,— отпарировал Байард не без сарказма.— Приберегите ваши красивые слова для торговых сделок. Я ведь не собираюсь подписывать с вами контракт.

Спенсер слегка покраснел:

— Браво, доктор! Так меня! Ну, хорошо. Скажите мне только, что делать. Я тут, можно сказать, только штаны протираю, пока вы там трудитесь. Устали, наверное?

— Усталость здесь ничто! — Байард положил руку на плечо Спенсера.— Не обращайте на меня внимания. Просто мне надо было немного разрядиться. Теперь полегче стало. А ведь это все из-за того, что знаешь, что нужно делать, и не можешь.

— Все хорошо,— сказал Спенсер, улыбаясь.— Рад, что хоть чем-то пригодился вам.

— Я скажу мисс Бенсон, что вы хотите помочь, если ей нужно. Но воду как будто уже раздали, так что лучше оставайтесь на месте. В проходе и так уж слишком оживленное движение.

— Как прикажете. Но я всегда в вашем распоряжении.

Спенсер снова сел в кресло.

— Скажите, Байард, все это очень серьезно?

Байард пристально посмотрел ему прямо в глаза.

— Настолько серьезно, что вам даже трудно это себе представить,— сказал он.

Доктор поднялся и подошел к уже притихшей компании мужчин, которые в начале полета с большим усердием прикладывались к спиртному. Одному из них было совсем плохо. Он распростерся в кресле и дрожал всем

телом, хотя сверху на него было накинуто плотное одеяло.

— Надо все время держать его в тепле,— сказал Байард.— Он много сегодня пил?

— Вы шутите?! — откликнулся мужчина позади доктора.— Он осушил не меньше двух бутылок виски, уж я-то знаю.

— Перед или после ужина?

— И до и после.

— Верно,— подтвердил его собутыльник.— Но я всегда думал, что Гарри может удержать то, что влил в себя.

— Ну, если не смог, то в данном случае это только ему на пользу: уменьшилась концентрация яда. У кого-нибудь из вас осталось еще бренди?

— У меня ни капли,— ответил один.

— Подождите,— откликнулся другой и, наклонившись вперед, потянулся к заднему карману брюк.— У меня должно было остаться что-то во фляжке. Правда, мы отдали ей должное, когда ждали самолет в Торонто.

— Дайте ему несколько глотков, но очень осторожно,— наставительно произнес Байард.— Ваш друг очень слаб.

— Бедняга Энди,— жалостливо проговорил тот, откручивая пробку.— Ему вечно в чем-то не везет. Э-э-э... доктор! — воскликнул вдруг он, будто какая-то мысль страшно поразила его.— Вы говорите, что он очень плох, но ведь он поправится, верно?

— Думаю, что да. Но вы должны стараться следить за ним, как я вам сказал, и чтобы он ни в коем случае не сбрасывал с себя одеяла.

— Кто бы мог подумать, что такое случится со стариной Энди! А этот наш английский чудак, Пейдодна, вы его взяли на службу?

— Он любезно вызвался помочь нам.

Пройдя дальше по проходу, Байард увидел Джанет, озабоченно склонившуюся над миссис Чилдер. Приподняв веко больной, он убедился, что она без памяти. Ее муж в какой-то безумной надежде ухватился за присутствие доктора.

— Как она? — умоляюще спросил он.

— Сейчас, когда она без сознания, ей лучше переносить боль,— произнес Байард, надеясь, что это звучит достаточно убедительно.— Когда организм уже не в состоянии больше терпеть, природа приходит на помощь и опускает завесу.

— Доктор, я боюсь. Я никогда не видел, чтобы ей было так плохо. Но она же поправится, верно?

— Конечно,— ответил мягко Байард.— Постарайтесь не волноваться. На аэродроме нас будут ждать санитарные машины, и ее тотчас доставят в госпиталь. И тогда дело за лечением, пройдет некоторое время, и она поправится.

— Боже мой,— прошептал Чилдер с тяжелым вздохом.— То, что вы говорите, успокаивает немного.

«Да,— подумал Байард,— ну, а если бы у меня хватило духу сказать всю правду, что тогда?»

— Так вы полагаете, что причина отравления — рыба, доктор?

— В настоящий момент я не располагаю никакими средствами для точного диагноза, но мне кажется, что я прав. Отравление пищей может быть вызвано либо тем, что она испорчена, либо каким-то ядом, попавшим в нее во время приготовления.

— А что же в этом случае, доктор? — спросил пассажир в следующем ряду, напряженно вслушивавшийся в разговор Байарда с мужем больной.

— Не могу сказать с уверенностью, но, судя по некоторым признакам, можно предположить скорее вторую причину — какое-то токсикозное вещество.

— А какое?

— Не представляю себе. Мы не можем знать этого до тех пор, пока не будут произведены лабораторные исследования. Современные методы приготовления пищи — и особенно та осмотрительность, с какой это делают на авиалиниях, — должны были бы исключить такую возможность. Но нам не повезло: продукты были доставлены на самолет не от постоянного поставщика. Что-то там произошло из-за нашего позднего прибытия в Виннипег.

Чилдер кивнул, обдумывая слова Байарда. «Странно, как легко люди находят утешение в словах врачей,— отметил про себя доктор не без сарказма.— Даже если врач говорит какие-то неприятные вещи, одно то, что их произносит человек с медицинским образованием, делает их менее страшными. Всегда есть надежда на доктора с его волшебной сумкой, откуда он достанет спасение для больных». Большую часть жизни Байард лечил, ухаживал, выхаживал, спасал, успокаивая напуганных и беспомощных людей, обнадеживая их силой своих знаний и каждый раз веря, что его умение не подведет. Но вот

настал действительно решающий момент, серьезный вызов его мастерству. Он должен был когда-нибудь наступить. Байард это знал.

Он почувствовал, что рядом появилась Джанет. Одного взгляда было достаточно, чтобы Байард понял: она на грани истерики.

— Еще двое пассажиров заболели, доктор. Там, сзади.

— А вы уверены, что это не от пилюль?

— Да, совершенно уверена.

— Хорошо. Сейчас иду. А вы пока взгляните на второго пилота. Может быть, ему надо дать воды.

Он успел лишь подойти к двум новым больным и начать осмотр, как вернулась Джанет.

— Доктор, я очень беспокоюсь... Мне кажется...

Сирена сигнала внутренней связи оборвала ее на полуслове, как удар ножа. Она замерла на месте, а сирена продолжала звучать. Первым двинулся Байард.

— Не беспокойтесь! — быстро проговорил он пассажирам.— Скорее!

С проворностью, которой он раньше за собой не знал, Байард побежал вдоль прохода и ворвался в кабину пилотов. Там он на секунду приостановился, вбирая глазами открывшуюся картину и пытаясь ее осознать, и в следующее мгновение какой-то издевательский, но угрожающий голос произнес внутри него: «Ты был прав — вот оно!»

Командир застыл в неловкой позе у себя в кресле, пот покрывал все его лицо и стекал струйками за воротник. Одна рука была прижата к животу, другой он нажимал на кнопку сирены.

В два прыжка доктор оказался около него и, подложив руку под спину командира, стал вытаскивать его из кресла. Дан тихо и злобно выругался сквозь стиснутые зубы.

— Ну, ничего, командир,— сказал Байард.— Давайте мы вас вытащим отсюда.

— Я сделал... как вы сказали...— Дан задохнулся, прикрыв глаза. Он с трудом выдавливал из себя слова.— Было уже слишком поздно... Дайте мне что-нибудь, док... Быстрее дайте мне что-нибудь... Надо держаться... Посадка... Самолет на автопилоте, но... нужно посадить... Передайте на командный пункт... Скажите...— Рот его едва двигался. С отчаянным усилием он пытался

продолжать. Но глаза его закатились, и он потерял сознание.

— Быстрее, мисс Бенсон,— позвал Байард.— Помогите мне вытащить его.

Тяжело дыша от напряжения, они вытащили отяжелевшее тело Дана из кресла и положили его на пол. Байард вынул стетоскоп и быстро осмотрел пилота. В это время Джанет достала пальто и одеяло. Как только доктор кончил, она устроила командиру подушку и тепло его укутала. Когда она поднялась на ноги, ее всю колотило.

— Вы можете сделать то, что он просит, доктор? Можете ли вы дать ему что-нибудь, чтобы он смог посадить самолет?

Байард засунул свои инструменты обратно в карман. Он взглянул на блоки циферблатов и переключателей, на самопроизвольно движущиеся штурвалы. В смутном свете приборов его лицо показалось гораздо более старым и страшно измученным.

— Вы член экипажа, мисс Бенсон, поэтому я буду говорить прямо.

Его голос прозвучал настолько сурово, что Джанет невольно подалась назад.

— Вы в состоянии выслушать довольно неприятные вещи?

— Да... да...— запнувшись помимо своей воли, ответила Джанет.

— Прекрасно. Если я не доставлю этих людей в больницу в скором времени, в самом скором... я не могу быть даже уверенным, спасем ли мы их вообще.

— Но...

— Им нужны соответствующие инъекции. И командиру тоже. Он слишком долго держался.

— Ему очень плохо?

— Его положение скоро станет критическим, как, впрочем, и всех остальных.

— Доктор, что нам делать?!

— Позвольте мне задать вам вопрос. Сколько пассажиров на борту?

— Пятьдесят шесть.

— Сколько вы подали порций рыбы?

Джанет попыталась вспомнить.

— Что-то около пятнадцати. Большинство ели мясо, а некоторые вообще ничего, так как было уже слишком поздно.

— Ясно.

Байард посмотрел на нее в упор. Когда он снова заговорил, его голос был резок, почти неприятен.

— Мисс Бенсон, вы когда-нибудь слышали, что такое ставить на темную лошадку?

— Темную лошадку? Да, что-то слышала. Но я не знаю, что это такое.

— Я объясню вам,— сказал Байард.— Это значит, что у нас один шанс спастись, зависящий от того, есть ли на борту самолета среди пятидесяти шести человек один, который не только смог бы посадить самолет, но к тому же еще не ел рыбу на ужин.

Его слова тяжело повисли в тишине, в то время как они молча смотрели друг на друга.

ГЛАВА V

Бесчувственность охватила все существо Джанет, как только слова Байарда дошли до ее сознания, и она спокойно встретила взгляд доктора, уже приняв не произнесенный еще приговор.

До этого момента она как-то не воспринимала до конца весь ужас происходящего. Она занималась пассажирами, ухаживала за больными в какой-то странной уверенности, что все это только кошмарный сон, жутко исказивший привычное состояние вещей. В любой момент, говорил ей внутренний голос, она может проснуться и увидеть себя в доме, на скомканной в ночном бреду постели, а будильник будет все еще звенеть, призывая к раннему подъему перед рейсом.

Теперь ощущение нереальности происходящего больше не защищало Джанет. Теперь она знала, все это на самом деле и происходит не с кем-нибудь другим, а с ней, Джанет Бенсон, прелестной двадцатилетней блондинкой, на которую засматривается весь летный состав аэропорта. Но и страх тоже исчез, по крайней мере в данный момент. Внезапно в голове ее промелькнула мысль о домашних, о том, как же так вдруг, в несколько секунд она исчезнет из жизни среди скрежета и обломков металла, а те, кто ее родил, ничего в тот момент не почувствуют, покоясь в своих постелях за тысячу миль отсюда.

— Я все понимаю, доктор,— бесстрастно произнесла она.

— Вы не знаете, есть ли кто-нибудь на борту, кто хоть немного разбирается в летном деле?

Она мысленно пробежала по списку пассажиров, припоминая их имена.

— Не припоминаю. Думаю, что лучше опросить всех.

— Да, пожалуй,— медленно проговорил Байард.— Но постарайтесь сделать это так, чтобы ничем не возбудить в них тревогу. Иначе может подняться паника. Некоторые уже знают, что второй пилот болен. Просто скажите им, что командир хотел бы знать, есть ли среди пассажиров кто-нибудь знакомый с устройством самолетов, чтобы помочь ему держать радиосвязь.

— Хорошо. Так я и сделаю.

Доктор явно хотел что-то добавить еще, и Джанет задержалась в дверях.

— Мисс Бенсон, как ваше имя? — спросил он.

— Джанет.

Он кивнул.

— Джанет... Я, по-моему, позволил себе ранее сделать замечание насчет вашей подготовки. Оно было несправедливым и непростительным. Такое мог сказать только старый дурак, которому не хватает воспитания. Мне хотелось бы взять свои слова обратно.

Ее осунувшееся за этот вечер лицо слегка порозовело. Она улыбнулась.

— Я уже забыла об этом...

Джанет сделала нетерпеливое движение к двери. Ей хотелось поскорее начать опрос пассажиров, хотя она была уже готова к самому худшему. Но по лицу Байарда она увидела, что он силится вспомнить какую-то важную вещь. Он, нахмурившись, уставился на таблички с инструкциями для пилотов, но глаза не видели их.

— Постойте,— произнес он.

Джанет остановилась. Ее рука уже лежала на ручке двери.

Он щелкнул пальцами и повернулся к ней.

— Вспомнил. Я знаю одного, он говорил мне что-то насчет самолетов. Мой сосед. Тот самый, что подсел к нам в последний момент в Виннипеге.

— Мистер Спенсер.

— Да, он самый. Джордж Спенсер. Я уже забыл точно, что он говорил, но он имел дело с самолетами. Приведите его, пожалуйста, сюда. Но не говорите ему

больше того, что решили. Не нужно, чтобы другие пассажиры знали правду. Но опросите на всякий случай всех. Вдруг кто-нибудь окажется еще.

— Он недавно подходил ко мне и предлагал помочь. Должно быть, на него не подействовала рыба.

— Мы оба ели мясо,— пояснил Байард.

Когда она ушла, он прошелся резким, нервным шагом по узкой кабине, затем, опустившись на колени, пощупал пульс у командира, безжизненно растянувшегося рядом со вторым пилотом. При звуке раскрывающейся двери он тут же вскочил на ноги, загораживая проход. В дверях стоял Спенсер и недоуменно смотрел на доктора.

— Привет, док! — обратился Спенсер к нему. — Что там с радио?

— Вы умеете водить самолеты? — выпалил тут же Байард, не двигаясь с места.

— Когда-то очень давно умел. Во время войны. Теперь я вряд ли смогу справиться с радио, но если командир считает, что смогу...

— Зайдите в кабину, — сказал Байард и, отступив, быстро захлопнул за Спенсером дверь. Джордж невольно отпрянул при виде двух пустых кресел пилотов и двух самопроизвольно двигающихся штурвалов, затем он медленно перевел глаза на мужчин, распростертых на полу под одеялами.

— Нет! — задохнувшись, едва выговорил он.— Оба — это невозможно!

— Да,— коротко отрезал Байард.— Оба.

Спенсер, казалось, не верил своим глазам.

— Но... как же так...— пробормотал он. — Когда это случилось?

— Командиру стало плохо несколько минут назад. Они оба ели рыбу.

У Спенсера слегка закружилась голова, и он приложил руку ко лбу.

— Послушайте,— настойчиво продолжал доктор. — Вы можете повести этот самолет и... посадить его?!

— Нет,— отшатнулся Спенсер.— Конечно, нет!

— Но вы говорили, что летали во время войны, — не отступал Байард.

— Это было много лет назад. С тех пор я не прикасался к самолету. Я летал на истребителях — это были крохотные «Спитфайры». Они в восемь раз меньше этого самолета и только с одним мотором. А у этого

четыре. Да и все летные характеристики совершенно другие.

Дрожащими пальцами Спенсер нащупал в пиджаке пачку сигарет и выбил из нее одну. Байард молча наблюдал за ним, пока тот прикуривал.

— Может быть, все-таки попытаетесь? — снова заговорил доктор.

Спенсер раздраженно помотал головой.

— Это — безумие. Вы не соображаете, что вы требуете. Я бы не смог теперь сесть даже за «Спитфайр», не то что за этот,— резко ответил он, ткнув сигаретой в сторону мерцающей панели приборов.

— И все-таки мне кажется вы не совсем еще забыли самолеты,— проговорил Байард, пристально глядя на него.

— Но ведь тут нужен совсем иной опыт и знания. Это то же самое, что повести многотонный грузовик по сложнейшей трассе после спортивной легковушки, которую гонял по ровной дороге.

— И все-таки это нужно сделать,— настаивал Байард.

Спенсер не ответил, сделав глубокую затяжку.

— Ну, что ж,— сказал Байард.— Будем надеяться, что найдется кто-нибудь еще, кто смог бы повести эту штуку. Ведь из них,— он взглянул вниз на пилотов,— никто уже не сможет.

Дверь открылась, и в кабину вошла Джанет. Она вопросительно взглянула на Спенсера, затем на доктора.

— Больше никого нет,— отрешенно сказала она.

— Ну, вот и все,— откликнулся доктор.

Он выжидательно посмотрел на Спенсера, но тот продолжал молчать, глядя прямо перед собой на ряды люминисцирующих приборов и рукояток.

— Мистер Спенсер,— обратился к нему Байард, веско произнося каждое слово.— Я ничего не понимаю в самолетах. Но я знаю одно. На борту самолета находятся люди, которые могут умереть через несколько часов, если их срочно не доставить в госпиталь. Из тех, кто физически способен вести самолет, вы единственный, у которого есть хоть какой-то опыт.

Он перевел дыхание.

— Поэтому я вас спрашиваю: что вы можете предложить?

Спенсер посмотрел на девушку, затем на доктора. Наконец он напряженно выговорил:

— Вы абсолютно уверены, что никто из пилотов в скором времени не придет в себя?

— Это исключено. Единственная надежда — как можно быстрее доставить их в госпиталь. И то я не уверен, сможем ли мы их спасти.

Спенсер сделал глубокую затяжку и бросил окурок под каблук.

— Похоже, что у меня нет никакого выбора,— сказал он.

— Нет. Если, конечно, вы не предпочтете, чтобы самолет где-то на полпути остался без горючего.

— Ну, это не лучший выход. — Спенсер подошел вплотную к панели и взглянул на белое море облаков, сверкающих в лунном свете.

— Вот что,— произнес он наконец.— Считайте, что я завербован. Поздравляю, доктор, вы заполучили себе нового пилота.

Он протиснулся в левое кресло пилота и, усевшись, оглянулся на двоих, стоящих за его спиной.

— Если есть какая-нибудь подходящая молитва, советую вам ее вспомнить.

Байард подошел к нему и слегка сжал его руку.

— Вы хороший человек,— с чувством произнес он.

— А что вы собираетесь сказать пассажирам? — спросил Спенсер, пробегая глазами вдоль рядов бесчисленных датчиков, индикаторов, переключателей и силясь вспомнить хоть что-нибудь из того, чему его учили много лет назад.

— Пока ничего, — ответил доктор.

— И правильно сделаете,— сухо произнес Спенсер, продолжая всматриваться в обескураживающее множество приборов.— Ну-ка, посмотрим, что здесь делается. Так, все данные о полете должны показывать приборы, что находятся перед каждым пилотом. Значит, те, что расположены посредине, дают показания о работе двигателей. Вот — высота полета 20 000. Курс 290. Самолет поставлен на автопилот... Слава богу. Скорость 210 узлов. Режим двигателей... Так, смесь, шасси. А закрылки? Здесь должен быть где-то индикатор. А, вот он! Ну, кажется, в основном все. Нам нужны еще посадочные данные. Хотя, впрочем, мы их можем получить по радио.

— Так как? Справитесь?

— Не знаю, док. Просто не знаю. Я ведь никогда раньше не имел дело с такими сложными системами. А где мы сейчас и куда летим?

— Со слов командира я понял, что мы над Скалистыми горами. Он не мог изменить курс из-за тумана, поэтому мы продолжаем лететь на Ванкувер.

— Это надо проверить, — начиная понемногу осваиваться, живо произнес Спенсер.— А где здесь включается радиосвязь?

Джанет показала на щиток над головой Спенсера.

— По-моему, они включали что-то там, но что именно, не могу сказать.

— Понятно. Сейчас посмотрим.— Спенсер взглянул на щиток.— Вот настройка частоты, это нам не нужно. А это что? Передача! — Он щелкнул переключателем, и на щитке загорелась маленькая красная лампочка.— Все правильно. Дело сделано.

Джанет передала ему наушники с микрофоном.

— Чтобы включить микрофон, нужно нажать на эту кнопку,— сказала она Спенсеру.

Приладив наушники, Джордж обратился к доктору:

— Что бы там ни было в салоне, здесь мне все равно нужен помощник. У вас пациенты, поэтому, я думаю, лучше всего, если здесь останется мисс Канада. Согласны?

Байард кивнул.

— Да? А вы как, Джанет?

— Наверное. Но я ведь ничего в этом не понимаю.— Джанет беспомощно махнула в сторону приборов.

— Прекрасно,— весело отозвался Спенсер. — Значит, мы оба в одинаковом положении. Располагайтесь в кресле поудобнее, лучше всего пристегнитесь. Вам, наверное, много раз доводилось наблюдать за пилотами. Ну и налепили же они здесь всяких новых штучек за последнее время.

Джанет осторожно влезла в кресло второго пилота, стараясь не задеть автоматически двигающегося штурвала. В это время раздался стук в дверь.

— Это меня,— сказал Байард.— Я должен идти. Удачи вам!

Оставшись вдвоем со стюардессой, Спенсер ободряюще улыбнулся.

— Все о'кей? — спросил он.

Она неопределенно кивнула.

— Ваше имя Джанет, верно? А мое — Джордж. — Голос Спенсера стал более серьезным.— Не буду вас обманывать, Джанет, придется довольно тяжко.

— Я знаю.

— Ну, давайте посмотрим, смогу ли я хотя бы послать сигнал бедствия по радио. Какой номер рейса?

— 714.

— Так. Кажется, порядок.

Он нажал кнопку микрофона.

— Мейдей, мейдей, мейдей, — начал Спенсер ровным, бесстрастным голосом. Этот сигнал он запомнил на всю жизнь. Он отдавал его однажды пасмурным октябрьским полуднем, пролетая над побережьем Франции на своем подбитом «Спитфайре». А два появившихся на помощь «Харрикейна» сопровождали его, как пара заботливых тетушек.

— Мейдей, мейдей, мейдей,— продолжал он.— Говорит рейс 714-й. Мэпл Лиф Чартер. Мы терпим бедствие. Кто-нибудь выходите на связь. Конец.

У него перехватило дыхание, когда чей-то голос тотчас ответил:

— Алло, 714-й. Говорит Ванкувер. Мы давно ждем вашей связи. Ванкувер ко всем самолетам: эта частота для всех теперь закрыта. Продолжайте, 714-й.

— Спасибо. Говорит 714-й. Мы терпим бедствие. Оба пилота и несколько пассажиров... Сколько пассажиров, Джанет?

— Несколько минут назад было пять. Сейчас, может быть, и больше.

— Поправка. По крайней мере пять пассажиров получили отравление пищей. Оба пилота без сознания, находятся в тяжелом состоянии. Среди нас есть доктор. Он говорит, что ни один пилот не сможет прийти в себя и посадить самолет. Если их и остальных пассажиров срочно не доставить в госпиталь, они могут погибнуть. Вы меня поняли, Ванкувер?

Голос тотчас откликнулся, перекрывая трещащий эфир:

— Продолжайте, 714-й. Вас поняли.

Спенсер перевел дыхание.

— Сейчас мы подходим к самому занятному. Меня зовут Спенсер. Джордж Спенсе́р. Я пассажир этого самолета. Поправка: был пассажиром. Сейчас я пилот. Это вам для информации. Я налетал что-то около пяти тысяч часов общего времени, но только на одномоторном истребителе. Было это приблизительно тринадцать лет назад. Поэтому было бы лучше, если кто-нибудь у вас мог бы меня проинструктировать по радио. Наши данные: высота полета — 20 000, курс 290, воздушная ско-

рость 210 узлов. Вот и все. Теперь дело за вами, Ванкувер. Конец.

— Ванкувер — 714-му. Ждите и слушайте.

Спенсер вытер выступивший на лбу пот и улыбнулся Джанет:

— Представляете, какой переполох мы там подняли!

Джанет кивнула. Через несколько секунд эфир снова ожил. Раздавшийся в наушниках голос был ровен и спокоен, как и раньше:

— Ванкувер — рейсу 714. Пожалуйста, справьтесь у доктора, нет ли хоть какой-то возможности, чтобы кто-нибудь из пилотов пришел в себя. Это очень важно. Повторяю, очень важно. Попросите его сделать все возможное даже в ущерб другим пассажирам. Конец.

— Спенсер нажал кнопку передачи.

— Ванкувер. Говорит 714. Вас поняли. Это исключено. Доктор говорит, что нет никакой надежды, чтобы кто-нибудь из пилотов очнулся и совершил посадку. Он говорит, что они находятся в критическом состоянии и могут умереть, если их вовремя не доставить в больницу. Конец.

Возникла небольшая пауза.

— Рейс 714, говорит Ванкувер. Вас поняли. Не отключайтесь, пожалуйста.

— Вас понял, Ванкувер,— отозвался Спенсер и выключил микрофон.— Теперь нам остается только ждать, пока они там решат, что делать.

Его руки напряженно ловили движения штурвала, как бы пытаясь воскресить старые летные навыки. Ведь когда-то про него в эскадрильи говорили: «Этот дока дотянет на одном крыле да на молитве».

Спенсер улыбнулся про себя: неплохо сказано. Но в следующий момент, взглянув на ужасающее множество каких-то подрагивающих стрелок, непонятных рукояток и переключателей, он почувствовал отчаяние. В е его хваленые знания не имели здесь цены. Это было то же самое, как если б он очутился среди загадочных приборов, циферблатов, указателей какого-нибудь корабля из научно-фантастического романа. Одно неверное или неуклюжее движение, и налаженный ритм работы всего огромного механизма может быть тотчас нарушен. А тогда, кто знает, сможет ли Спенсер вернуть самолет под свой контроль? Скорее всего, что нет. И на этот раз не будет рядом никаких охраняющих «Харрикейнов», одно присутствие которых подействовало бы успокаивающе.

Он уже начал проклинать главное управление, благодаря которому он на свою голову срочно должен был вылететь из Виннипега в Ванкувер. Заманчивая перспектива сделаться управляющим и поселиться в собственном доме на Паркуэй Хайтс казалась сейчас нелепой затеей. Было бы чертовски глупо кончить свою жизнь здесь, в этом чудовище, не увидев Мэри и не сказав ей всего того, что хотелось бы. А что касается Бобси и Кит, то страховки для них хватит ненадолго. Да, ему следовало бы лучше позаботиться о своих крошках, гораздо лучше.

Какое-то движение в кабине отвлекло его от этих мыслей. Он увидел, что Джанет, встав на колени в своем кресле, перегнулась в сторону лежащих на полу пилотов.

— Кто-нибудь из них твой приятель? — спросил он.

— Нет,— поколебавшись, ответила Джанет. — Не совсем.

— Ясно, — чуть поперхнувшись, сказал Спенсер. — Понимаю, простите.

Он взял в рот сигарету и начал шарить вокруг в поисках спичек.

—Не думаю, что здесь это разрешается, но, может быть, на этот раз авиакомпания пойдет на снисхождение.

Вспышка спички осветила лицо Джорджа, и Джанет увидела, какой яростью горели его глаза.

ГЛАВА VI

На взлетной полосе аэродрома Ванкувер раздавался все усиливающийся рев двигателей последнего самолета, получившего разрешение лететь в восточном направлении. Наконец, набрав скорость, он оторвался и начал уходить в глянцевую темноту этой дождливой ночи. На вираже его навигационные огни стали едва различимы. Остальные самолеты отводили в ангары, тянущиеся вдоль служебных помещений. Их стальные корпуса были сплошь покрыты каплями влаги. Это была очень холодная и сырая ночь. Служащие из наземного состава аэродрома сновали туда-сюда в желтом свете дуговых ламп и то и дело похлопывали себя, чтобы согреться. Говорили они между собой мало и только лишь по делу.

Единственный самолет, медленно выруливающий с посадочной полосы, наконец остановился и выключил двигатели. В наступившей тишине свист его пропеллеров казался неестественно резким и сильным. Аэродром Ванкувер, обычно перегруженный в это время работой, постепенно затихал, готовясь к возможной катастрофе.

В ярко освещенной диспетчерской атмосфера была по-деловому напряженной. Отставив телефон в сторону, руководитель полетов зажег сигарету и, глубоко затянувшись, пристально взглянул на карту. Затем он повернулся к Бёрдеку. Этот грузный мужчина, представлявший в Ванкувере авиакомпанию «Мэпл Лиф Чартер», сидел, устроившись на краю стола и заканчивая читать уже в который раз запись радиосвязи с 714-м.

— Ну, хорошо, Гарри,— нетерпеливо произнес руководитель полетов. По тону его голоса было понятно, что он из тех людей, кого интересует сама работа, а не разговоры о ней.— С данного момента я задерживаю отправление всех самолетов в восточном направлении. Кроме того, у нас есть примерно час, чтобы дать вылет остальным самолетам. После этого все движение должно быть прекращено до тех пор, пока...

Затрещал телефон. Руководитель полетов схватил трубку.

— Да? Понятно. Предупредите все аэродромы и самолеты, что мы принимаем только в течение 45 минут. Все трассы на запад и на восток между Калгари и нами должны быть свободны. Ясно? Хорошо.

Он бросил телефонную трубку обратно на рычаг и обратился к помощнику, который тоже сидел у телефона:

— Вы предупредили командира пожарной команды?

— Как раз сейчас звоню ему домой.

— Передайте, что ему было бы лучше самому сюда приехать. Кажется, придется довольно жарко. И попросите дежурного офицера сообщить о происходящем в городскую пожарную охрану. Может быть, понадобится их помощь.

— Я уже сделал это. Диспетчерская Ванкувера слушает,— произнес он в телефонную трубку.— Минутку.— Накрыв ладонью нижнюю часть трубки, он обратился к руководителю полетов: — Предупредить ВВС?

— Да. Пусть они тоже освободят этот сектор.

Бёрдек тяжело соскользнул с края стола.

— Вот это правильно,— сказал он.

На его рубашке проступали темные пятна пота.

— Есть здесь кто-нибудь из ваших пилотов сейчас? — спросил его руководитель полетов.

Бёрдек покачал головой.

— Ни одного,— сказал он.— Нам придется искать где-то помощь.

Руководитель полетов быстро сообразил:

— Тогда попытайтесь узнать в «Кросс-Канада». Их пилоты в основном живут здесь. Объясните обстановку. Нам нужен человек, имеющий большой опыт вождения самолетов этого типа, который смог бы по радио дать нужные инструкции.

— Вы полагаете, что есть такая возможность?

— Не знаю, нужно попробовать. Может быть, у вас есть какое-нибудь другое предложение?

— Нет,— сказал Бёрдек.— Но я бы не хотел оказаться на месте этого пилота.

Тут раздался голос связиста:

— Опять городская полиция. Будете говорить?

— Подключайте, — откликнулся руководитель полетов.

— Я пойду поговорю с людьми из «Кросс-Канада»,— сказал Бёрдек.— И я должен еще позвонить в Монреаль, сообщить шефу о случившемся.

— Свяжитесь через главный коммутатор, хорошо? — попросил руководитель полетов. — А то наш очень перегружен.

Бёрдек заспешил из комнаты, а руководитель полетов снова поднял трубку своего телефона.

— Руководитель полетов у телефона. А... инспектор. Хорошо, что вы позвонили. Да... да... прекрасно. Теперь слушайте, инспектор. У нас здесь складывается очень серьезная ситуация, гораздо серьезнее, чем мы могли думать. Во-первых, нам, может быть, придется вас попросить доставить одного из пилотов на вашей машине сюда и как можно быстрее. Да, я дам вам знать. Во-вторых, помимо крайней необходимости срочно доставить больных пассажиров в больницу, может возникнуть и другое. Не исключено, что самолет разобьется. Я не могу сейчас вам объяснить, но когда самолет пойдет на посадку, он уже не может быть под контролем автопилота.

Минуту он слушал то, что ему говорили на другом конце провода.

— Да, мы уже объявили общую тревогу. Пожарная

команда приведена в готовность... Но дело в том, что ближайшие дома тоже могут оказаться в опасности.

Он опять сделал паузу, чтобы выслушать собеседника.

— Хорошо, что вы это предложили. Я понимаю, какой поднимется шум, когда вы начнете среди ночи будить людей, но надо пойти на это. Я не могу гарантировать, что этот самолет опустится на поле. Он вполне может грохнуться, не долетев или перелетев, если он вообще окажется здесь. Нам еще повезло, что нужно будет предупредить дома только до моста Си-Айленд. Может быть, попросить, чтобы они пока были там просто наготове, верно? Мы, конечно, направим самолет за пределы города... Что? Нет, пока не могу сказать. Мы попробуем его принять с восточной стороны аэродрома.

Еще одна пауза, на этот раз более продолжительная.

— Спасибо, инспектор. Я, конечно, это понимаю. Я бы не попросил об этом, если бы не было такой крайней необходимости. Я буду держать вас в курсе дела.

Руководитель полетов положил трубку на место. Его лицо было крайне озабоченным. Он обратился к радисту:

— 714-й еще на связи?

Тот кивнул.

— Командир пожарной команды уже в пути, — сообщил помощник.— Сейчас я связался с ВВС. Они спрашивают, нужна ли их помощь.

— Мы дадим им знать, но я не думаю. Во всяком случае, поблагодари их.

Руководитель полетов снова перевел глаза на карту. Не отрываясь от нее, нащупал пустую пачку, скомкал ее и бросил с раздражением на пол.

— Есть ли у кого-нибудь курево?

— Вот, сэр.

Он взял сигарету и закурил.

— Пошлите кого-нибудь за едой. И кофе для всех тоже. Я думаю, оно нам будет очень кстати.

В комнату вернулся тяжело дышащий Бёрдек.

— В «Кросс-Канада» сказали, что их лучший пилот — капитан Трелливен. Они звонят ему сейчас по телефону. Я думаю, что он дома.

— На всякий случай мы договорились насчет полицейского эскорта.

— Может быть, они сами позаботятся об этом, если

будет надо. Я сказал им, что этот летчик нам крайне необходим. А вы знаете Трелливена?

— Да, я встречал его,— ответил руководитель полетов.— Это то, что нужно. Нам, можно сказать, повезло, что он сейчас в городе.

— Будем надеяться, что это так,— проворчал в ответ Бёрдек.— Он, конечно, будет нам полезен.

— А как ваше начальство?

— Я говорил с самим президентом компании,— скорчив кислую физиономию, проговорил Бёрдек.

Тут в их разговор вмешался оператор связи:

— У меня на проводе Сиэтл и Калгари. Они спрашивают, верно ли мы поняли радиограмму 714-го.

— Передай, что верно,— ответил руководитель полетов.— И прибавь, что уже сейчас принимаются все необходимые меры. Но мы были бы им очень признательны, если бы они поддерживали с нами непрерывную связь, чтобы в случае каких-либо затруднений мы могли обратиться к ним.

— Хорошо, сэр.

Руководитель полетов направился к радиоустановке и взял микрофон. Он кивнул оператору, и тот включил передатчик.

— Диспетчерская Ванкувера вызывает 714-й,— произнес он.

Голос Спенсера раздался из потрескивавшего усилителя в углу комнаты. После сигнала бедствия все его сообщения передавались через громкоговоритель.

— Говорит 714-й. Я думал, что мы вас потеряли.

— Ванкувер — 714-му. Мы сейчас организовываем вам помощь. В ближайшее время мы снова вызовем вас на связь, а пока ничего не предпринимайте и не трогайте. Ясно? Конец.

Помехи не смогли скрыть резкость в голосе Спенсера:

— Говорит 714-й. Я снова вам повторяю. Я в жизни не прикасался к таким самолетам. И я, безусловно, не собираюсь выкидывать какие-то глупые шутки с автопилотом. Конец.

Руководитель полетов открыл рот, чтобы сказать что-то, но потом передумал. Он отдал сигнал окончания радиосвязи и обратился к своему помощнику.

— Скажите на контроле, пусть направят сюда Трелливена тотчас же, как он появится.

— Хорошо, сэр. Только что докладывал дежурный

офицер из пожарной команды. Он распорядился, чтобы все вспомогательные машины и топливо-заправщики были отогнаны из зоны до расчетного времени прибытия 714-го. Городская пожарная охрана начала подтягивать сейчас к аэродрому свое снаряжение.

— Хорошо. Когда придет командир пожарной команды, попросите его ко мне на пару слов. Если 714-й все-таки долетит до нас, мне бы не хотелось, чтобы наши машины встречали его на поле. Я не думаю, чтобы после посадки он остался цел...

Бёрдек вдруг воскликнул:

— Постойте! Да ведь если в муниципалитете уже знают, то в любой момент здесь может появиться пресса.

Постукивая по зубам ногтем пухлого указательного пальца, он в смятении обдумывал возможные последствия.

— Для нашей компании это будет самый большой провал, который она когда-либо знала,— продолжил он свои мысли вслух.— Только представьте себе! На первой странице всех газет! Самолет полон пассажиров, многие из них больны. Самолет без пилота. А может быть, еще к тому же эвакуация граждан из района, прилегающего к аэродрому со стороны моста. Не говоря уже о том...

Но руководитель полетов прервал его:

— Вы бы лучше предоставили отделу информации заняться этим. И добудьте сюда Говарда. На коммутаторе вам узнают его номер телефона.

Бёрдек подошел к оператору, тот водил пальцем по списку телефонов для экстренных случаев.

— Мы не можем водить прессу за нос в таких случаях, как этот. Тут все слишком серьезно. Клиф поможет справиться с этим. Пусть только репортеры не путаются здесь под ногами. У нас будет и так жарко.

— Ну и ночь! — простонал Бёрдек, поднимая телефонную трубку.— Что с доктором Дэвидсоном? — спросил он оператора.

— Выехал по ночному вызову, и с ним нельзя сейчас связаться. Но он должен скоро вернуться. Я просил оставить ему записку.

— Ну, как вам это нравится? — Почему именно сейчас у всех должно что-нибудь случиться? Если он не даст о себе знать через десять минут, позвоните в госпиталь. Врач на 714-м нуждается в консультации. Давайте, давайте! — Бёрдек раздраженно запричитал в труб-

ку.— Проснитесь же, Клиф, ради всего святого! Почему вы должны спать, когда такое происходит!

На окраине города, прорезывая мирную тишину небольшого уютного дома, раздался пронзительный и непрерывный звонок телефона. Мягкая белая рука легла на подушку, затем, нехотя шевельнувшись, потянулась к настольной лампе и, медленно нащупав выключатель, нажала кнопку. Лампа вспыхнула. Зажмурившись, рыжеволосая женщина в белой вышитой сорочке с трудом подняла трубку и, поднеся ее к уху, взглянула на часы.

— Да, слушаю,— невнятно проговорила она.

— Это миссис Трелливен? — раздался отрывистый мужской голос.

— Да,— почти прошептала та в ответ.— Кто это?

— Миссис Трелливен, могу я поговорить с вашим мужем?

— Его нет дома.

— Нет?! А где бы я мог его найти? Это очень срочно.

Она приподнялась на подушке, стараясь стряхнуть с себя сон. Ей подумалось, что она еще спит.

— Вы меня слушаете? — раздался голос на другом конце провода.— Миссис Трелливен, мы уже довольно долго пытаемся вам дозвониться.

— Я приняла снотворное,— был ответ.— Но послушайте, вы ведь звоните в такой поздний час...

— Извините, что разбудил вас, но нам совершенно необходимо немедленно связаться с капитаном Трелливеном. С вами говорят из «Кросс-Канады», из аэропорта.

— А-а...— она наконец пришла в себя.— Он у своей матери. Его отец болен, и мой муж поехал туда помочь.

— Они живут в городе?

— Да, недалеко отсюда.— Она назвала номер телефона.

— Спасибо. Мы позвоним ему туда.

— А в чем дело? — спросила она.

— К сожалению, я не могу вам сейчас это объяснить. Еще раз благодарю.

Миссис Трелливен положила трубку на место и спустила ноги с постели. Как жена старшего пилота авиалинии она привыкла к неожиданным вызовам. Но, приняв это как нечто неизбежное в их семейной жизни, она все равно где-то в глубине души не могла с этим смириться. Неужели в трудный момент им некого вызвать, кроме Поля. Ну да ладно... Если ему нужно будет срочно вылетать, то он заедет домой за формой. Тогда

будет время приготовить бутерброды и фляжку кофе. Она натянула халат и сонной походкой направилась на кухню.

За несколько кварталов от этого дома Поль Трелливен крепко спал, растянувшись на бархатной тахте в комнате матери. Будучи женщиной энергичной и властной, она настояла на том, чтоб остаться одной на ночь у постели мужа. Доктор сказал, что кризис миновал, и теперь все дело в уходе. Трелливен был, конечно, рад возможности выспаться. Два дня назад он вернулся из Токио, доставив в Канаду группу парламентариев, и с тех пор из-за болезни отца не имел возможности заснуть, проводя ночи в кресле у его постели.

Кто-то потряс Трелливена за плечо. Он тотчас проснулся и увидел склонившуюся над ним мать.

— Хорошо, мама,— тяжело проговорил он.— Я сейчас сменю тебя.

— Нет, мой мальчик, не в этом дело. Отец спит, как младенец. Тебе звонят из аэропорта. Я сказала им, что тебе просто необходимо хоть чуть-чуть поспать, но они настояли. Я считаю, что это очень невоспитанно с их стороны. Неужели нельзя было дождаться более подходящего часа для звонка!

— О'кей. Я иду.

Поднимаясь с постели, он подумал, удастся ли ему когда-нибудь наконец выспаться. Одевшись, но еще без пиджака и в носках, он прошел к телефону в холле. Мать озабоченно поспешила за ним.

— Трелливен у телефона,— сказал он.

— Поль, это Джим Брайнт.— В голосе чувствовалась неподдельная тревога.— Я уже начал беспокоиться, что не найду тебя. Ты нам срочно нужен. Можешь приехать прямо сейчас?

— Но в чем дело?

— Тут возникла очень сложная ситуация. На пути в Ванкувер находится самолет компании «Мэпл Лиф Чартер». Многие пассажиры на борту и оба пилота отравлены пищей.

— Что? Оба пилота?

— Да. Что и говорить, хуже не бывает! И теперь какой-то парень, который уже много лет не летал, сидит за штурвалом. Но, слава богу, корабль поставлен на автопилот. У «Мэпл Лиф» здесь нет своего летчика, и мы просим тебя приехать, чтобы посадить самолет по радио. Сможешь?

— Вот-те на! Я не знаю. Ничего себе задание.— Трелливен взглянул на часы.— Когда расчетное время прибытия?

— 05. 05.

— Но это меньше чем через два часа. Вы должны пошевелиться! Ведь я в южной части города.

— Какой адрес?

Трелливен дал адрес.

— Мы пошлем полицейскую машину. Через несколько минут она будет. Как только приедешь, сразу в диспетчерскую.

— Хорошо. Я уже собираюсь.

— Ну, ни пуха ни пера, Поль!

— К черту!

Он бросил телефонную трубку и прошел обратно в комнату.

— Что случилось, сынок? — спросила мать участливо.

— В аэропорту чрезвычайное положение. Очень серьезное дело. За мной заедет полицейская машина.

— Полицейская?

— Ну, ну.— Он обнял ее на секунду.— Тебе не о чем беспокоиться. Им нужна моя помощь. Мне придется уехать на всю ночь.

Он огляделся в поисках трубки и табака и, найдя, затолкнул их в карман пиджака.

— Позвони Дальси. Скажи ей, что все в порядке.

— Конечно. Но что там случилось, Поль?

— На самолете, который вот-вот должен прилететь, заболел летчик. Они хотят, чтобы я посадил этот самолет по радио, если смогу.

Мать недоуменно на него посмотрела.

— Что ты имеешь в виду — по радио? — переспросила она.— Если пилот болен, кто же поведет самолет?

— О, мама. С земли. Во всяком случае, я попробую.

— Не понимаю.

«И я, наверное, тоже»,— подумал про себя Трелливен, садясь на заднее сиденье подъехавшей полицейской машины. Рванувшись, машина понеслась во весь опор к аэродрому.

— Похоже, что придется жарко этой ночью,— заметил сержант на переднем сиденье.

— Да, я тоже так думаю,— сказал Трелливен — Вы не могли бы ввести меня в курс дела? Что же все-таки произошло?

— Точно не знаю. Все, что мне известно, это то, что все свободные машины были посланы к аэропорту, чтобы в случае необходимости вывезти людей из районов моста. Мы тоже ехали туда, пока нас не остановили и не послали за вами. Все выглядит так, как будто они ждут прилета какой-то адской машины.

— А знаешь, какой? — вмешался молодой водитель.— Это моя собственная догадка. Сюда с ядерной бомбой летит неисправный «Стратоджет».

— Замолчи, сделай одолжение,— сказал сержант, тяжело усмехаясь. — Твоя беда в том, что ты начитался всяких комиксов.

Никогда еще, мрачно отметил про себя Трелливен, он не доезжал до аэропорта так быстро. Он и не заметил, как они миновали мост Оук и выехали на Лулу Айленд. Затем, взяв направо, они пересекли устье реки и снова оказались на Си Айленд. Пронеслись мимо нескольких полицейских грузовиков, стоявших у жилых домов. Их водители и сопровождающие разговаривали с растерянными жителями. И вот уже главная аллея аэропорта. Огни длинного низкого здания приветственно мигали им. Внезапно они затормозили, раздался протестующий скрежет колодок: перед ними продолжала лениво разворачиваться пожарная машина. Сержант коротко, но выразительно выругался.

Трелливен вышел у главного здания и, стремительно распахнув двери, миновал вестибюль и направился прямо в диспетчерскую, отослав рукой заспешившего ему навстречу швейцара. Для своей комплекции он двигался удивительно проворно. Эта живость движений в сочетании с довольно массивным и крепким сложением, мягкими красивыми волосами и крупными правильными чертами лица делала его привлекательным в глазах многих женщин. Трелливен имел репутацию человека строгой дисциплинированности и собранности, и каждый из его команды, что-либо натворивший в своей работе, имел основание бояться холодного блеска его бледно-голубых глаз.

Он вошел в диспетчерскую, когда Бёрдек в страшном волнении разговаривал с кем-то по телефону, стараясь быть как можно более почтительным.

— ...Нет, сэр. У него нет никакой квалификации. Он летал во время войны на одномоторном истребителе — вот и все... Я спрашивал их об этом. Там есть доктор, и он говорит...

Руководитель полетов быстро направился навстречу Трелливену.

— Как я рад вас видеть, капитан,— проговорил он.

Трелливен кивнул в сторону Бёрдека:

— Это он о том парне на «Импресс»?

— Да. Он только что связался со своим президентом, вытащив его из постели в Монреале. Старик, видимо, не очень рад новостям. Не следовало бы звонить отсюда. Ну, давай, Гарри, кончай разговор,— обратился он к несчастному Бёрдеку.

— Ну что же еще мы можем сделать? — умоляюще проговорил Бёрдек, истекая потом.— Нам ничего не остается, как попробовать направить самолет на посадку по радио. Я нашел старшего пилота из «Кросс-Канада», капитана Трелливена, вот он как раз только что вошел в комнату. Мы дадим по радио данные для посадки, попытаемся объяснить, что и как нужно делать... Сделаем все, что можем... Конечно, это невероятный риск, но сами можете предложить что-нибудь еще?

Трелливен взял у диспетчера запись сообщений 714-го, внимательно их прочел. Затем, спокойно запросив данные о погоде, ознакомился с последними метеорологическими сводками. Отложив бумаги, он хмуро взглянул на дежурного диспетчера и, вынув трубку, начал ее набивать. Бёрдек все еще говорил по телефону.

— ...я уже позаботился об этом, сэр. Говард обработает прессу в нужном направлении. Их еще нет здесь... Да, да, мы наложим запрет на поставку пищи на все рейсы из Виннипега... Это все, что мы знаем. Я вам сразу позвонил, как только стало...

— Ну, что вы об этом думаете? — спросил руководитель полетов Трелливена.

Тот пожал плечами и ничего не ответил. Когда он снова принялся перечитывать сообщение, на его лице появились глубокие складки. В комнату спиной вошел официант, придерживая ногой дверь, чтобы привезти тележку с кофе и бутербродами. Он подал картонный стаканчик руководителю полетов, другой поставил около Трелливена. Но тот не обратил никакого внимания.

— ...расчетное время прибытия 05.05 по тихоокеанскому часовому поясу.— Бёрдек повторил со всевозрастающим раздражением.— У меня полно работы, сэр... Мне придется так и сделать... Я еще позвоню вам. Я вам позвоню, как только появятся какие-либо новости... Да-да. До свидания.— Положив трубку, он с облегчением

вздохнул и, повернувшись к Трелливену, сказал: — Большое спасибо, что вы приехали, капитан. Вы уже все знаете?

Трелливен поднял записи сообщений:

— Это все, что у вас есть?..

— Больше у нас пока ничего нет. Теперь вам нужно связаться с этим парнем по радио. Вы должны прямо с ходу ознакомить его с устройством самолета, дайте по радио указания, как заходить на посадку, и дай бог, чтобы дошло до этого, посадите с ним самолет на землю. Сможете?

— Я не умею творить чудеса,— холодно ответил Трелливен.— Вы ведь понимаете, что у человека, водившего когда-то только истребители, шансы посадить четырехмоторный пассажирский самолет очень невелики. Если они есть вообще.

— Конечно, я знаю это! — взорвался Бёрдек. — Вы же слышали, что я говорил Бернарду. А у вас есть какие-нибудь другие предложения?

— Нет, никаких,— с расстановкой ответил Трелливен.— Я просто хотел удостовериться, что вы осознаете, на что мы идем.

— Послушайте! — сердито закричал Бёрдек.— Там, наверху, самолет, набитый людьми, многие из которых при смерти, включая пилотов. Это самое ужасное бедствие, которое когда-либо терпел самолет. Это все, что я осознаю!

— Держите себя в руках,— спокойно произнес Трелливен.— На крике далеко не уедешь.— Он взглянул на записи радиосвязи, затем поднял глаза на карту.— Предстоит очень тяжелое и рискованное дело. Мне бы хотелось, чтобы это было ясно всем.

— Ну, будет, господа,— сказал руководитель полетов.— Вы совершенно правы, капитан, подчеркивая рискованность нашего решения. Мы полностью с вами согласны.

— Разве у нас есть выбор?! — вопрошающе воскликнул Бёрдек.

— Хорошо,— сказал Трелливен.— Давайте начнем.

— Он подошел к радисту.

— Можно прямо сейчас выйти на связь с 714-м?

— Да, капитан. Слышимость хорошая. Мы можем вызвать их в любое время.

— Ну, тогда давайте.

Радист включил передачу.

— Рейс 714. Говорит Ванкувер. Вы меня слышите?

— Да, Ванкувер, мы вас слышим,— раздался из усилителя голос Спенсера.— Продолжайте, пожалуйста.

Радист передал микрофон Трелливену.

— О'кей, капитан, теперь уже вы.

— Алло, 714-й,— произнес он.— Говорит Ванкувер. Меня зовут Поль Трелливен. Я старший пилот авиакомпании «Кросс-Канада». Я должен буду помочь вам вести самолет. Главное, не очень беспокоиться. Со мной говорит Джордж Спенсер, не так ли? Я бы хотел услышать немного подробнее о вашем летном опыте. Говорите, Джордж.

Позади него нервно подергивалось лицо бедняги Бёрдека.

ГЛАВА VII

У Спенсера пересохло в горле, и он едва мог говорить. Наконец он откашлялся.

— Алло, Ванкувер. Говорит 714-й. Рад приветствовать вас, капитан. Но только с самого начала давайте не будем играть в прятки. Мы оба прекрасно осознаем возникшую ситуацию. Весь мой опыт полностью сводится только к вождению одномоторных самолетов типа «Спитфайр» и «Мустанг». Налетал я, наверное, всего около тысячи часов. Но это было тринадцать лет назад. С тех пор я не прикасался к самолетам. Вы, я надеюсь, понимаете, что это значит? Конец.

— Ничего, Джордж, это то же самое, как с ездой на велосипеде — вы уже никогда не разучитесь. Не отключайтесь, хорошо?

В диспетчерской Ванкувера Трелливен выключил микрофон. Руководитель полетов протянул ему бумагу.

— Постарайтесь вывести его на этот курс,— сказал он.— От ВВС только что получены данные радиолокационной проводки.— Помедлив немного, добавил:— Этот парень здорово держится.

— Что ему еще остается,— отметил не без сочувствия Трелливен.— Мы должны внушить ему веру в свои силы. Иначе невозможно будет что-либо сделать. Какая бы неожиданность ни случилась, главное, чтобы у него не сдали нервы.

Потом Трелливен обратился к радисту:

— Ну, продолжим. Только будьте предельно внимательны, чтобы не потерять его в эфире. Иначе у него

моментально возникнут какие-нибудь осложнения, и тогда может случиться так, что ничего уже нельзя будет исправить.

Трелливен снова включил микрофон.

— Вызываем 714-й. Говорит Трелливен. Вы продолжаете лететь с автопилотом, верно?

— Да, капитан,— последовал ответ.

— Хорошо, Джордж. Через минуту вы отключите его, чтобы самому почувствовать машину. После небольшой практики вам предстоит изменить немного курс. Но выслушайте меня очень внимательно, прежде чем приступите к этому. Когда вы возьмете рычаги управления, они вам покажутся неподатливыми и не такими чувствительными, как на истребителе. Но пусть вас это не смущает. Так и должно быть. У вас в воздухе такая машина, что держать ее надо крепко. Все время следите за скоростью, она должна быть не меньше 120 узлов, пока не выпущены шасси и закрылки, иначе самолет может войти в штопор. Я повторяю: будьте всегда совершенно уверены, что скорость полета у вас не ниже 120 узлов. Теперь вот еще что. Есть у вас кто-нибудь, кто бы мог взять на себя радиосвязь, чтобы вы могли заниматься только управлением?

— Да, Ванкувер. Здесь со мной стюардесса. Она сейчас с вами поговорит. Давайте, Джанет.

— Алло, Ванкувер. Говорит стюардесса Джанет Бенсон.

— А, это ты, Джанет,— сказал Трелливен.— Ну, я бы везде узнал твой голос. Ты будешь передавать Джорджу все, что я скажу, хорошо? Так-то. Прежде всего, Джанет, следите все время за показателем скорости. Помните, что только скорость держит самолет в воздухе. Если она слишком снизится, то самолет начнет падать. Поэтому если на указателе скорость полета будет меньше 120 узлов, тут же говори об этом Джорджу. Ясно, Джанет?

— Да, капитан. Я поняла.

— Теперь передавай Джорджу. То, что вы сейчас будете делать, производите медленно и без резких движений. Вы должны сейчас отключить автопилот — переключатель ясно помечен на штурвале. Теперь сами возьмите управление самолетом, удерживая его все время в горизонтальном полете и на постоянной скорости. Стрелка вариометра должна стоять все время на нуле. Ясно? Ну, начинайте.

Спенсер положил большой палец правой руки на кнопку автопилота. Его лицо было сковано, как маска. Сжимая обеими руками штурвал, Спенсер в ожесточенной собранности был готов ко всему.

— Скажи Трелливену, что я принимаю сейчас управление на себя,— сказал он Джанет.

Она передала его слова по радио. На мгновение рука Спенсера задрожала, но он решительно и с силой нажал переключатель автопилота. Самолет слегка развернуло влево, но Спенсер мягко скорректировал положение, и самолет довольно легко подчинился движению его ноги.

— Скажи им, что все в порядке,— выговорил он. Его нервы были на пределе.

— Говорит 714-й. Мы продолжаем горизонтальный полет,— передала Джанет.

— Молодец, Джордж. Как только ты почувствуешь себя увереннее, попробуй сделать несколько поворотов, но не больше, чем на два-три градуса. Ты видишь указатель поворота? Он почти прямо перед тобой, чуть правее.

Трелливен говорил, закрыв глаза, чтобы лучше представить себе расположение приборов в кабине. Открыв их, он обратился к оператору связи:

— Вот что. С этим парнем у меня предстоит большая работа, но все-таки мы уже должны начать подготавливать прием самолета и посадку, пока еще в запасе много времени. Свяжитесь с диспетчером обзорного радиолокатора, хорошо? И дайте мне поговорить с ним.

Очень осторожно Спенсер вытянул левую ногу и повернул штурвал. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем самолет ответил на его движение, и силуэтик авиагоризонта сдвинулся с нуля. Затем он попробовал проделать то же самое в другом направлении. Но на этот раз реакция самолета была слишком резкой. Взглянув на указатель скорости полета, Спенсер с ужасом заметил, что она упала до 180 узлов. Он тут же двинул штурвал вперед и со вздохом облегчения заметил, что скорость постепенно стала подниматься к 210. Да, ему следовало бы быть более осторожным, пока он по-настоящему не почувствует самолет. Это совершенно ясно.

Джанет оторвала взгляд от панели приборов и спросила тихо:

— Ну как?

— Передай, что я сейчас пробую вести самолет вручную и совершаю небольшие повороты, каждый раз

возвращаясь на прежний курс,— сказал он стюардессе.

Джанет передала сообщение.

— Мне, правда, следовало давно вас спросить об этом, — раздался голос Трелливена.— Какая у вас наверху погода?

— Там, где мы сейчас,— чисто,— ответила Джанет.— Только под нами облачность.

— Ух!.. Вам нужно было сказать мне об этом раньше. Послушайте, Джордж, нам придется ускорить обучение. Вы можете в любой момент попасть в полосу облачности и столкнуться с небольшими встречными потоками. Если это произойдет, надо, чтобы вы были к этому готовы. Ну, как самолет, слушается?

Спенсер, оторвавшись от приборов, бросил на Джанет беглый взгляд.

— Скажи ему, что это не самолет, а квашня какая-то,— процедил сквозь зубы Спенсер.

— Алло, Ванкувер, он говорит, что это квашня, а не самолет,— повторила Джанет.

На несколько мгновений напряжение в диспетчерской ослабло, и все с улыбкой переглянулись.

— Вполне понятно, что у вас создалось такое впечатление,— ответил Трелливен.— Вы ведь привыкли к небольшим самолетам. Потом, когда вы начнете делать большие развороты, он вам покажется еще более неподатливым, но вы быстро освоитесь.

Телефонист тихо прервал его:

— У меня на проводе диспетчер обзорного радиолокатора.

— Ему придется подождать,— сказал Трелливен.— Я поговорю с ним, когда у меня будет перерыв.

— Хорошо.

— Алло, Джордж,— снова обратился к нему Трелливен,— старайтесь не делать никаких резких движений, это вы могли себе позволить только на истребителях. Если вы повернете резко штурвал, то слишком сильно измените направление, и тогда не избежать осложнений. Ясно?

— Да, Ванкувер, понятно.

— Теперь, Джордж, я бы хотел, чтобы вы почувствовали влияние изменения продольной балансировки на скорость. Сначала отрегулируйте режим двигателей так, чтобы скорость уменьшилась до 160. При этом сохраняйте строго горизонтальный полет. Но не прекращайте все время внимательно следить за скоростью. Она должна

быть выше 120. Триммер руля высоты находится справа от вас у основания приборной доски, триммер элерона — под рычагами управления двигателями. Нашли?

Спенсер одной рукой проверил их расположение, одновременно поддерживая нужное направление полета.

— Все в порядке. Скажи, что я начинаю сбавлять скорость.

— О'кей, Ванкувер. Мы делаем все, как вы говорите.

Когда скорость достигла 160, Джордж занялся триммерами и вскоре дал знак Джанет, что все в порядке.

— Говорит 714-й. На указателе 160 узлов.

Трелливен сделал паузу, стаскивая с себя пиджак, и затем заговорил:

— Хорошо, Джордж. Попробуйте теперь направить самолет немного вверх, затем вниз. Действуйте штурвалом как можно осторожнее, как будто он из хрупкого стекла, и следите за скоростью. Помните, что она должна быть около 160 узлов.

Он отложил микрофон.

— Где диспетчер обзорного радиолокатора?

— Здесь.

— На каком расстоянии этот самолет войдет в вашу зону? — спросил Трелливен.

— Примерно в 60 милях, капитан.

— Тогда это нам еще не подходит,— сказал Трелливен отчасти себе, отчасти Бёрдеку.— Приходится только надеяться на то, что он продолжает двигаться в западном направлении. Однако в следующий радиосеанс надо будет проверить. Если он сохранил в общем-то прежнее направление, то мы сможем легко его скорректировать, как только он попадет в зону действия радиолокатора. А данные ВВС нам очень при этом пригодятся.

— А нельзя ли направить его на привод?

— Сейчас у него и без этого забот предостаточно. Если я попытаюсь навести его на привод, то у него будет неразбериха с радио, надо будет менять частоту и всякое другое. Лучше сейчас попытаться изменить направление полета на несколько миль и посмотреть, как у него это получится.

— Да, это имеет больше смысла, — согласился Бёрдек.

— Так мы и сделаем,— сказал Трелливен— Я буду сам с ним разговаривать. Он уже привык ко мне.

— Хорошо, сэр,— откликнулся диспетчер обзорного радиолокатора.

— Как только он появится на вашем экране, вы начнете поставлять мне информацию, и в дальнейшем я буду полагаться на нее.

— Можете ли вы,— обратился затем Трелливен к связисту,— установить телефон между нами и радиолокаторной?

— Мы займемся этим,— ответил тот.

— А как насчет захода на посадку? — спросил диспетчер обзорного радиолокатора.— Будем пробовать тем же способом,— сказал Трелливен.— Как только он будет в вашей зоне и пойдет уже прямым курсом на аэродром, мы перейдем в башню. Там вы обо всем нам доложите, и мы решим, на какую полосу его сажать, и продумаем его заход на посадку

— Да, сэр, хорошо.

Трелливен взял микрофон, но приостановился, так как его глаза встретили взгляд руководителя полетов, только что положившего телефонную трубку на рычаг.

— Внизу доктор Дэвидсон,— сказал он Трелливену.

— Что он хочет сообщить?

— На основании тех сведений, которыми мы располагаем, он пришел к тому же диагнозу, что и врач на самолете. Сначала, правда, он подумал, что, может быть, это вспышка ботулизма.

— А это что еще за чертовщина?

— Очевидно, какое-то очень серьезное пищевое отравление. Можно ли будет связаться сейчас с тем доктором на самолете?

— Нет. Сейчас важнее заниматься пилотированием. Они пусть сами скажут, нужна ли им сейчас медицинская консультация. Я же не хотел бы рассеивать внимание Спенсера и отвлекать его от работы. Пусть Дэвидсон сидит здесь, и мы к нему обратимся, когда понадобится.

Трелливен заговорил в микрофон:

— Алло, Джордж Спенсер. Не забывайте, что ответная реакция самолета запаздывает. Не торопитесь и не дергайте штурвал. Вы поняли меня?

Наступила пауза. Затем:

— Да, он понимает, конец.

Спенсеру показалось, что Трелливен прочел его мысли. Ведь как раз за несколько минут до этого он двинул штурвал и, не почувствовав никакой реакции самолета, попытался снова отклонить штурвал от себя. И тут са-

молет, совсем незаметно снижавшийся, внезапно начал стремительно падать. Джанет закусила нижнюю губу, чтобы не закричать. Стрелка указателя скорости ползла по кругу... 180... 190... 200.... 220... Стараясь вернуть самолет в прежнее положение, Спенсер изо всех сил потянул штурвал на себя. Стрелка на указателе вертикальной скорости снижения дрожала где-то у края шкалы. Маленький силуэт самолета на авиагоризонте накренил левое крыло и угрожающе замер в этом положении. Стрелки высотомера стали стремительно откручиваться назад.

— Давай, железяка, давай! — закричал Спенсер, когда, наконец, самолет прореагировал на его усилия. Его глаза неотрывно следили, как все три стрелки высотомера, казалось, из последних сил начали взбираться снова вверх, регистрируя постепенное увеличение высоты.

— Дело сделано! — с облегчением сказал Спенсер Джанет, совершенно забыв, что он чрезмерно отклонил руль.

— Скорость! Следите за скоростью! — воскликнула стюардесса.

Его глаза метнулись в сторону указателя скорости, 160... 150... 140... Но Спенсер быстро с этим справился, и корабль со стоном снова перешел в горизонтальный полет.

— Проклятье! Это ужасно! — пробормотал Спенсер.

Джанет все еще напряженно следила за показанием скорости — «160». Теперь все в порядке.

Дверь позади них распахнулась, и послышался голос Байарда:

— Что случилось?

Спенсер бодро ответил, не отрывая глаз от приборной доски:

— Извините, док. Я пытаюсь покороче познакомиться с самолетом.

— Но делайте это как-нибудь полегче, хорошо? Там и так дела очень плохи. А как вы справляетесь?

— Прекрасно, просто прекрасно, доктор,— ответил Спенсер, облизывая запекшиеся губы.

Дверь закрылась, и в это время в наушниках раздался голос Трелливена:

— Алло. Джордж Спенсер. Все в порядке?

— Все в порядке, Ванкувер,— ответила Джанет.

— Хорошо. Укажите направление.

Спенсер посмотрел вниз.

— Скажи, что магнитный компас показывает 290. Я старался все время придерживаться этого курса.

— Очень хорошо. Так и продолжайте. Вы можете вдруг немного отклониться, но я вам скажу, когда надо будет выправить курс. А сейчас я хотел бы, чтобы вы попробовали управлять самолетом на малых скоростях, когда выпущены закрылки и шасси. Но ничего не делайте, пока не получите от меня инструкций. Ясно? Конец?

Джанет, поймав кивок Спенсера, попросила Трелливена продолжать.

— Алло, 714-й. Вначале сбавьте немного газ, и пусть скорость установится на 160. Зафиксируйте горизонтальный полет. Затем скажите, когда будете готовы к дальнейшему. Конец.

Спенсер выпрямился и бросил Джанет через плечо:

— Следите за этой чертовой скоростью. Вам все равно придется зачитывать ее вслух, когда пойдем на посадку, так что уже сейчас начинайте практиковаться.

— Стрелка на 190, — начала отсчитывать Джанет.— 200... 190... Он сказал 160, мистер Спенсер.

— Знаю, знаю. Я как раз собираюсь сбавить немного газ.

Он взялся за рычаги управления двигателями и потянул их назад.

— Ну, как теперь скорость?

— 190, 180, 175, 155, 155, 150... Но это уже слишком мало!

— Я знаю. Ты следи! Следи!

Его рука нетерпеливо обхаживала, почти лаская, рычаги газа, ища нужное положение для заданной скорости. Глаза Джанет были прикованы к дрожащей стрелке указателя.

— 150, 150, 155, 160... установилась на 160.

Спенсер облегченно вздохнул:

— Уф! Наконец! Передай на землю, Джан.

— Алло, Ванкувер. Наша скорость установилась на 160. Конец.

— Хорошо, 714-й.— В голосе Трелливена слышалось нетерпение, как будто это сообщение, по его расчетам, должно было прийти давно.— Теперь, Джордж, вам нужно выпустить закрылки на 15 градусов. Когда я скажу, поверните рукоятку до конца, при этом наблюдайте за указателем. Когда стрелка достигнет 15 градусов, пере-

ставьте рукоятку обратно. Но будьте очень внимательны. Закрылки выпускаются быстро. Все ясно?

Спенсер нащупал рукоятку.

— Подтверди,— сказал он Джанет.— Но, может быть, ты их выпустишь сама, хорошо?

— Мы готовы, Ванкувер,— сказала Джанет.

— Хорошо. Тогда приступайте.

Она приготовилась нажать на рукоятку, как вдруг ее всю передернуло от ужаса.

— Скорость! Она снизилась до 125!

Спенсер быстро взглянул на указатель. Отчаянным усилием он отжал штурвал от себя.

— Скорость! — закричал он. — Называй скорость!

Казалось, что их внутренности вот-вот вывернутся наружу от крена, в который вошел самолет. Джанет, почти припав к панели, продолжала зачитывать скорость:

— 135... 140... 150... 160... 170... 175... Вы не могли бы вернуть к 160?

— Я попытаюсь, я попытаюсь...

Он снова выровнял самолет и отрегулировал его положение так, что скорость наконец была укрощена и установилась на 160. Спенсер быстро провел рукавом по лбу, не решаясь выпустить из рук штурвал, чтобы достать платок.

— Ну, что, теперь 160, верно?

— Да, теперь порядок.

Спенсер откинулся на спинку кресла.

— Давай немного передохнем.

Ему удалось даже выдавить при этом что-то вроде улыбки.

— Теперь ты видишь, что я за пилот. Я бы мог все это предвидеть заранее.

— Нет, ведь это я должна была следить за скоростью.— Джанет глубоко вздохнула, чтобы утихомирить сердцебиение.— Мне кажется, вы все делаете великолепно.

Эти слова взбодрили Спенсера. Он встряхнулся и быстро, с несколько излишним жаром проговорил:

— Ладно, Джанет, давайте продолжим.

— Алло, Джордж,— раздался среди треска в наушниках голос Трелливена.— Вы уже выпустили закрылки?

— Мы как раз собираемся это сделать, капитан,— ответила Джанет.

— Подождите. Я забыл вам сказать, что когда вы-

пущены закрылки, скорость начинает падать. Вы должны будете ее вернуть к 140.

— Ну, знаете! — взорвался Спенсер.— Очень любезно с его стороны предупредить нас об этом. Теперь мы уже без него знаем.

— Они там, внизу, тоже, наверное, жутко нервничают,— сказала Джанет. Она прекрасно себе представляла, что происходит сейчас в аэропорту.

— Спасибо, капитан,— сказала она в микрофон.— Мы начинаем.

При кивке Спенсера она отвела рукоятку до предела, в то время как Спенсер внимательно следил за шкалой.

— Достаточно. Теперь назад во второе положение.

С невероятной осторожностью он довел скорость до 140.

— Передайте ему, Джанет, что мы все сделали.

— Алло, Ванкувер. Закрылки выпущены на 15 градусов. Скорость — 140.

— 714-й, вы сохраняете горизонтальный полет?

Спенсер кивнул Джанет.

— Скажи, что да. Ну, более или менее.

— Алло, Ванкувер. Более или менее.

— Хорошо. 714-й. Теперь следующая задача — выпустить шасси. Тогда вы уже полностью будете иметь представление, как самолет идет на посадку. Попытайтесь не потерять высоту и сохранить скорость 140. Когда будете готовы, совершенно готовы — выпустите шасси. Скорость при этом может снизиться до 120. Но, возможно, вам придется все-таки увеличить режим двигателей, чтобы добиться этой скорости. Ясно? У вас есть какие-то вопросы? Конец.

— Спроси его,— сказал Спенсер,— где включается управление шагом винтов и как насчет смеси?

При этом вопросе Трелливен бросил в сторону Бёрдека:

— А у этого парня мозги работают.

И продолжил в микрофон:

— Сейчас пусть это вас не беспокоит. Сосредоточьте свое внимание только на скорости. Она должна быть постоянной при выпущенных закрылках и шасси. Позже я вам дам полные данные для посадки. Конец.

— Передай, что все ясно,— сказал Спенсер.— Сейчас мы выпустим шасси.

Он с опаской взглянул на рычаг управления шасси, расположенный около его ноги. Он подумал, что было

бы гораздо вернее не выпускать штурвал из рук. Поэтому он попросил Джанет:

— Послушай, я думаю, что лучше тебе заняться шасси. Ты же сможешь при этом продолжать зачитывать скорость?

Джанет согласилась.

— 130, 125, 120, 115... Слишком снизилась!

— Продолжай!

— 115, 120, 120... Установилась на 120.

— Ну, я ей еще покажу! — тяжело дыша, проговорил Спенсер.— Вот еще, недотрога!

Тут послышался несколько встревоженный голос Трелливена:

— У вас все в порядке, Джордж? Шасси должны быть уже выпущены.

— Так оно и есть.

— Тогда найдите три зеленых лампочки. Они должны показать, что стойки шасси встали на замки. Кроме того, в дальнем левом углу центральной приборной доски находится манометр. Его стрелка должна находиться в зеленой зоне. Проверьте.

— Как там у нас? — спросил Спенсер.

Джанет посмотрела и удовлетворенно кивнула.

— Тогда передай ему это.

— Да, Ванкувер, все в порядке.

— И еще скажи, что это не самолет, а квашня или того хуже.

— Алло, Ванкувер. Пилот говорит, что самолет в руках хуже квашни.

— Ну, не волнуйтесь, это ничего. Теперь надо полностью выпустить закрылки, и тогда у вас будет представление, как самолет заходит на посадку. Вы скоро освоитесь. Сейчас делайте все точно, как я вам скажу. Выпустите закрылки полностью. Снизьте скорость до 110 узлов и выправьте тангаж. Отрегулируйте режим двигателей, чтобы сохранить высоту полета. Затем я вам объясню, что нужно делать для сохранения высоты и скорости полета, когда будете убирать шасси и закрылки. Конец.

— Вы сказали 110, капитан? — нервно переспросила Джанет.

— Да, 110, Джанет. Делайте точно, как я говорю, и все будет в порядке. Вам понятно, Джордж?

— Скажи ему — да. Мы сейчас до конца выпустим закрылки.

Рука Джанет еще раз с силой нажала на рычаг выпуска закрылков, и скорость начала падать.

— 120, 115, 115, 110, 110...

От напряжения голос Спенсера немного сел.

— Хорошо, Джанет. Передай ему, что все нормально. Боже, как тяжеловесна эта махина!

— Алло, Ванкувер. Закрылки полностью выпущены. Скорость 110. Мистер Спенсер говорит, что самолет стал еще более неподатливым в управлении.

— Джордж, все идет прекрасно. Мы из вас сделаем настоящего пилота. Теперь вернитесь в первоначальное положение и повторите все еще раз с некоторыми дополнениями, то есть воздушный винт, смесь, насосы... Хорошо?

— Опять! — простонал Спенсер.— Я не знаю, как я все это выдержу. Ну ладно, давай, Джанет.

— Мы готовы, Ванкувер.

— Хорошо. Теперь в обратном порядке уберите закрылки до 15 градусов, а скорость верните к 120. Вам придется уменьшить немного газ, чтобы добиться этого. Приступайте.

Протянул руку вниз. Джанет нащупала рукоятку управления закрылками и нажала. Но она не поддалась. Джанет склонилась ниже и попробовала еще раз.

— Что такое, Джанет? — спросил Спенсер.

— По-моему, заклинило. Я не могу ее сдвинуть.

— Не может быть. Нажми посильнее.

— Наверное, это я сама виновата. Просто нет сил с ней справиться.

— Тогда давай я.— Спенсер снял руку со штурвала и без труда повернул рукоятку назад.

— Ну, вот видишь. Нужно было только правильно взяться. Теперь, если ты через секунду...

— Осторожно! — закричала Джанет.— Скорость!

Перейдя отметку 90, стрелка указателя скорости приближалась к 75.

Пытаясь удержаться в кресле, уходящем из-под него под резким углом, Спенсер сразу же понял, что произошло сваливание и самолет начинал входить в штопор.

— Горы! — воскликнула Джанет. — Я уже вижу землю.

— Полегче! Полегче! Не так быстро. Попридержи скорость. Мы выходим... Мы выходим из штопора. Получилось. Получилось!

— 105, 110, 115...— произносила Джанет сдавленным голосом.— Стало совсем темно. Мы, наверное, попали в туман.

— Убери шасси.

— Горы! Мы, должно быть...

— Убери шасси, я сказал!

Дверь в кабину с треском распахнулась. Послышались плачущие и разъяренные голоса.

— Что они делают? — раздался женский вопль.

— Там что-то случилось! Я сейчас выясню.

— Сядьте на место! — Это уже был голос Байарда.

— Нет, пропустите меня!

В дверном проеме появилась фигура мужчины. Вглядываясь в полумрак кабины, он двинулся вперед, хватаясь за что попало, чтобы сохранить равновесие, но через два шага остановился, задохнулся от ужаса при виде Спенсера в кресле пилота и двух тел, распростертых на полу. Затем он с усилием отступил назад к порогу и, вцепившись руками в оба косяка, высунулся в салон.

Перекрывая творившийся там шум, раздался его истерический вопль:

— Он не пилот! Мы все погибнем. Мы сейчас разобьемся!

ГЛАВА VIII

Неоновые фонари, окутанные дымчатым сиянием, горели, отражаясь в мокром асфальте, у подъезда главного здания аэропорта Ванкувер. Обычно в такой ранний предрассветный час на площади царили безлюдье и тишина, изредка нарушаемая какой-нибудь служебной машиной. Теперь же это место представляло собой совершенно иную картину. У поворота с основного шоссе к аэропорту стояла полицейская машина, развернутая к середине дороги. Синяя вспышка на крыше, не прекращая, давала предупреждающие сигналы. Тот транспорт, которому был разрешен въезд в аэропорт, тут же направлялся регулировщиком к месту стоянки: подъезд к главному зданию должен был быть всегда свободен. Некоторые из приехавших в аэропорт оставались еще какое-то время снаружи, тихо переговариваясь и переминаясь с ноги на ногу из-за ночного холода, следя при этом за появлением все новых пожарных и санитарных машин. Поблескивающий влажным глянцем красный грузовик аварийной службы вдруг оглушительно взре-

вел и отъехал прочь. В наступившей после этого тишине сразу же послышались позывные какой-то передвижной радиостанции.

«Леди и джентльмены! Послушайте последние сообщения из аэропорта Ванкувер. Местная администрация заявила, что хотя самолет компании «Мэпл Лиф» пилотируется не очень квалифицированным летчиком, нет никаких оснований для паники. Были приняты все меры для оповещения населения в примыкающих к аэропорту районах. В данный момент спасательные службы города стягивают свои силы. Слушайте дальнейшие сообщения нашей радиостанции».

Забрызганный грязью «шевроле» резко затормозил у подъезда главного здания. Затем, круто развернувшись, он с визгом подкатил к стоянке и остановился. На левой стороне ветрового стекла виднелась красная наклейка «Пресса». Высокий седеющий толстяк в распахнутом спортивном пальто проворно вылез из машины и, хлопнув дверцей, заспешил к главному зданию. У входа он кивнул дежурному и быстро вошел внутрь.

Ловко обогнав двух молодых людей в белых халатах, он поискал глазами стол «Мэпл Лиф компани» и тотчас направился к нему. Там стояли трое мужчин. Один из них был в форме. Они что-то обсуждали, и вошедший приблизился к ним незамеченным. На него обратили внимание, лишь когда он дотронулся до плеча самого молодого из них. Тот обернулся и кивнул ему.

— Ну, как дела, Гарри? — спросил вновь подошедший.

— Я только что передал все, что успел разузнать, мистер Джессеп,— отозвался тот.— Это Ральф Джессеп из «Канадиэн Интернейшнл Ньюс»,— сказал он служащему авиакомпании.

— Кто сейчас занимается прессой? — спросил Джессеп.

— Я думаю, что заявление для журналистов сделает скорее всего мистер Говард в здешнем пресс-центре,— сказал агент «Мэпл Лиф компани».

— Надо идти,— сказал Джессеп. Он взял молодого под руку и потащил его за собой.

— Редакция пришлет сюда фоторепортеров? — спросил он.

— Да. Но тут быстротой не возьмешь: полно места для всех, даже для кинохроники.

— Хм. Напомни в редакции, чтобы они послали

кого-нибудь для сбора возможного материала об эвакуации населения из домов, прилегающих к мосту. Они могут поручить тому же человеку занять позицию на границе летного поля, потому что, если он взберется на ограду, ему удастся сделать один-два стоящих снимка катастрофы. И убраться оттуда быстрее, чем другим. А что известно об этом парне, который ведет самолет?

— Какой-то Джордж Спенсер из Торонто. Это все, что мы знаем.

— Н-да... Редакция, я думаю, свяжется с нашими людьми в Торонто, и они раскопают о нем все. Теперь займи платную переговорную кабину здесь, в регистрационном зале, и не вылезай из нее, что бы ни случилось. Пусть будет постоянная связь с редакцией.

— Хорошо, мистер Джессеп, но...

— Я знаю, знаю,— буркнул Джессеп,— но ничего не поделаешь. Если вдруг начнется ажиотаж у телефонных будок в пресс-центре, нам понадобится эта кабина.

С развевающимися позади него полами пальто он начал пробираться к пресс-центру. Там уже собралось несколько журналистов. Трое из них что-то обсуждали между собой, один болтал с машинистками, сидевшими за большим центральным столом. Еще двое газетчиков уже говорили в телефонных будках, расположенных по обе стороны комнаты. На полу в мокрых кожаных футлярах лежали фотокамеры.

— Ну,— произнес язвительно Джессеп,— зачем это вы сюда пожаловали?

— Привет, Джессеп,— поздоровался с ним один.— Где Говард? Ты не видел его?

— Мне сказали, что он вот-вот появится.— Джессеп вытряхнул из пачки сигарету.— Так кто что знает?

— Мы только что пришли,— сказал Стефенс из «Монитора».— Я попробовал запросить диспетчерскую, но меня послали к черту.

— Вы, ребята, не волнуйтесь,— посоветовал Джессеп, закуривая сигарету и сплюнув крошки табака.— Для утреннего выпуска вы уже опоздали, а для вечернего у вас полно времени, ну, конечно, если не будет специального дневного выпуска. Впрочем, тут сразу видно, кто больше всего суетится,— он кивнул на двоих за стеклянными дверцами будок, один из «Канадиен пресс», другой из ЮПА.

— Перестань, Джес,— отрезал Стефенс.— По-твоему, если они из телеграфных агентств, то...

— Что вы ругаетесь! — вмешался Абрахамс из «Пост-Телеграмм».— Сейчас, по-моему, надо всем вместе потребовать с их стороны каких-нибудь разъяснений. А то сюда скоро хлынет народ, и тогда особо не развернешься.

В этот момент в комнату вошел моложавый мужчина, держа в руках несколько листков бумаги. Все обернулись в его сторону. Это был Клиф Говард.

— Спасибо, что вы все-таки дождались, — сказал он.

— Да. Но, признаться, собрались было уже сами... — произнес Джессеп.

Двое газетчиков поспешно прервали свои телефонные разговоры и присоединились к остальным.

— Ну что там, Клиф? — спросил один из них.

Говард посмотрел на Джессепа.

— Вы, я вижу, вроде меня, Джесс, сюда прямо из постели,— отметил он, кивнув на виднеющуюся из-под пиджака Джессепа пижаму.

— Да,— коротко ответил тот.— Давай, Клиф, не тяни.

Говард взглянул на бумаги, затем на собравшихся вокруг него мужчин. Лоб его покрылся маленькими капельками пота.

— Хорошо,— сказал он.— Начнем. Самолет «Импресс» компании «Мэпл Лиф» был зафрахтован в Торонто, чтобы доставить сюда болельщиков на футбольный матч. При перелете из Виннипега в Ванкувер оба пилота заболели. Сейчас самолет ведет один из пассажиров. У него нет опыта пилотирования самолетов подобного типа. Мы инструктируем его по радио. Этим занимается капитан Поль Трелливен, старший пилот из «Кросс-Канада». Но администрация аэропорта считает целесообразным принять меры предосторожности и обезопасить близлежащие районы, и стянуть сюда дополнительные силы спасательных служб на случай аварии.

Наступила пауза.

— Ну, это все? — проворчал один из журналистов.

— Да. Боюсь, что это все, что я могу вам сообщить,— сказал Говард извиняющимся тоном.— Мы делаем все возможное, и я буду очень вам признателен, если...

— Побойся бога, Клиф, что это ты нам дал? — запротестовал Стефанс.— Ну, а как же так случилось, что оба пилота вдруг заболели?

Говард раздраженно дернул плечами.

— Мы еще точно не знаем. Может быть, это приступ

печени или еще что-то. Мы вызвали сюда докторов, чтобы они были наготове...

— Послушай,— прервал его Джессен. — Сейчас не время играть в прятки, Клиф. Уже просочилось столько слухов, что в них потонет любая ваша отговорка. Все, что ты сказал сейчас, в редакциях было известно еще до того, как мы сюда попали. Так что давай начинай сначала. Верны ли слухи об отравлении?

— Прежде всего я хочу, чтобы вы поняли, что все сказанное мною не может быть воспринято как официальное заявление со стороны аэропорта авиакомпании «Мэпл Лиф». Компания принимает надлежащие меры, чтобы самолет благополучно совершил посадку. Я, со своей стороны, постараюсь вас ввести в курс дела.— Затрещал телефон, но ни один не двинулся к нему.— Согласно той информации, которой я располагаю, на самолете произошла вспышка болезни, которая, всего вероятнее, является пищевым отравлением. Конечно, мы предпринимаем...

— Вы имеете в виду,— кто-то прервал его,— что пища на борту самолета была заражена?

— На этот вопрос трудно сейчас ответить. Пока могу вам сообщить лишь следующее, но я бы хотел, чтобы мои слова были верно поняты. Из-за тумана было задержано отправление самолета «Импресс» из Торонто, и он прибыл в Виннипег с большим опозданием, так что они не успели получить продукты от постоянных поставщиков авиакомпании. Им пришлось обратиться в другую фирму. Среди полученных продуктов была рыба, и какая-то часть этой рыбы, возможно, я повторяю, джентльмены, возможно, была испорчена. Сейчас это выясняется государственной комиссией по делам здравоохранения в Виннипеге.

— А что за парень взялся вести самолет? — снова спросил Абрахамс.

— Но прошу вас учесть, — продолжал Говард, — что авиакомпания «Мэпл Лиф» всегда отличалась высоким уровнем санитарии. Это из ряда вон выходящее происшествие, которое может случиться, несмотря на самое строгое...

— Но кто сейчас ведет самолет?

— Наберитесь терпения и задавайте вопросы по очереди,— резко отпарировал Говард, как будто его завалили вопросами.— Экипаж на самолете один из наиболее опытных в «Мэпл Лиф». А как вы понимаете, это

говорит о многом. Командир корабля — Ли Даннинг, второй пилот — Питер Девинсон и стюардесса Джанет Бенсон. У меня есть все подробные данные...

— Это потом,— сказал Джессеп.— Мы посмотрим это попозже.

Еще два журналиста вошли в комнату и тут же присоединились к группе вокруг Клифа.

— А что же все-таки известно о том пассажире, который ведет сейчас самолет? — настаивал Джессеп.

— По нашим сведениям, второй пилот, а затем командир плохо себя почувствовали. Но, к счастью, на борту самолета оказался пассажир, который пилотировал раньше самолеты. Он взял управление кораблем на себя. Его имя Джордж Спенсер. Он много летал во время войны на небольших самолетах.

— Во время войны? Так это же сто лет назад!

— А какие типы небольших самолетов? — спросил Джессеп.

— «Спитфайр», «Мустанг». Самые разные.

— Постой! Это же истребители. Так, значит, он летчик-истребитель времен прошлой войны?

— В конце концов самолет есть самолет,— не сдавался Говард.— Кроме того, его инструктирует по радио капитан Трелливен, старший пилот «Кросс-Канада».

— Но, черт возьми! — воскликнул пораженный Джессеп.— Ведь «Импресс» — четырехмоторная махина! И вы хотите сказать, чтобы бывший военный летчик, который имел опыт пилотирования только одномоторных истребителей, сможет после такого огромного перерыва управлять многомоторным лайнером?

— Согласен, существует определенный риск, — допустил Говард.— И вот поэтому были приняты меры для эвакуации прилегающих к аэропорту районов. Конечно, положение чрезвычайно острое, но нет причин...

— Некоторый риск! — повторил его слова Джессеп.— Я сам когда-то немного летал, и я могу себе представить, что ждет этого парня. Давай еще, что о нем известно.

Говард развел руками.

— Что! — воскликнул Стефенс.— И это все, что вам известно о человеке, который пытается посадить переполненный людьми самолет? Сколько там на борту?

— Кажется, 59, включая экипаж. У меня есть список пассажиров. Если вы...

— Клиф,— мрачно произнес Джессеп,— если ты что-то от нас скрываешь...

— Я сказал вам, Джес, это все, что я знаю. Нам бы самим хотелось знать побольше. Судя по последним сообщениям, этот Спенсер справляется довольно успешно.

— Сколько времени осталось до катастрофы? — не унимался Абрахамс.

Говард резко повернулся к нему.

— И не думайте об этом! — выговорил он.

— А что, если самолет упадет в воду?

— Это маловероятно, но полиция вызвала по тревоге все свободные суда, чтобы они были наготове. Я еще никогда не видел более тщательной подготовки...

— Хо, хо, ну, история! — воскликнул Абрахамс и нырнул в ближайшую телефонную будку, оставив дверь открытой, чтобы, набирая номер, он мог продолжать слушать.

— Клиф, — обратился к Говарду Джессеп с некоторой долей сочувствия к его положению в данной ситуации.— На сколько еще хватит там горючего?

— Я не знаю, но у них должно быть какое-то количество в запасе,— ответил Говард, освобождая узел галстука. Его голос звучал не очень уверенно.

Джессеп молча смотрел на него секунду-две, сузив глаза и затем его вдруг осенило.

— Минутку! — выпалил он. — Если на борту произошло отравление пищей, то ведь тогда могли заболеть не только пилоты?

— Послушай, Джес,— веско выговорил Говард.— Я знаю, эта информация подобна динамиту. Вы можете с ней сделать все, что угодно. Но я надеюсь, у вас хватит благородства не использовать ее во вред нашим людям. Они работают как одержимые. Делается все, чтобы помочь тем, в самолете.

— Ты ведь нас знаешь, Клиф. Мы не станем делать во вред тебе. В каком состоянии находятся пассажиры?

— Некоторые из них уже заболели, но на борту есть доктор, который им оказывает посильную помощь. Стюардесса здорова, и она помогает Спенсеру держать радиосвязь. Ну теперь, может быть, вам хватит?

— Отравление пищей — очень серьезное дело, — безжалостно наступал на Говарда Джессеп.— Тут огромную роль играет время.

— Это верно.

— Если этих людей не доставят в скором времени в больницу, они ведь могут даже... умереть?

— Да, в общем-то так,— согласился Говард, сжав губы.

— Но... но ведь это же событие чрезвычайного масштаба! А каково положение там сейчас?

— Ну, десять — пятнадцать минут назад...

— Нет, так дело не пойдет, — вскричал Джессеп. — Несколько минут могут все изменить в таких ситуациях, как эта. Узнай, что происходит сейчас, Клиф. Кто руководитель полетов? Позвони ему или давай я, если хочешь.

— Нет, не сейчас, Джес, пожалуйста. Я же говорю, что они там...

Джессеп схватил Клифа за плечи.

— Ты же сам был репортером, Клиф. Ведь все равно, как бы ни кончилась эта история, она будет самой сенсационной в авиации за последние годы, и ты это прекрасно знаешь. Через час в тебя вцепится целая свора репортеров. Все будет забито ими. Телевидение, газеты, всякие там агентства... Ты сейчас должен пойти нам навстречу, если, конечно, ты не хочешь, чтобы мы сами стали всюду влезать. Достань нам последние сведения, и ты сможешь перевести немного дух, пока мы будем передавать их дальше.

— Хорошо, хорошо. И вы тогда успокоитесь? — Говард поднял трубку внутреннего телефона, стоящего тут же на столе.— Это Говард. Дайте, пожалуйста, диспетчерскую.— В наступившей паузе он прошипел в сторону Джессепа: — Ты меня убиваешь! ...Алло, диспетчерская? Бёрдек у вас? Дайте мне его срочно. Алло, Гарри? Это Клиф. Пресса уже вовсю собирается. Я больше не могу их сдерживать. Они хотят получить все сведения вплоть до настоящего момента. Сейчас последний срок сдачи материала в номер, и они не в состоянии больше ждать.

— Ну, конечно! — фыркнул язвительно Бёрдек. — Мы должны организовать все так, чтобы катастрофа произошла до сдачи номера. Все для них, только для газет!

— Перестань, Гарри! — осуждающе проговорил Говард.— Эти ребята тоже должны делать свое дело.

Бёрдек положил трубку на стол и обратился к руководителю полетов, который стоял рядом с Трелливеном у радиопанели: — Мистер Гримзелл, Клифу приходится там туго. Но я бы не хотел уходить отсюда. Может быть, Стэн выйдет на несколько минут, чтобы поговорить с прессой?

— Пожалуй, — ответил руководитель полетов. Он

взглянул на своего помощника.— Как вы насчет этого? Будет гораздо лучше, если мы удержим их в своих руках! Вы ведь сможете это сделать, верно?

— Надеюсь, что смогу.

— Никакого смысла нет что-либо от них утаивать, — посоветовал Бёрдек.— Расскажите им все — до настоящего момента, исключив вот это.— И он кивнул в сторону радиостанции.

— Я понимаю. Положитесь на меня.— И он покинул комнату.— Помощник руководителя полетов сейчас спустится, Клиф,— сказал Бёрдек в телефон и повесил трубку.

С усилием развернувшись своим грузным телом к двум мужчинам у радиостанции и вытирая лицо скомканным платком, он спросил подавленно:

— Что-нибудь слышно?

Трелливен покачал головой.

— Нет,— ответил он хмуро.— Они пропали куда-то.

Трелливен оперся о панель. Трубка в его руке давно потухла.

— 714-й, 714-й. Вы слышите меня? Ответьте.

— Нет, я больше не выдержу, — проговорил Бёрдек.— Эй, Джонни! — обратился он к одному из служащих. — Ради всего святого, принеси мне еще немного крепкого кофе.

— Тихо! — воскликнул радист.

— Нашел? — жадно переспросил руководитель полетов.

— Не знаю... Но в какой-то момент мне показалось... — Склонившись над радиоустановкой, радист пытался поймать ускользнувшие звуки.— Алло, 714-й, 714-й! Говорит Ванкувер.— Он бросил через плечо.— Я что-то слышу. Может быть, это они. Но я не уверен. Если все же это 714-й, то, значит, они сошли с нашей частоты.

— Ты все-таки попытайся,— сказал Трелливен.— Скажи им, чтобы сменили частоту.

714-й! — вызвал снова радист.— Говорит Ванкувер Смените частоту на 128,3. Вы слышите меня? Частота 128,3.

Трелливен обратился к руководителю полетов:

— Хорошо бы попросить снова ВВС произвести радиолокационную проводку. Может быть, они уже вошли в зону.

— 714-й! Смените частоту на 128,3. Ответьте! — продолжал повторять радист.

Бёрдек хлопнул по столу. На деревянной поверхности остался влажный след от его ладони.

— Этого не может быть. Не может,— тупо запротестовал он на всю комнату.— Если мы их потеряли, то им всем до одного придет конец.

ГЛАВА IX

Спенсер отчаянно пытался вернуть самолет в свое подчинение. Зубы его были стиснуты, по лицу струился пот. Приступы жгучего гнева и презрения к себе странно сменялись ощущением полной нереальности происходящего. Он еле сдерживался, чтобы не издать дикий крик. Крик беспомощного и напуганного ребенка. Выбраться бы из кресла подальше от этих приборов, от их насмешливо подрагивающих стрелок и упрямых до издевательства датчиков. Бросить все. И вернуться обратно в теплый, мягко освещенный салон, крича: «Я не смог! Я говорил же, что не смогу, а вы меня не слушали. Так много требовать от человека нельзя!..»

Из салона донесся жесткий голос Байарда:

— Замолчите и сядьте!

— Вы не имеете права мне приказывать!

— Я сказал: назад! На место!

— Постойте, доктор, — послышался простуженный голос мужчины из Ланкашира, прозванного Пейдодна.— Дайте я с ним поговорю. Ну, ты...

Спенсер на мгновение прикрыл веки, чтобы остановить пляшущее мерцание шкал приборов перед глазами. Он с горечью отметил про себя, что совершенно выдохся. Человек может всю свою жизнь провести в беспрестанном движении, всегда быть «на колесах», сохраняя полную уверенность, что такой образ жизни ему под силу благодаря его крепкой природе. Но наступает время настоящего испытания, требующего всех сил его организма. И он не выдерживает. Нет мучительней состояния, чем то, когда ты сознаешь, что дошел до предела, что все, дальше уже не можешь, что вот-вот покатишься назад, как старая машина на пригорке.

— Простите,— произнесла Джанет.

Продолжая сжимать штурвал, Спенсер бросил на нее удивленный взгляд.

— Что? — тупо переспросил он.

Девушка, неловко изогнувшись в кресле, развернu-

лась к нему лицом. От зеленоватого света приборов ее бледное лицо казалось полупрозрачным.

— Извините, что я так себя вела,— сказала она просто.— Это для вас ужасно, я понимаю. Но я... я ничего не могла поделать.

— Не знаю, о чем это вы,— сказал ей Спенсер довольно грубо. Он совершенно не знал, что надо было ответить. Из салона до него доходили звуки рыданий какой-то женщины, и от этого становилось еще более неловко.

— Надо поскорее загнать нашу лошадку обратно наверх,— сказал он.— Но боюсь сделать это слишком резко, а то мы снова можем сбиться с курса.

Сквозь нарастающий гул моторов послышался голос Байарда:

— Что там у вас происходит? Все в порядке?

— Это я виновата,— сказала Джанет.

Она заметила, как Байарда вдруг качнуло от усталости и он оперся о косяк двери, чтобы не упасть.

— Нет, нет,— запротестовал Спенсер.— Если бы не она, мы бы уже разбились. Я просто не могу справиться с этой машиной. В этом все и дело.

— Чушь,— коротко отрезал Байард.

Тут она услышала крик какого-то мужчины:

— Надо связаться по радио!

Но тотчас его прервал властный голос доктора, обратившегося ко всем пассажирам:

— Выслушайте меня все внимательно. Паника — самая заразная из всех болезней и к тому же самая опасная.

Тут дверь резко захлопнулась, и остальные слова доктора уже не были слышны в кабине пилотов.

Джанет включила микрофон и вызвала Ванкувер. Впервые не последовало никакого ответа. Она вызвала снова. Молчание.

Спенсер почувствовал знакомый приступ страха. Он заставил себя пересилить его.

— Что случилось? — спросил он стюардессу.— Ты уверена, что включила эфир?

— Да. Все правильно.

— Подуй в микрофон. Если он включен, то ты услышишь себя.

Она так и сделала.

— Да, я слышу. Алло, Ванкувер, алло, алло, Ванкувер. Говорит 714-й. Вы меня слышите?

Молчание.

— Алло, Ванкувер. Говорит 714-й Пожалуйста, ответьте. Конец.

Все та же тишина.

— Дай я, — сказал Спенсер.

Он снял правую руку с рычага управления двигателями и нажал на кнопку своего микрофона.

— Алло, Ванкувер. Алло, Ванкувер. Говорит Спенсер. Срочно ответьте. Срочно ответьте.

Тишина в эфире стояла непроницаемая и плотная, как стена. Казалось, что они с Джанет отрезаны от всего мира.

— Сейчас я проверю, на какой мы частоте.— сказал Спенсер.— Но я уверен, что мы делаем все правильно.— Он попробовал вызвать снова, но безрезультатно.— Вызываю все станции. Мы терпим бедствие. Мы терпим бедствие. Говорит рейс 714. Кто-нибудь ответьте. Конец.

Эфир был абсолютно мертв.

— Все ясно. Мы сошли с нашей частоты.

— Как это могло произойти?

— О чем ты спрашиваешь? Тогда могло произойти все что угодно. Придется тебе пошарить по всей шкале.

— А не рискованно ли менять частоту?

— Насколько я понял, мы уже с нее сбились. А без радио для меня сейчас то же самое, что броситься со всеми вами вниз и сразу с этим покончить. Я ведь не знаю, где мы. А если бы даже знал, то никак не смог бы один посадить самолет.

Не снимая наушников, Джанет выскользнула из кресла и подошла к радиостанции. Она щелкнула ручкой настройки и начала ее медленно вращать. Раздался треск и гул эфира.

— Оказывается, мы были совершенно на другой частоте.

— Не торопись! — остановил движение ее руки Спенсер.— Здесь должно быть что-нибудь. А уж если нет, то тогда будем запрашивать на каждом диапазоне по очереди.

И тут вдруг возник далекий слабый голос.

— Что это?! — воскликнул Спенсер.

Джанет начала настраиваться на появившиеся звуки.

— Прибавь громкость.

— ...на 128,3,— произнес неожиданно близко возникший голос.— Диспетчерская Ванкувера вызывает рейс 714. Переключите на частоту 128,3. Ответьте. Конец.

— Держитесь этой частоты,— сказал Спенсер.— Какая-то счастливая звезда навела нас на нее.

Джанет забралась обратно в кресло и тотчас начала передачу.

— Алло, Ванкувер. Вы меня слышите? Говорит 714-й. Слышу вас хорошо. Конец.

Моментально, без всякой ощутимой паузы, раздался в ответ голос радиста. В нем чувствовались радость и облегчение.

— 714-й. Говорит Ванкувер. Мы вас потеряли. Что случилось?

— Ванкувер! Как мы рады вас слышать! — откликнулась Джанет, нервно проведя рукой по лбу.— У нас тут произошла неприятность. Самолет начал входить в штопор, и радиостанция сбилась с настройки. Но сейчас все в порядке. За исключением пассажиров. Они это восприняли не очень хорошо. Но теперь мы снова набираем высоту. Конец.

На этот раз в ответ заговорил Трелливен прежним спокойным и уверенным тоном, в котором теперь, правда, чувствовалась огромная усталость:

— Алло, Джанет. Я рад, что вы сообразили насчет частоты. Джордж, я ведь предупреждал вас, что вы можете потерять скорость. Вы должны следить за ней все время. Правда, одно хорошо: теперь ясно, что, если вы смогли вывести самолет из штопора, то, значит, у вас еще сохранились навыки пилота.

— Ну, что ты скажешь, Джанет? — спросил, не веря своим ушам, Спенсер. И они неуверенно улыбнулись друг другу.

Трелливен продолжал:

— Вы, наверное, все еще не пришли в себя, поэтому сейчас лучше заняться чем-нибудь полегче. Так что, пока самолет набирает высоту, снимите показания некоторых приборов. Начинаем с запаса горючего.

Картина, открывшаяся за дверью в пассажирский салон, представляла собой скорее полевой госпиталь, нежели салон рейсового самолета. То там, то здесь виднелись полностью откинутые кресла, в которых распростерлись больные пассажиры, укутанные в одеяла. Несколько человек лежали почти без движения, едва заметно дыша. Других скручивала страшная боль, и они стонали под испуганными взглядами друзей или родственников, которые только и могли что менять мокрые тряпки на лбу этих страдальцев.

Склонившись над креслом пассажира, которого он только что утихомирил, Пейдодна наставительно говорил: — Я не виню вас. Иногда становится полегче, когда немного разрядишься. Но не годится кричать во все горло в присутствии других пассажиров, у которых тоже есть нервы, в особенности при дамах. Наш док — настоящий молодчина, как и те двое в кабине пилотов. Что бы там ни было, но мы должны доверять им, если хотим все-таки снова увидеть землю.

Подавленный поучениями англичанина, пассажир уставился с каменным выражением на свое отражение в стекле иллюминатора. Шустрый, маленький ланкаширец, покончив с этим детиной, подошел, улыбаясь, к доктору, который с благодарностью похлопал его по плечу.

— Вы просто волшебник! — сказал Байард.

— Нет. Дело в том, что я боюсь еще больше, чем он. Черт, если бы вас не было с нами, доктор...— Он выразительно дернул плечами.— Как, по-вашему, обстоят дела сейчас? — продолжал он более тихим голосом.

— Я не знаю,— ответил Байард. На лице его еще больше стало заметно, до чего он измотан.— У них там что-то не получилось. Но это и не удивительно. Мне кажется, у Спенсера слишком большая нервная нагрузка. Ведь на нем лежит основная ответственность.

— Сколько это еще все продлится?

— Не имею представления. Я потерял всякое ощущение времени. Но, если мы не сбились с курса, то осталось не так много. Впрочем, для меня это тянется бесконечно.

Пейдодна спросил доктора как можно более безразлично:

— А как вы полагаете, доктор, у нас есть какие-нибудь шансы?

Байард отмахнулся с усталым выражением.

— Почему вы спрашиваете меня об этом? Шанс есть всегда. Но вести самолет в воздухе и посадить его в целости и сохранности — два совершенно разных дела при тех обстоятельствах, в которых мы оказались. Я думаю, что это должно быть ясно абсолютно всем.

Он присел на корточки возле миссис Чилдер, нашел под одеялом ее руку, чтобы проверить пульс, и внимательно посмотрел на ее сведенное страданием лицо. Дышала она часто и неглубоко. Ее муж спросил Байарда хрипло:

— Доктор, неужели мы ничего не можем для нее сделать?

Байард приподнял веки женщины и затем медленно проговорил:

— Я вам должен сказать правду, мистер Чилдер. Вы разумный человек, и я не буду ничего от вас скрывать. Самолет летит с предельной скоростью. Но даже при самом скорейшем прибытии жизнь вашей жены останется на волоске. Будет лучше, если вы к этому себя подготовите.

Чилдер нашел в себе силы, чтобы ответить:

— Я вовсе не хотел заставить вас оправдываться. Что бы ни было, я вам благодарен, доктор.

— Ну, конечно,— вмешался ланкаширец.— И мы все тоже. Никто не смог бы сделать больше, чем вы. Правда, вы молодчина, доктор.

Байард вяло улыбнулся, положив руку на лоб больной.

— Ваши добрые слова не изменят положения вещей,— проговорил он сурово.— Вы сильный человек, мистер Чилдер, и я испытываю к вам большое уважение. Но не позволяйте себе обманываться.

В этот момент в диспетчерской Ванкувера Гарри Бёрдек восполнял нехватку воды в своем организме очередным стаканчиком кофе. У Трелливена, кроме микрофона, который он держал в руке, теперь был еще головной радиотелефон, куда он говорил:

— Радиолокаторная? У вас есть какие-нибудь новости?

В другом конце здания диспетчер обзорного радиолокатора, сидя перед большим экраном вместе со своим помощником, отвечал обычным спокойным тоном:

— Пока еще нет.

— Ничего не понимаю,— обратился Трелливен к диспетчеру.— Они уже должны были войти в зону.

Тут вмешался Бёрдек:

— Не забудьте, они же потеряли скорость во время последней пробы.

— Да, верно,— согласился Трелливен.

В радиотелефон он продолжил:

— Радиолокаторная, дайте мне немедленно знать, как только что-нибудь получите.— И обратившись к руководителю полетов: — Я не решусь, не зная, где он, направить его на посадку при такой облачности. По-

просите ВВС еще об одной радиолокационной проводке... Хорошо, мистер Гримзелл?

Затем он кивнул радисту:

— Дайте мне выход в эфир. Алло, 714-й. Теперь, Джордж, слушайте меня внимательно. Мы еще раз все повторим. Но прежде, чем начнем, я хочу объяснить вам некоторые вещи, которые вы могли забыть, или же просто они имеют отношение только к большим самолетам. Вы слышите меня?

— Можете продолжать, Ванкувер. Мы внимательно слушаем вас.

— Хорошо, 714-й. Перед тем как идти на посадку, надо кое-что проверить и отрегулировать. Это необходимо проделать в дополнение к тому, чем мы уже с вами занимались. Позже я вам скажу, когда и как вы это будете делать. Сейчас я просто все перечислю. Прежде всего вы должны включить гидросистему. Затем проверьте: давление в тормозах должно быть около 1000 фунтов на квадратный дюйм. Может быть, вы что-нибудь помните из этого по вашим полетам на истребителях, но повторение не повредит. Дальше, когда шасси будут выпущены, вы включите топливные насосы и удостоверитесь, достаточно ли давление топлива. Подготовьте систему флюгирования винтов. Все поняли? Мы будем проделывать все это постепенно, когда вы пойдете на посадку, так что Джанет сможет вам помочь. Теперь я расскажу вам, где какой регулятор находится. Начинаем...

Джанет и Спенсер нашли каждый из регуляторов, как им было указано.

— Скажи ему, Джанет, что теперь мы их знаем назубок.

— Алло, Ванкувер. С этим теперь все в порядке.

— Хорошо, 714-й. Вы имеете в виду расположение приборов, верно, Джанет? Значит, вам все ясно?

Спенсер решительно взялся за дело, следуя указаниям Трелливена с предельной точностью. Джанет неотрывно следила за скоростью, выпускала закрылки и шасси. Они опять ощутили резкий толчок, когда самолет внезапно стал терять скорость.

На востоке появились первые проблески рассвета.

В диспетчерской Трелливен воспользовался паузой, чтобы выпить немного остывшего кофе. Он взял предложенную Бёрдеком сигарету и, затянувшись, с шумным выдохом выпустил дым.

Было видно, что он очень устал.

— Как, по-вашему, обстоят дела? — допытывался Бёрдек.

— Все идет, как и должно идти,— ответил Трелливен.— Но времени у нас в обрез. Нужно было бы раз десять потренироваться с одними этими закрылками и шасси. Если повезет, мы сможем повторить раза три прежде, чем он окажется над нашими головами. Конечно, в том случае, если они не сбились с курса.

— Вы ведь хотели с ним попробовать заходы на посадку,— вставил руководитель полетов.

— Да, это просто необходимо. Если мы не проделаем это раза три, я ничем не поручусь, что все обойдется благополучно. Нужно проверить, как он с этим может справиться. Иначе...

Трелливен приостановился. Бёрдек кинул сигарету на пол и наступил на нее.

— Что иначе? — быстро переспросил он.

Трелливена будто прорвало:

— Надо прямо смотреть в лицо фактам. Этот человек наверху напуган до смерти. И не без основания. А если у него сдадут нервы, то для них лучше всего упасть в море.

— А удар о воду!..— воскликнул Бёрдек.— И потом там ведь больные. А самолет?.. Нет, это равносильно полной катастрофе.

— Это наименьшее зло,— отрезал Трелливен ледяным тоном, глядя прямо в глаза пыхтевшему от волнения агенту авиакомпании.— Если наш приятель разнесет самолет на куски на летном поле, то вам все равно придется распрощаться со своей машиной. К тому же, если он разобьется здесь, в аэропорту, то неизбежен пожар, и тогда вряд ли нам удастся спасти хоть кого-нибудь. Он может даже повредить и наземные сооружения. А если он сядет в море, то, конечно, с самолетом можете распрощаться, но зато у нас будут хоть какие-то шансы спасти пассажиров.

— Свяжитесь с военно-морским управлением,— приказал руководитель полетов своему помощнику.— И с ВВС тоже. Спасательный десант уже предупрежден. Пусть они выходят в море и ждут распоряжений по радио.

— Конечно, не хотелось бы, чтобы этим кончилось,— сказал Трелливен, поворачиваясь к карте.— Но, может

быть, нам удастся их вытащить до того, как самолет уйдет под воду.

Затем он произнес в радиотелефон:

— Радарная, у вас есть что-нибудь?

— Пока ничего,— раздался спокойный, безучастный ответ.— Хотя подождите! Кажется, что-то появляется. Да, капитан! Я его вижу. Он отклонился на 10 миль к югу от курса. Задайте ему курс 265.

— Прекрасно,— сказал Трелливен.

Он кивнул, чтобы ему дали выход в эфир. В это время к нему обратился оператор связи:

— Из ВВС сообщили, что самолет уже виден. Расчетное время прибытия через 38 минут.

— Хорошо,— ответил Трелливен и, взяв микрофон, начал говорить: — Алло. 714-й. Вы уже убрали закрылки и шасси?

— Да, Ванкувер,— откликнулся голос Джанет.

— У вас были на этот раз осложнения? Самолет идет в горизонтальном полете?

— Все в порядке, Ванкувер. Правда, пилот добавляет: пока.

И все услышали нервный смешок девушки.

— Вот и прекрасно, 714-й. Мы вас уже нашли локатором. Вы сбились с курса на 10 миль к югу. Теперь нужно осторожно взять вправо, отрегулируйте при этом работу двигателей, чтобы не потерять скорость. Нужно лечь на курс 265. Повторяю — 265. Понятно?

— Ясно, Ванкувер.

— Я начинаю приводить все в готовность,— сказал руководитель полетов и позвал своего помощника: — Предупреди на башне. Пусть они поднимут пожарных.— Затем, обратившись к оператору наземной связи, попросил: — Соедините меня с городской полицией.

— А меня потом с Говардом в пресс-центре,— добавил Бёрдек. Трелливену он пояснил: — Мы лучше сами им скажем, что самолет может упасть в воду, прежде чем они начнут придумывать какие-нибудь концовки. Боже! Нет, нельзя! — Он вдруг что-то сообразил.— Если мы допустим возможность падения в воду, это будет значить, что мы сбрасываем со счета больных пассажиров. Нет, мне лучше покончить с собой!

Но Трелливен не успел дослушать Бёрдека: заработал громкоговоритель. При первых же его звуках он моментально взял микрофон.

— Алло, Ванкувер,— позвал голос Джанет.— Мы взяли курс 265, как вы сказали.

— 714-й, все хорошо! — произнес Трелливен с напускной легкостью. — Вы просто молодцы! Давайте проделаем все еще раз. Ладно? Напоследок перед тем, как вы окажетесь над аэродромом. Джордж, поэтому постарайся уж все сделать наилучшим образом.

Руководитель полетов тихо, но настойчиво говорил в телефон:

— Да, они будут здесь примерно через полчаса. К этому времени надо все подготовить.

ГЛАВА X

Спенсер попробовал распрямить затекшие ноги. Все тело ныло, как побитое. Слишком много сил ушло на ненужные волнения и усилия. Теперь, когда он расслабился, ему казалось, что он выжат до последней капли. Руки его дрожали, но он не делал ни малейшего усилия, чтобы унять дрожь. Он перевел взгляд на приборы с их находящимися в беспрестанном движении стрелками, и у него перед глазами поплыли круги, то вспыхивающие, то вновь затухающие.

Он взглянул на Джанет, силясь заговорить.

— Ну, как прошло на этот раз? — наконец выдавил он из себя. Ему казалось, что он вот-вот свалится на пол. Джанет, видимо, почувствовала, зачем ему нужен был этот вопрос.

— Очень хорошо,— радостно ответила она.— Во всяком случае, мне показалось, что у Трелливена был довольный голос, верно?

— Я почти не слышал его,— сказал Спенсер, поводя головой в разные стороны, чтобы размять шейные мышцы.— Но надеюсь, что уже хватит. Сколько раз мы проделали выпуск шасси и закрылков? Три? Если он скажет, что надо еще раз, я...

«Спокойней,— остановил он себя.— Не надо, чтобы она видела, в каком ты состоянии. Подумай о Трелливене, каково ему. Он, конечно, в безопасности, на земле, но представь, если он увидит, что забыл что-то...»

— Вы заметили, солнце уже появилось, — сказала Джанет.

— А как же! — соврал Спенсер, поднимая глаза.

Даже к западу весь облачный покров был тронут розоватым отблеском зари. А над ним, светлея, высился небесный свод.

— Ну, теперь осталось недолго,— проговорил Спенсер.

В этот момент в наушниках снова раздался голос с земли:

— Алло, 714-й. Говорит Ванкувер. Вы меня слышите?

— 714-й слушает,— ответила Джанет в микрофон.

— Алло, 714-й,— откликнулся ясный, уверенный голос Трелливена.— Раз вы уже передохнули после последней разминки, давайте поспешим дальше. Вы меня хорошо слышите? Проверьте. Пожалуйста. Конец.

— Передай ему, что я еле отдышался,— сказал Спенсер.— И еще скажи ему, что слышно почти совсем чисто.

Джанет передала:

— Слышимость хорошая. Но отдых был слишком коротким.

— Держись, Джордж. Наша тренировка немного понизила скорость самолета, но это ничего, даже к лучшему. К тому времени, как вы долетите, совсем рассветет. Готовьтесь к снижению. Но сначала я бы хотел поговорить с Джанет. Вы меня слышите, Джанет?

— Алло, Ванкувер. Да, я слышу вас.

— Джанет, когда мы начнем посадку, необходимо, чтобы вы приняли меры по обеспечению безопасности пассажиров на случай аварии. Вы поняли меня?

И еще, Джанет. Прямо перед посадкой мы попросим пилота включить сигнал тревоги. Джордж, кнопка сигнала находится справа от сиденья второго пилота и окрашена в красный.

— Ты ее видишь? — спросил, не глядя, Спенсер.

— Да,— ответила Джанет.

— Хорошо. Запомни ее.

— Джанет,— продолжал Трелливен,— это последнее, что ты сделаешь перед посадкой, потому что нужно, чтобы ты вернулась назад к пассажирам.

— Нет, передай ему, нет! — отрезал Спенсер. — Ты мне нужна здесь.

— Алло, Ванкувер,— сказала Джанет.— Я поняла ваши распоряжения, но я нужна пилоту здесь.

Наступила долгая пауза.

— Хорошо, 714-й. Я понимаю ваше положение. Но, прежде чем мы начнем заход на посадку, вы обязаны проследить, чтобы все меры на случай аварии были при-

няты. Есть кто-нибудь, кому вы могли бы все объяснить и предоставить действовать самостоятельно?

— А как насчет доктора? — предложил Спенсер.

Джанет покачала головой.

— У него и так полно дел.

— Ну, будет еще немного,— резко проговорил Спенсер.— Если мы располагаем хоть каким-то шансом сесть на землю, то ты мне понадобишься здесь.

Джанет поколебалась, затем включила передачу.

— Алло, Ванкувер. Доктор Байард в любом случае должен все время находиться с больными пассажирами. Поэтому я думаю, что он как раз тот человек, который сможет их подготовить к посадке. Кроме того, есть еще один человек ему в помощь. Конец.

— Да, Джанет, прекрасно. Сейчас прерви со мной связь и объясни доктору все, что нужно. Ни в коем случае не должно быть хоть какого-то промаха.

Джанет сняла наушники и вылезла из кресла.

В диспетчерской Ванкувера Трелливен вынул изо рта потухшую сигарету и отбросил ее прочь. Он посмотрел на электрические настенные часы, затем на руководителя полетов.

— Сколько у них горючего? — спросил он.

Гримзелл посмотрел в бумаги на столе.

— Если считать по времени полета — еще приблизительно на 90 минут,— сказал он.

— Как же так? — спросил Бёрдек.— И вы рассчитываете, что у вас хватит времени на несколько пробных заходов?

— Да, должно хватить,— сказал Трелливен.— Впервые такой самолет ведет один человек: редкостное соло. Следите за ним как можно тщательней, мистер Гримзелл. Нам необходимо иметь в запасе время, чтобы посадить самолет в море, если я решусь на это, как на крайнюю меру.

— Мистер Бёрдек,— позвал его оператор,— ваш президент на проводе.

— Ну, конечно, именно сейчас он должен был появиться! Скажи ему, что я не могу говорить с ним сейчас. Переключи его на нашу контору. Нет, постой. Соедини с ней сначала меня.— Он поднял трубку и принялся нетерпеливо ждать.— Это ты, Дейв? Говорит Гарри. Сюрприз для тебя — старик на проводе. Продержи его как можно дольше. Скажи ему, что 714-й уже вошел в режим снижения, а его молитвы ничем не лучше на-

ших. Я позвоню ему сразу же... сразу же, как у меня будет, что сказать. Хотя я думаю, он сам сюда скоро примчится. Ну все, дружище!

Прикрыв рукой телефонную трубку, помощник обратился к руководителю полетов.

— Это Говард. Он говорит, что пресса...

— Дай мне его.— Руководитель полетов схватил телефон.— Послушай, Клиф. Мы больше не отвечаем на посторонние звонки. Дела приняли критический оборот... Да, я знаю. Если у них есть глаза, они все сами увидят.

Он со стуком опустил трубку на рычаг.

— Надо сказать, что этот парень прекрасно справляется,— пробормотал Бёрдек.

— Да,— согласился руководитель полетов.— А эти газетчики, чтобы справиться со своей задачей, в свою очередь, не могут не беспокоить нас. Вот так и получается. Но мы не должны отвлекаться.

Трелливен стоял у радиостанции, безотчетно постукивая по краю панели пальцами. Его глаза были прикованы к настенным часам.

— Алло, Ванкувер,— вызвала Джанет.— Я уже отдала все необходимые распоряжения.

— Молодчина,— откликнулся облегченно Трелливен.— Ну, Джордж,— поспешно продолжил он,— время, к сожалению, работает против нас. Надо поторапливаться. Во-первых, установите высотомер на 30,1. Затем сбавьте немного газ, но до тех пор, пока не начнете терять 500 футов высоты в минуту. Сохраняйте скорость постоянной. Тщательно следите за показаниями приборов. Вам предстоит довольно долго пробивать облачность.

Спенсер обхватил рычаги управления двигателями и потянул их назад. Стрелка на указателе вертикальной скорости снижения начала медленно двигаться, затем, вздрогнув, быстро переместилась на 600, но тут же вернулась к 500 и там застыла.

— Вот и облачность,— ответил Спенсер, когда проблески рассвета исчезли в сплошной мгле.— Спроси, на какой она высоте над землей.

Джанет передала его вопрос.

— Облачность расположена на высоте примерно в 2000 футов,— ответил Трелливен,— и вы выйдете из облачности приблизительно в 15 милях от аэропорта.

— Передай ему,— продолжил Спенсер,— что скорость снижения постоянна, 500 футов в минуту.

— Хорошо, 714-й. Теперь, Джордж, перейдем к более сложному заданию. Ни на что не отвлекайся. Постоянно следите за показаниями скорости по вариометру. Но одновременно надо, чтобы вы зафиксировали в памяти расположение и назначение приборов для совершения посадки. Сможете?

Спенсер лишь двинул губами, кивнув в знак согласия.

— Да, Ванкувер, — сказала Джанет.— Мы постараемся.

— Тогда порядок. Если что-то не будет получаться, тут же скажите мне.

— Джордж, заходя на посадку, ты должен сделать следующее. Во-первых, включи гидросистему. Но сейчас просто запоминай, делать ничего не надо. Манометр гидросистемы находится в левом конце приборной доски под тумблером включения автопилота. Нашел?

В ответ раздался голос Джанет:

— Да, пилот помнит это, и мы уже нашли включатель системы.

— Молодцы, 714-й. Удивительно, как быстро возвращаются старые навыки, верно, Джордж?

Трелливен вынул платок и вытер им затылок.

— Затем вы должны будете выключить противообледенительную систему. Сейчас она включена. Прямо перед вами находится ее указатель. Рядом расположен регулятор расхода. Перед посадкой проверьте, отключили ли вы его. Теперь насчет жалюзей. Они должны быть закрыты на одну треть. Регулятор находится у левого колена Джанет. Там три деления. Вы успеваете за мной?

— Да. Я вас поняла, Ванкувер.

— Ты отрегулируешь их сама, хорошо, Джанет? Рядом, на той же линии, находятся включатели радиаторов левого и правого борта. Они должны быть открыты до конца. Затем самое важное: посадочная конфигурация. Мы уже практиковались, но мысленно пройди все это еще раз, начиная с закрылков и кончая выпуском шасси. Когда самолет уже совсем пойдет на посадку, закрылки следует выпустить полностью. Я скажу вам, когда точно. Вам обоим все понятно?

— Передай, что все. Спасибо,— сказал Спенсер.

— Когда начнется посадка и шасси будет выпущено, нужно включить подкачивающие топливные насосы, иначе может случиться так, что в самый ответственный мо-

мент поступление горючего окажется недостаточным. Тумблер включения насосов находится справа под углом от автопилота, как раз позади регулятора топливной смеси.

Джанет растерянно обвела панель взглядом.

— Где? — прошептала она Спенсеру. Тот внимательно осмотрел пульт.

— Вот! — Он ткнул пальцем в маленький включатель над блоком с регуляторами двигателей.

— Теперь — смесь. Ее надо поставить на автоматическое обогащение. Джордж, помнится, беспокоился насчет нее, и он, вероятно, знает, что нужно делать. После этого вы должны подготовить систему флюгирования винтов. Не отпускайте включатели, пока не зажгутся зеленые лампочки под каждым из них. Включатели ты увидишь, Джордж, прямо около своего правого колена. Нашел?

— Пилот говорит, что нашел.

— И, наконец, компрессоры. После того, как будут опущены шасси, они должны быть поставлены на стартовое положение. Четыре их регулятора находятся налево от регуляторов работы двигателей. Ну, вот. Есть вопросы?

— Это все для меня один большой вопрос,— сказал Спенсер.— Никогда нам всего этого не запомнить.

— Алло, Ванкувер,— отозвалась Джанет.— Нам кажется, что мы не сможем все сразу запомнить.

— Спроси его, сколько у нас осталось времени,— сказал Спенсер.

Джанет передала вопрос.

— Я уже говорил, Джордж, что временем ты не ограничен. Только не надо его тратить попусту. Скорей всего, вы будете над аэродромом минут через двенадцать. Но пусть это вас не тревожит. Сколько понадобится практиковаться, столько вы и будете.— Через паузу он добавил: — Диспетчер радиолокатора докладывает, что вам нужно подправить курс. Пожалуйста, подверни на 5° к 260. Конец.

Трелливен выключил микрофон и обратился к дежурному:

— Как только они окажутся в пределах видимости, мы их скорректируем и проделаем несколько пробных заходов на посадку. Посмотрим, как они справятся.

— У нас уже все подготовлено,— сказал руководи-

тель полетов и приказал помощнику.— Передай по всему аэродрому, пусть будут начеку.

— Алло, Ванкувер,— раздался голос Джанет из усилителя.— Мы взяли курс 260.

— О'кей,— сказал Трелливен, подтянув одной рукой пояс брюк.— Проверьте теперь высоту, пожалуйста.

Через несколько секунд Джанет ответила:

— Мы на высоте 2500 футов.

В наушниках Трелливена раздался голос оператора радарной: 15 миль до аэродрома.

— Все прекрасно, Джордж,— сказал Трелливен.— Вы в 15 милях от аэропорта. Вы не вышли еще из облачности?

Последовала долгая пауза. И вдруг среди треска послышался на полуфразе голос Джанет: «...медленно подымаясь. Мне показалось, я что-то вижу... Я не уверена... Нет, все правильно, я вижу его. Вы видите, мистер Спенсер? Прямо перед нами. Мы видим маяк, Ванкувер».

— Они выбрались! — вскричал Трелливен.— Хорошо, Джордж,— обратился он в микрофон.— Мы сейчас перейдем на вышку, поэтому несколько минут связи не будет. Насчет посадочной полосы решим в последний момент, поэтому в любом случае вы будете приземляться против ветра. Но перед этим ты проделаешь несколько пробных заходов, чтобы попрактиковаться перед посадкой.

Через усилитель до них донеслись слова Спенсера:

— Я возьму это на себя, Джанет.— Затем последовал неразборчивый обрывок разговора, после чего в эфире снова раздался голос Спенсера, отчеканивающий каждое слово: — Нет, так не пойдет. Ситуация здесь, наверху, не позволяет. Мы идем на посадку сразу же.

— Что! — вскричал Бёрдек.— Это невозможно.

— Не будь дураком,— веско проговорил Трелливен.— Ты должен сделать несколько тренировочных заходов.

— Нет, будет так, как я сказал, — упрямо отозвался Спенсер. Его голос слегка дрожал.— Здесь умирают люди. Умирают! Вы можете понять это? А у меня столько же шансов на успех при первом заходе, сколько и при десятом. Так что я пойду сразу же.

— Ладно, Джордж,— произнес Трелливен в микрофон.— Пусть будет так, как ты требуешь. Ну, удачи! Следите за связью.

Трелливен стянул с головы радиотелефон, отложил его в сторону и обратился к остальным:

— Пошли!

Трое мужчин поспешным шагом вышли из диспетчерской и устремились вниз по коридору. Бёрдек еле поспевал за всеми. Не дожидаясь лифта, они стремглав спустились по лестнице, чуть не сбив с ног служащего, и, не сбавляя шага, добрались до командно-диспетчерской вышки.

Оператор стоял у громадного застекленного пространства окна, всматриваясь через ночной бинокль в светлеющее небо.

— Вот он! Трелливен схватил другой бинокль и быстро посмотрел в указанном направлении.

— Прекрасно,— слегка срывающимся голосом проговорил он.— Теперь пора решить насчет посадочной полосы.

— Лучше всего 08,— сказал дежурный диспетчер.— Она самая длинная, и, кроме того, самолет окажется как раз против ветра.

— Диспетчер радиолокатора,— позвал командир.— Прошу вас!

— Да, сэр!

Трелливен направился к боковому столу, где под стеклом находился план аэропорта. Фломастером он стал прокладывать предполагаемый курс самолета.

— Сейчас он находится примерно вот тут. Мы его направим так, чтобы он сделал левый заход и одновременно приступил к снижению на 1000 футов. В это время я начну подготовительную проверку перед посадкой. Затем мы его проведем над морем, и тут плавный разворот назад к аэропорту. Ясно?

— Да, капитан,— ответил оператор.

Трелливен взял радиотелефон и надел его.

— Он подключен к радарной? — спросил он.

— Да, капитан.

Дежурный диспетчер объявил в микрофон:

— Командно-диспетчерский пункт ко всему транспорту, вызванному по тревоге. Посадочная полоса 2—4, 2—4. Бензозаправщики должны занять позицию 1 и 2. Вспомогательный транспорт — позицию 3. Все машины скорой помощи — на позиции 4 и 5. Ни одна машина не должна покидать своего места до тех пор, пока самолет не пройдет мимо. Теперь приступайте.

Потянувшись через весь диспетчерский пульт, Трел-

ливен включил настольный микрофон. Около его локтя залоктя завертелись кассеты магнитофона.

— Алло, Джордж Спенсер,— проговорил он твердым, спокойным голосом.— Говорит Поль Трелливен из диспетчерской вышки Ванкувера. Вы меня слышите?

Голос Джанет заполнил комнату:

— Да, капитан. Слышимость четкая и ясная.

В наушниках раздался ровный голос оператора радарной:

— 10 миль. Выходите на курс 253.

— Прекрасно, Джордж. Вы теперь в 10 милях от аэродрома. Возьмите курс 253. Уменьшайте газ и начинайте снижаться на 1000 футов. Джанет, сделай пассажирам объявление о начале снижения. В дальнейшем не давайте подтверждений. Переходите на передачу, только если у вас есть вопросы.

Отнимая поочередно то одну, то другую руку от штурвала, Спенсер разминал затекшие пальцы. Он выдавил из себя слабую улыбку и кивнул Джанет:

— Ну, давай займись своим непосредственным делом.

Она взяла микрофон, висевший на стене кабины, и нажала на кнопку:

— Внимание, пожалуйста! Внимание! — Ее голос вдруг сел, но она только крепче сжала микрофон и откашлялась.— Пожалуйста, займите свои места и пристегните ремни. Через несколько минут мы идем на посадку. Спасибо.

— Молодчина! — похвалил ее Спенсер.— Ты говорила так уверенно, будто ничего не случилось, обыкновенная посадка.

Она попыталась улыбнуться.

— Не совсем так.

— Ты же все прекрасно понимаешь, — хмуро проговорил Спенсер.— Я бы хотел, чтобы ты также поняла, что я не стал бы настаивать на немедленной посадке, если бы... У нас нет больше времени. Но я должен быть совершенно уверен, что ты понимаешь, почему я хочу... так или иначе... посадить самолет с первого же захода.

— Да,— сказала она просто.— Я понимаю.— Она пристегнула ремень и положила стиснутые руки на колени.

Скользя под корпусом самолета, поблескивали далекие огни аэродрома. Они были страшно малы и недостижимы,— похожие на красные и янтарные бусины, случайно рассыпанные каким-то ребенком.

Спенсер почти слышал учащенное биение своего сердца. Казалось, будто весь его организм совершал свои особые приготовления, каким-то образом предугадывая опасность складывающейся ситуации, в которой вся жизнь будет зависеть от минуты или даже секунды.

И вот он слышит свой собственный голос:

— Ну, приступим. Пора, Джанет. Я начинаю снижение. Все... начал...

ГЛАВА XI

Стоя на балконе, опоясывающем башню командно-диспетчерского пункта, Гарри Бёрдек опустил бинокль и отдал его назад дежурному. Пытаясь обнаружить хоть какой-нибудь просчет в плане Трелливена, он еще раз мысленно его проверил. Самолет пролетит над Ванкувером на высоте ниже двух тысяч футов, постепенно снижаясь на этом длинном подветренном отрезке пути. В это время со Спенсером будет проведена последняя тренировка перед посадкой. Затем последует широкий разворот в сторону аэродрома, это даст пилоту достаточно времени, чтобы отработать скорость снижения и приготовиться к заходу на посадку.

Неплохой замысел, который еще больше выигрывает оттого, что все будет происходить при нарастающем свете утра. Но тут Бёрдек вдруг подумал о том, как будут воспринимать происходящее те пассажиры, у которых еще есть силы на волнение. Они увидят, что остров Си-Айленд и сам аэропорт останутся позади и самолет окажется над широкой полосой залива. А в это время их пилот будет завершать последние приготовления. Бёрдек вдруг почувствовал себя так, как если бы он сам находился вместе с пассажирами в самолете. Его внезапно сковало удушающее напряжение, приходящее вместе с ощущением опасности. Он весь содрогнулся. Проникший сквозь мокрую рубашку холодный утренний воздух полоснул его по коже, как острие ножа.

Казалось, мир вокруг затаил дыхание. Время приостановилось, но ненадолго.

— Легли на курс 253,— донесся из усилителя женский голос.— Мы быстро идем на снижение.

— Ветер не изменился? — спросил Трелливен.

— На лучшее мы и не можем рассчитывать: дует под небольшим углом к полосе 08.

Это была самая длинная взлетно-посадочная полоса аэродрома.

— Радиолокаторная,— произнес Трелливен в микрофон,— все время давайте мне знать, слышите ли вы меня в эфире или нет. Нам предстоит не совсем обычная посадка по радио. И если вы заметите, что 714-му грозит какая-то опасность, тут же прервите нас и сообщите.

Бёрдек тронул Трелливена за плечо.

— Капитан, а что, если сделать еще один заход, чтобы продержать их в воздухе, пока совсем не рассветет и у него не будет...

— Все уже решено,— отрезал Трелливен.— У этого парня и так нервы на пределе.

Бёрдек пожал плечами и отошел. Трелливен продолжил ему вслед уже более спокойным тоном:

— Я понимаю ваше состояние, Гарри. Но поймите и его тоже, каково ему среди всего этого нагромождения приборов и рычагов. Он ведь чувствует себя как на острие бритвы.

— А вдруг он неудачно зайдет на посадку? — вмешался в разговор Гримзелл.— Как тогда быть?

— Скорее всего так и случится, не буду этого отрицать,— мрачно ответил Трелливен.— Если дело окажется безнадежным, я постараюсь его убедить в необходимости иного пути.

Подобно гигантской тяжелой птице, самолет «Импресс», спрятанный в ранней утренней дымке, медленно пролетел над западной частью ипподрома Лэндслаун и затем над рекой Фрейзер. Справа уже начали проступать очертания моста, соединявшего большую землю с Си-Айленд.

— Ну, а теперь, Джордж,— сказал Трелливен в микрофон,— поставь регулятор смеси на положение «взлет», то есть в самую верхнюю точку.

Переведя взгляд на свои ручные часы, он стал следить за движением минутной стрелки.

— Когда будешь готов, Джордж, переместри рукоятку регулятора нагревателя на холод. Она находится перед рычагами управления двигателями.

— Как у него с горючим? — хрипло спросил Бёрдек.

— Мы уже проверяли,— ответил Гримзелл.— Он сейчас летит на основном крыльевом баке.

В это время Спенсер внимательно проверял показания прибора за прибором. Его лицо было напряженно и сосредоточенно. До него доходили последние наставления Трелливена:

— Следующее, что ты должен сделать, это переключить воздухоочиститель, а компрессоры поставить на низкий режим работы. Ну, давай.

Спенсер недоуменно обвел глазами пульт.

— Регулятор воздухоочистителя расположен под регулятором смеси. Передвинь его в верхнее положение.

— Ты его видишь, Джанет? — встревоженно спросил Спенсер.

— Да, да, вижу,— откликнулась она.— Посмотрите! Прямо под нами аэродром. Видите главную посадочную полосу, самую длинную?

— Надеюсь, она будет для нас достаточно длинной,— процедил сквозь зубы Спенсер, не поднимая головы.

Трелливен продолжал с земли:

— Компрессоры регулируются четырьмя рукоятками, расположенными справа от регулятора смеси. Поставьте их тоже в верхнее положение.

— Сделала? — спросил Спенсер.

— Да.

— Молодчина.

Не решаясь оторвать взгляд от пульта, Спенсер все же ощущал, как линия горизонта то уходила вниз, то вновь поднималась. Гул моторов стал неровен.

— Теперь выпусти закрылки на 15°,— инструктировал Трелливен.— Для этого переставь рукоятку на второе деление. Индикатор находится в центре приборной доски. Когда это проделаешь, плавно верни скорость на 140 узлов и снова приведи самолет в горизонтальный полет. Закончив с этим, включи гидросистему слева от автопилота.

Диспетчер радиолокатора прокричал Трелливену, стараясь, чтобы тот услышал его через наушники:

— Пусть теперь ляжет на курс 225. Я получил данные высоты полета. Высота колеблется от 900 до 1300 футов.

— Смените курс на 225,— проговорил Трелливен в микрофон.— И следите за высотой... Она слишком прыгает. Держи ее постоянной на 1000 футов.

— Он слишком быстро снижается,— сообщил оператор — 1000... 900... 800... 700...

— Следи за высотой,— предупреждающе произнес

Трелливен.— Дай больше газа! Подними нос вверх! Вы должны быть на 1000 футов.

— 550... 450...— продолжал оператор, покрываясь потом, но выдерживая спокойный тон.— Не очень хорошо, капитан. 400... 400... 450... Он поднимается. 500...

Трелливена на мгновение сломило. Он сорвал наушники и метнулся в сторону Бёрдека.

— Он не может вести его,— закричал он.— Это же очевидно!

— Не прерывайте связь,— захлебываясь, проговорил Бёрдек, бросаясь к капитану и хватая его за руку.— Ради бога, продолжайте. Говорите ему, что надо делать.

Трелливен схватил микрофон.

— Спенсер,— проговорил он раздельно.— Вы сейчас не сможете сразу пойти на посадку. Вам придется сделать еще несколько заходов и потренироваться. У вас горючего еще на два часа. Держись, старина! Держись!

Все напряженно ждали, что ответит Спенсер.

— Оставьте это горючее себе. Я иду на посадку. Вы слышите меня? Иду на посадку. В самолете находятся люди, которые могут вот-вот погибнуть, а вы говорите — два часа! Может быть, самолет и зарылся немного носом, но ничего, сейчас я его выправил. Так что давайте продолжать. Сейчас я буду выпускать шасси.

Все в диспетчерской услышали, как он произнес:

— Джанет, выпустить шасси!

— Хорошо, хорошо, Джордж,— тяжело проговорил Трелливен и снова натянул наушники. Он уже овладел собой, но одна щека продолжала еще нервно подергиваться.

Бёрдек подошел к огромному окну, всматриваясь в край неба низко над горизонтом. Он был обложен тяжелыми облаками, и пробивавшийся сквозь них рассвет был мрачен и тускл. Он услышал, как Трелливен объяснил, что нужно делать для разворота на 180° влево, чтобы вернуть самолет назад к аэродрому. Он наставлял Спенсера проделать это медленно и ровно, в то время как будет произведена последняя проверка. Чеканящий и монотонный голос Трелливена создавал невеселый фон для размышлений управляющего агентством «Мэпл Лиф».

— Да, нелегко все это, ох, как нелегко,— сказал он сидевшему поблизости диспетчеру. Тот скорчил ответную гримасу.— Одно может только утешить,— продолжал

Бёрдек.— Что бы ни случилось в эти две-три минуты, потом уже не будет такой нервотрепки.

Он похлопал по карманам брюк в поисках сигарет, но вспомнив, что их нет, вытер ладонью рот.

— Следи за оборотами двигателя,— говорил в микрофон Трелливен.— Тахометр должен показать 2250 оборотов в минуту.

— 2250,— повторил про себя Спенсер, передвигая рукоятку и внимательно следя за показателем.— Джанет,— позвал он,— зачитывай мне скорость полета.

— 130,— начала она монотонно,— 125... 120... 125... 130...

В диспетчерской башне Трелливен внимательно слушал раздававшийся в наушниках ровный голос из радиолокаторной:

— Высота все еще колеблется.

— Джордж,— сказал Трелливен в микрофон,— верни скорость к 120 узлам. Повторяю, скорость 120.— Он взглянул на ручные часы.— Проделай это мягко, без рывков.

— Продолжает терять высоту,— сообщил оператор радарной — 800 футов... 750... 700...

— Высота!— выкрикнул Трелливен.— Вы теряете высоту. Выравнивайтесь, выравнивайтесь! Вы должны держаться примерно 1000 футов.

— Давай... давай!— проскрежетал сквозь стиснутые зубы Спенсер, вытягивая изо всех сил штурвал.— Что за старая кляча! Она не слушается. Она совсем не слушается.

— 125... 130... 130... Скорость установилась на 130.

— Высота подбирается к 900 футам,— передал оператор.— Теперь 950... 1000 футов. Сохраняется на 1000 футов.

Трелливен обратился к диспетчеру на вышке:

— Дело идет к концу. Выключите все сигнальные огни на полосах, за исключением 08.— Затем он заговорил в микрофон:— Выходи на курс между 074 и 080. Следите за скоростью и высотой полета. Держитесь на высоте 1000 футов до тех пор, пока я вам не скажу.

Одна за другой погасли линии прожекторов, наполовину запрятанных в траву по бокам взлетно-посадочных полос. Только на полосе 08 они продолжали гореть, окаймляя самый длинный асфальтовый пробег аэродрома.

— Когда у тебя будет все готово, выходи из разво-

рота, — сказал Трелливен, — и выравнивайся на посадочную полосу, которую увидишь прямо впереди себя. Сейчас идет дождь, поэтому тебе надо включить стеклоочистители. Кнопка находится направо от места второго пилота. Она ясно помечена.

— Найди, Джанет,— попросил Спенсер.

— Минутку... Да, нашла.

Огни посадочной полосы, сверкающие бриллиантовыми головками в серо-голубой дымке рассвета, казались невероятно близкими. Спенсер оторвал руку от штурвала и потер глаза, слезившиеся от сильного напряжения.

— Скорректируй направление, — настаивал Трелливен.— Выравнивайся уверенно и плавно на той же высоте. Понял, Джордж? Теперь слушай очень внимательно. Рассчитай так, чтобы коснуться земли тогда, когда будешь над третью посадочной полосы. Там сейчас боковой ветер слева. Так что будь готов к этому и слегка подай руль вправо. Если приземляться будешь слишком быстро, используй аварийные тормоза. Включишь их, дернув за красную рукоятку прямо перед тобой. Если этого будет мало, нажми на все четыре включателя зажигания, которые находятся прямо у тебя над головой.

— Видишь их? — спросил Спенсер у стюардессы.

— Да.

— Если мне понадобится их отключить, надо будет сделать это очень быстро. Так что, как только я дам знак, не мешкай.

В горле у Спенсера было сухо и колко, будто он наглотался песка.

— Хорошо,— ответила Джанет шепотом. Он стиснул руки, чтобы унять в них дрожь.

— Во всяком случае, теперь уже недолго. Как насчет сигнала тревоги?

— Не беспокойтесь, я не забыла. Включу его перед самой посадкой.

— Следи за этой треклятой скоростью. Как она?

— 120... 115... 120...

— Начинайте снижение, — сказал оператор радарной.— 400 футов в минуту. Пусть проверят шасси и закрылки. Курс прежний.

— Теперь, Джордж, — продолжал Трелливен,— выпусти полностью закрылки. Снизь скорость до 115, выправи тангаж и начни снижаться до 400 футов в минуту. Закрылки выпусти полностью, скорость 115, снижение 400 футов в минуту. Курс прежний.

Затем он повернулся к Гримзеллу:

— На поле все в порядке?

Дежурный кивнул:

— Да, как никогда.

— Джанет, выпусти полностью закрылки, — приказал Спенсер. Она оттянула рукоятку до конца вниз.— Зачитывай скорость и высоту полета.

— 1000 футов... скорость 130... 800 футов, скорость 120... 700 футов, скорость 105. Снижаемся слишком быстро!

— Держи высоту! — закричал Трелливен.— Вы теряете ее слишком быстро.

Глаза разъедал пот. Спенсера почти лихорадило от напряжения. Никакие ухищрения не помогали, чтобы согласовать скорость самолета и стремительное приближение посадочной полосы. Каждую секунду она становилась все ближе и ближе. И Спенсер ощущал это с тошнотворным ужасом. Самолет мотало из стороны в сторону, гул двигателей то нарастал, то вновь стихал.

Бёрдек закричал на балконе вышки:

— Да посмотрите же! Он потерял управление!

Продолжая наблюдать через бинокль за приближающимся самолетом, Трелливен закричал в микрофон:

— Выравнивайся! Ты слишком быстро снижаешься. И ради бога, следи, чтобы самолет не свалился. Выравнивайся, говорю тебе.

— Он понял вас,— сказал Гримзелл.

— Вверх, еще немного вверх,— настойчиво выговаривал Трелливен.— Если еще не включили сигнал тревоги в салоне, сделайте это немедленно. У пассажиров должны быть сиденья подняты, головы вниз.

Как только раздался высокий и резкий вой сирены, Байард с предельной силой закричал:

— Все вниз! Держитесь как можно крепче!

Согнувшись в три погибели в своих креслах, Джо и Газель Гриэр, страстные болельщики футбола, с тихой и мягкой заботой обхватили друг друга руками. Неловкий в своих торопливых движениях Чилдер пытался притянуть к себе жену, затем поспешно сам перегнулся к ней в кресло, прижав ее безжизненное тело как можно плотнее к креслу. Откуда-то из середины салона доносились слова молитвы, искаженные несдержанными всхлипываниями молящегося, а из дальнего конца вдруг раздалось восклицание одного из четверки выпивох:

— Боже, помоги нам!

— Молчать! — рявкнул Пейдодна.— Берегите дыхание!

В башне Гримзелл говорил в микрофон:

— Всем пожарным и спасательным машинам оставаться на местах, пока самолет не остановится. Он может внезапно изменить направление.

Трелливен сорвал с головы радиотелефон. Держа микрофон в одной руке, бинокль в другой, он вскочил на ноги.

— Сохраняй высоту,— настаивал он,— пока не будешь совсем близко над полосой. Сбавляй скорость мягко... Ну, давай! Кажется, все нормально...

— Проклятый дождь,— выругался Спенсер.— Я почти ничего не вижу.

Под ними была трава — это он еще мог разглядеть.

Впереди, казалось, уже виднелись неясные очертания посадочной полосы.

— Следи за скоростью,— предупреждающе продолжал Трелливен.— У тебя нос задирается вверх.

Сзади раздался общий вскрик нескольких голосов.

— Выровняй самолет прежде, чем коснешься земли, и приготовься к ветру слева... Хорошо... Пора кончать уже...

Самолет пронесся над началом посадочной полосы.

— Ну вот! — воскликнул Трелливен.— Вы идете слишком быстро, Спенсер. Выправьте нос! Давайте вверх! Сбавь газ совсем! Сдерживай, сдерживай! Не так быстро! Приготовься к боковому ветру. Сбавляй ход! Сбавляй!

На высоте нескольких футов от поверхности посадочной полосы Спенсер мягкими движениями штурвала пытался определить расстояние от бетонной дорожки до шасси. У него горло свело от ужаса, когда он понял, насколько выше находилась кабина пилотов в этом самолете, чем в тех, на которых он летал, и это делало бессмысленными все его расчеты.

Казалось, шасси неслись целую вечность над посадочной полосой, прежде чем, тряхнув самолет, они коснулись земли. Раздался резкий визг резины, из-под шасси пошел дым. Самолет опять подняло в воздух. Но потом мощные шины еще раз приняли на себя удар, на мгновение давая самолету точку опоры на бетонном покрытии.

Последовал третий толчок, затем еще и еще один.

Стиснув зубы и вовсю ругаясь, Спенсер почти вдавил штурвал в приборную доску. Все кошмарные видения, представлявшиеся ему в течение последних нескольких часов, стали устрашающей, парализующей реальностью. Серый поток бетона то резко вздымался вверх, то уходил вниз, то вновь вздымался. Затем каким-то образом вдруг успокоился. Самолет совершил посадку. Спенсер расслабил ноги и отпустил ножной тормоз, но тут же со всей силой нажал на него снова. Раздался пронзительный скрежет, но скорость ничуть не уменьшилась. Краем глаза он увидел, что они уже проехали больше двух третей посадочной полосы. Ему теперь ни за что не удастся остановить самолет вовремя.

— У тебя слишком большая скорость! — заорал Трелливен.— Включай аварийные тормоза! Дерни за красную рукоять!

Спенсер с отчаянием рванул рукоятку. Затем он снова отжал от себя штурвал, нажимая изо всех сил на педали тормозов. Мускулы, казалось, разрывались от напряжения, в то время как самолет пытался вывернуться из сковывающей силы тормоза. Колеса приостановились, сблокировались и снова свободно понеслись по дорожке.

— Выключи двигатели! — закричал Спенсер. В секунду рука Джанет взлетела вверх и ударила по кнопкам. Шум моторов исчез.

Спенсер, застыв от ужаса, уставился вперед. С умолкнувшими двигателями самолет продолжал нестись так же быстро, как и прежде. Земля за стеклом слилась в неразличимый мутный поток. В конце полосы был уже виден знак поворота. В какую-то долю секунды он смог даже рассмотреть красные бока пожарной машины и шофера, буквально выпавшего из нее, чтобы поскорее убраться прочь.

Голос Трелливена с силой ударил ему в барабанные перепонки.

— Подай круто влево! Заворачивай влево. Руль резко влево!

Спенсер нашел левой ногой педаль руля направления и со всей силой налег на нее. Резко свернув с дорожки, самолет сошел с полосы на землю, раскачиваясь гигантскими дугами с боку на бок. Откинувшись в правый угол кресла, Спенсер вцепился в штурвал, пытаясь удержать самолет. Внезапно какой-то разрыв сотряс воздух. Возникла ослепительная вспышка. Сорвало шасси. Самолет

вмазался брюхом в землю. Удар приподнял Спенсера в воздух, и он почти почувствовал жгучую боль от врезавшегося в тело предохранительного ремня.

— Голову вниз! — закричал он. — Мы сейчас разобьемся.

Оставляя за собой уродливые борозды, самолет, как краб, продолжал ползти по инерции. С металлическим скрежетом он пересек другую посадочную полосу, вырывая по пути сигнальные огни и поднимая в воздух фонтаны земли.

Спенсер молил о конце. Не ощущая крови, выступившей в углу рта, он, как беспомощный возничий в неуправляемой взбесившейся колеснице, ждал неизбежной гибели, всесокрушающего удара, от которого все вокруг распадется на огненные обломки, а затем поглотится темнотой.

И вдруг движение прекратилось. Но Спенсеру казалось, что он все еще ощущает сумасшедшие рывки ползущего по полю самолета. Хотя глаза говорили ему другое: самолет был недвижим. Несколько секунд не раздавалось ни звука. С трудом развернувшись за наклонным пультом, Спенсер взглянул на Джанет. Та сидела, запрятав голову в колени, и тихо плакала.

Позади них в пассажирском салоне раздавался шепот и шорох людей, ощутивших вдруг себя снова живыми. Кто-то рассмеялся коротким истеричным смешком. И это, казалось, послужило толчком для остальных, заговоривших тут же разом громко и возбужденно.

Спенсер услышал, как Байард обратился к пассажирам:

— Кто-нибудь ранен?

Голоса в салоне слились в неопределенный гул. Спенсер закрыл глаза. Его всего трясло.

— Надо бы открыть аварийные двери, — послышался простуженный голос ланкаширца. — Пусть все остаются на своих местах.

Из двери, с шумом распахнувшейся в кабину пилотов, раздался возглас Байарда:

— Прекрасная работа, Спенсер! Вы-то живы оба?

— Ничего прекрасного, я же сошел с полосы, — с нескрываемым презрением к самому себе пробормотал он. — Какая там прекрасная: с таким жутким разворотом на рулежке!

— Чушь! Вы проделали все великолепно! — возразил Байард. — У нас там лишь царапины и легкий испуг.

Теперь надо бы взглянуть на командира и помощника. Их, наверное, тоже изрядно помотало.

— Доктор! — В горле у Спенсера совсем пересохло.— Мы успели?

— В общем-то да. Теперь все зависит от больницы. А вы уже сделали свое дело.

Спенсер хотел было вылезти из кресла, но тут он уловил какой-то потрескивающий шум. Его вдруг словно окатило горячей волной ужаса. Но он тотчас понял, что шум доносился из наушников, висевших на панели. Спенсер опустился обратно на сиденье и поднес их к уху.

— Джордж Спенсер! — вызывал оттуда голос Трелливена.— Джордж Спенсер! Где вы?

Снаружи с нарастающей силой раздавался вой сирен пожарных машин и скорой помощи. А из салона до Спенсера доходили голоса суетящихся пассажиров.

— Да, я здесь,— откликнулся он в микрофон.

Голос Трелливена звучал на фоне возбужденных возгласов и смеха:

— Джордж, это была, наверное, самая шумная посадка за всю историю аэродрома. Так что и не просите взять вас пилотом. Правда, тут некоторые хотели бы пожать вам руку и угостить, когда все уляжется.

Джанет подняла голову и улыбнулась дрожащими губами.— Видели бы свое лицо,— сказала она.— Оно все почернело.

Спенсер не знал, что ответить. Не нашлось ни спасительной шутки, ни слов благодарности. Он лишь ощущал, что до тошноты измотан и обессилен. Но он все же улыбнулся в ответ и, дотянувшись до руки Джанет, крепко сжал ее.

Артур Хейли

Менялы

События этих двух дней первой недели октября долго еще будут вспоминаться с мельчайшими подробностями. Во вторник той памятной недели старый Бен Россели, президент Первого Коммерческого Американского банка и внук его основателя, сделал заявление. Заявление неожиданное, мрачное, потрясшее сотрудников. Весть о нем разнеслась по всем уголкам огромного здания и вырвалась за его пределы. Самое удивительное заключалось в том, что оно было подобно грому с ясного неба: никакие его детали не просочились заранее.

О предстоящем заседании Бен Россели известил наиболее видных членов правления рано утром, застав одних дома за завтраком, а других буквально на пороге их кабинетов. Кроме того, были оповещены еще несколько человек, не членов правления. То были давнишние сотрудники банка, и старый Бен считал их своими друзьями. Всем им было сказано приблизительно одно и то же: их просили прибыть в конференц-зал башни главного корпуса к 11 часам утра.

И вот сейчас здесь, в конференц-зале находились все, кроме самого Бена. Человек двадцать наиболее приближенных людей тихо разговаривали, разбившись на группки, в ожидании его появления. Все стояли. Никто не решался первым подвинуть к себе кресло и сесть за блестевший от полировки бесконечно длинный директорский стол, рассчитанный на сорок человек.

Неожиданно поверх приглушенных разговоров раздался резкий голос: — Кто велел принести это?

Собравшиеся повернулись в сторону говорившего. Роско Хейворд, административный вице-президент и главный казначей банка, громко выговаривал официанту в белом смокинге, который вошел в зал с графинами хереса и разливал его по бокалам.

Хейворд, человек аскетического вида, слыл в Пер-

вом Коммерческом Американском банке (или, как называли его сокращенно, ПКА) убежденным трезвенником. Он демонстративно взглянул на часы, давая таким образом понять, что пить, да еще в такое время дня, просто кощунство. Кое-кто из сотрудников, взявших было бокалы, поставил их обратно на сервировочный столик.

— Распоряжение мистера Россели, сэр! — почтительно сообщил официант, не преминув добавить: — Херес экстра-класса. Мистер Россели распорядился, чтобы был подан именно этот, сэр.

Коренастый мужчина в модном сером костюме, обернувшись к Роско Хейворду, сказал с улыбкой:

— Причем тут время, Роско? От экстра-класса никогда не отказываются!

Алекс Вандервоорт, голубоглазый, светловолосый, с висками, чуть тронутыми сединой, тоже был административным вице-президентом банка. Добродушный и простецкий с виду, он в действительности был весьма упорным и дотошным, особенно в своем отношении к делу. Хейворд и Вандервоорт представляли собой как бы второй эшелон управления банка, следовавший за президентом, и хотя оба были достаточно корректны и готовы к тесному сотрудничеству, они во многом соперничали. Естественно, у каждого была своя свита единомышленников и клевретов в низших звеньях банковской администрации.

Алекс подошел к столику и взял два бокала хереса. Один бокал он демонстративно передал пикантной брюнетке Эдвине Дорси, единственной женщине в правлении ПКА.

Эдвина перехватила неодобрительный взгляд Хейворда. «Ну и пусть, какая уж тут разница»,— подумала она. Роско и так прекрасно знал, что она была верной сторонницей лагеря Вандервоорта.

— Спасибо, Алекс,— сказала она и взяла бокал.

После некоторого замешательства остальные последовали примеру Алекса. Лицо Роско Хейворда выражало откровенное неудовольствие. Он хотел было сказать еще что-то, но передумал. В дверях появился вице-президент по безопасности и охране банка Ноллан Вэйнрайт. Он был одним из двух негров — членов правления, которые присутствовали здесь. Слегка повысив голос, он объявил:

— Миссис Дорси и джентльмены! Мистер Россели...

Разговор стих: в дверях стоял Бен Россели. Еле заметно улыбаясь, он переводил взгляд с одной группы присутствующих на другую. Против обыкновения Бен Россели сегодня не был ни жизнерадостен, ни бодр. Он вошел медленно, опираясь на трость. Никто прежде не видел его с тросточкой.

Мистер Россели протянул руку, пытаясь придвинуть к себе директорское кресло, но Ноллан Вэйнрайт, стоявший неподалеку, опередил президента и придвинул его кресло сам. Пробормотав слова благодарности, президент уселся и, обратившись к присутствующим, сказал:

— Заседание сегодня неофициальное, я вас долго не задержу. Если хотите, берите кресла и садитесь. Спасибо.

Последнее было адресовано официанту, который поднес Россели бокал хереса. Официант вышел, плотно прикрыв за собой дверь.

Кто-то придвинул кресло Эдвине Дорси, кое-кто и сам сел, но большинство осталось стоять.

Первым заговорил Алекс Вандервоорт.

— Судя по всему,— заявил он,— мы собрались здесь что-то отметить.— Он повертел в ладонях бокал хереса.— Поэтому — вопрос: что мы празднуем?

Бен Россели вяло улыбнулся:

— Я был бы не прочь что-либо такое отметить, Алекс. Увы, сегодня не тот случай... Просто я решил, что в этой ситуации бокал хереса совсем не повредит...

Он замолчал и неожиданно странное напряжение заполнило помещение. На лицах у всех появились тревога и озабоченность.

— Я умираю, — сказал Бен Россели.— Доктора сказали, что долго мне не протянуть. И я счел своим долгом сообщить вам об этом.

Он поднял свой бокал, взглянул на него и отпил глоток.

Если прежде в зале стояла просто тишина, то теперь она сделалась буквально пронизывающей. Никто не шелохнулся, никто не решался вымолвить ни полслова. Откуда-то издалека приглушенно доносились привычные звуки живущего своей жизнью огромного учреждения. Где-то стучала пишущая машинка, урчал кондиционер. За окном со свистом пронесся реактивный самолет, набирая высоту над городом.

Старый Бен наклонился вперед, облокотившись о трость.

— Ну, ладно, не будем делать из этого драмы... Мы все старые друзья. Не так ли? Именно поэтому я вас всех здесь и собрал. И еще вот что: во избежание лишних и напрасных разговоров скажу следующее. Если бы у меня был хоть малейший шанс, я бы не стал вам всего этого говорить, а подождал бы хоть самую малость... Есть еще вопрос, который вас, вероятно, интересует. У меня рак легкого, прогрессирующий довольно быстро. И, как мне сказали, в достаточной степени запущенный. Так что, по всей вероятности, до Рождества я едва ли проскриплю...

Он снова замолчал, и внезапно вся его усталость и слабость стали очевидны в полной мере. Понизив голос, он добавил:

— Ну вот, теперь, когда вы все знаете, можете, если хотите, в любое удобное для вас время сообщить эту новость остальным.

Эдвина Дорси подумала, что не успеет этот зал опустеть, как новость пронесется по всему банку, словно пожар в прериях.

— Мистер Бен! — заговорил первым Поуп Монро, самый пожилой из присутствующих на совещании. Он был старшим бухгалтером отдела кредитов. Голос его дрожал.— Мистер Бен! Поверьте, я не нахожу слов... Вы нас просто ошарашили. Мы не знаем, что и сказать...

По залу пронесся шум голосов, больше похожий на единый стон, в нем слышались сожаление, грусть и симпатия. Перекрыв все это невнятное бормотание, голос Роско Хейворда прозвучал четко и резко:

— То, что мы можем и должны сказать...— В его голосе звучала уверенность, что именно он должен высказаться первым.— Мы должны сказать,— повторил он,— хотя это ужасающее известие потрясло нас, мы будем молиться в надежде на чудо. Ведь медицина так далеко шагнула вперед, способна задержать даже прогрессирующую болезнь, а иногда излечить ее!..

— Роско, я через все это уже прошел,— прервал Хейворда Россели, и в тоне его прозвучали острые нотки.— Что же касается докторов, то можете быть уверены: у меня были самые лучшие!

Наконец, справившись с собой, заговорил и Алекс Вандервоорт:

— Бен, мы ужасно расстроены! А я вдвойне, из-за той глупости, которую выпалил, когда вы вошли...

— Это насчет того, чтобы отметить? — Россели хмыкнул.— Забудьте, выбросьте из головы. Вы ведь ничего еще не знали.— Старик снова хмыкнул.— Ну, а кстати, почему бы и не отметить? Я прожил прекрасную жизнь! Не каждый может похвастаться, что прожил такую же. А это уже повод для того, чтобы, как вы сказали, отметить...

Он пошарил в карманах и беспомощно оглянулся вокруг:

— У кого-нибудь сигареты есть? Эти шарлатаны запретили мне курить.

Ему протянули сразу несколько пачек, хотя Роско Хейворд и проворчал сквозь зубы:

— А вы уверены, что вам следует это делать?

Бен Россели взглянул на него не без иронии, но ничего не ответил. Ни для кого не было секретом, что хотя старик и уважал Хейворда за его финансовый талант, дружеских отношений между ними никогда не было.

Алекс Вандервоорт поднес Бену зажженную спичку, и президент жадно затянулся. Глаза Алекса увлажнились.

— С другой стороны, я могу кое-чему и порадоваться,— продолжал Россели.— Ну, скажем, меня предупредили, и я успею-таки связать кое-какие концы с концами.— Он выдохнул голубоватый дым.— Конечно, есть о чем горевать, есть, есть...

Все отлично понимали, что имел в виду Бен Россели. У него не осталось наследника. Единственный его сын был убит на второй мировой войне, а совсем недавно любимый и подававший большие надежды внук погиб в этой бессмысленной бойне во Вьетнаме...

В тот день мало кто понимал, что это был последний визит Бена Россели в банк. Сотрудники подходили к нему, жали руку, бормоча какие-то наивные слова. Когда подошла очередь Эдвины Дорси, она чмокнула его в щеку, а он подмигнул ей.

●

Роско Хейворд, пожалуй, первым покинул зал заседаний. Административный вице-президент и главный казначей должен был срочно решить две проблемы, вытекавшие из того, что он только что узнал.

Первой была необходимость обеспечить гладкую, без заминок, смену власти после смерти Бена Россели. Вто-

рая заключалась в том, чтобы на пост президента был назначен он, Роско Хейворд, и ни в коем случае никто другой.

Хейворд сознавал, что был бы бесспорной кандидатурой, если бы не Алекс Вандервоорт, чей авторитет среди банковских служащих стоял, пожалуй, выше. Однако в Совете директоров (а в конечном счете именно этот Совет играл решающую роль) больше шансов на успех было у Хейворда.

Тонко знавший банковскую политику, организованный, с чутьем, работавшим как хороший локатор, и цепким умом, Хейворд начал планировать свою кампанию еще там, в конференц-зале.

Во-первых, необходимо было срочно созвониться со всеми членами Совета директоров, причем Роско Хейворд был намерен звонить, соблюдая строжайшую тактическую очередность. Он положил перед собой телефонный список и строго-настрого приказал секретарше ни с кем его не соединять. Кроме, разумеется, лиц с вопросами, не терпящими отлагательства. Помимо этого, он распорядился не пропускать к нему в кабинет никого из рядовых сотрудников.

— Дверь должна быть закрыта,— сказал Хейворд.

С традицией «открытых дверей» в ПКА, традицией, которая уходила корнями в прошлое столетие и тщательно соблюдалась Беном Россели, пора было кончать. Ну, а уж в данный момент изолироваться от всего — самое главное...

Хейворд заметил на утреннем заседании, что из всего Совета директоров Первого Коммерческого банка присутствовали только двое, да и те были личными друзьями Бена Россели. Вероятно, поэтому они и были приглашены. А это означало, что остальные пятнадцать членов Совета до сих пор пребывали в блаженном неведении относительно приближающейся смерти президента. Хейворд торопился сделать так, чтобы все пятнадцать получили это зловещее известие лично от него.

Таким образом, решил Хейворд, он приобретет два немаловажных преимущества. Первое: потрясающее и неожиданное известие, поступившее непосредственно от него, установит некий инстинктивный союз между ним, Роско, и любым другим человеком, которому он передаст это известие по телефону. Второе: некоторые директора, возможно, будут обижены на то, что Россели не счел нужным известить их заранее. Особенно если

учесть, что рядовые сотрудники узнали о случившемся раньше, чем они. И Роско Хейворд был намерен на этом недовольстве сыграть.

Раздался звонок. Секретарша соединила Хейворда с первым в его списке членом Совета директоров. Затем последовал еще один звонок, и еще один. К сожалению, не все в этот момент оказались на месте. Но Дора Каллагэн, его опытная и преданная помощница, ухитрялась разыскать даже тех, кто выехал за город.

Примерно через полчаса после того, как был сделан первый звонок, Роско Хейворд вводил в курс событий достопочтенного Гарольда Остина.

— Мы все тут, в банке, конечно, ужасно взволнованы и огорчены,— говорил Роско.— То, что Бен сказал нам, просто невероятно, это какая-то фантастика!..

— Боже! — только и вымолвил Остин, причем голос его в телефонной мембране словно выражал все отчаянье, на которое способен человек.

Гарольд Остин был подлинным, что называется, столпом города, старожилом в третьем поколении. Когда-то, очень давно, он прослужил один срок в Конгрессе, отчего и приобрел право на титул «достопочтенного» Гарольда Остина. Он очень любил, когда к нему обращались именно так. Теперь он владел крупнейшим рекламным агентством в штате и был ветераном в Совете директоров, пользуясь довольно сильным влиянием в этом солидном органе.

Расчет Роско Хейворда был верным. Намек на то, что он не без умысла поторопился лично сообщить Остину о скорой смерти старого Бена, затронул именно ту сторону, на которой и хотел сыграть Хейворд.

— Я, конечно, понимаю, что все очень сложно,— с чувством говорил Хейворд,— но, честно говоря, кое-что показалось мне весьма необычным. Да, да... Весьма! Больше всего я озабочен тем, что в первую голову Бен не поставил в известность членов Совета директоров. А на мой взгляд, так только и следовало поступить. Поймите меня правильно: поскольку никто из них еще ничего об этом не знает, я считал своим долгом проинформировать вас и всех остальных немедленно...

— Я полностью согласен с вами, Роско,— с не меньшим чувством прозвучал в ответ голос Остина в мембране.— Я считаю, что нас должны были поставить в известность в первую очередь, и я очень благодарен вам за то, что вы вспомнили о нас.

— Спасибо, Гарольд. В такое время никто не знает, что лучше. Ясно одно: кто-то должен взять в свои руки бразды правления.

Обращение по имени к своим коллегам Хейворду всегда давалось легко. Он, впрочем, и сам был из здешних старожилов и чувствовал себя как рыба в административных волнах штата. Он входил в «истэблишмент», или, если хотите, был равным членом того кружка, который в старину в Англии называли «компашкой старых ребят». Его личные связи выходили за пределы штата, тянулись в Вашингтон и кое-куда еще. Хейворд гордился своим социальным положением и дружбой со многими высокопоставленными лицами. Он любил напоминать людям о своей родословной, уходившей к одному из отцов-основателей, подписавших Декларацию независимости. Продолжая разговор, он сказал:

— Есть еще одна причина, в силу которой я счел необходимым осведомить членов Совета. Она заключается в том, что печальная новость относительно Бена распространится мгновенно и наверняка плохо отразится на делах всего банка.

— Не сомневаюсь,— ответил достопочтенный Гарольд.— И не удивлюсь, если пресса, пронюхав об этом, начнет задавать всякие вопросы, копаться... Вы понимаете меня?

— Вот именно! Совсем не та реклама, в которой мы нуждаемся. Она может создать у вкладчиков неприятное настроение. Не говоря уже о том, что это скажется и на биржевой котировке наших акций...

Наступила пауза.

Роско Хейворд с наслаждением чувствовал, как напряженно заработал мозг его собеседника. И немудрено: клан семьи Остинов, возглавлявшийся достопочтенным Гарольдом, владел в ПКА солидным вкладом.

Хейворд не отказал себе в удовольствии даже подсказать:

— Ясное дело, если Совет предпримет быстрые и энергичные действия с тем, чтобы уверить держателей акций и вкладчиков, как, впрочем, и общественность, что потери будут невелики, то все можно будет быстро поправить...

— Боюсь, что друзей Бена не утешить тем, что потери будут невелики! — сухо заметил Гарольд Остин.— Каковы бы они ни были...

— Я не это имел в виду,— поправился Роско.—

И, кроме того, мое сочувствие и горе, уверяю вас, чрезвычайно велики. Во всяком случае, у меня на сердце так же тяжело, как и у всех остальных.

— Ну, а что, собственно, вы надумали предпринять, Роско?

— Вообще говоря, Гарольд, необходима преемственность власти. И на мой взгляд, особенно важно проследить за тем, чтобы на самом верху осуществление руководства не застопорилось ни на один день! Поймите меня правильно. Возможно, никто не относился с таким искренним уважением к Бену, как я, но даже при всеобщей любви к нему мы не можем умолчать вот о чем. Наш банк слишком долго был в руках одного человека. Посмотрите вокруг: нигде ничего подобного не наблюдается уже много лет! Ни один банк не может достичь существенных успехов при такой постановке дела. Во всяком случае, нельзя претендовать на место в первой двадцатке национальных банков, если всем заправляет один человек. Увы, существуют и противоположные мнения в среде банковских аутсайдеров. Им кажется, что так может продолжаться вечно. Я полагаю, что наиболее влиятельные члены Совета развенчают, наконец, это вредное заблуждение...

Хейворд понял, что его собеседник крепко задумался, прежде чем что-либо ответить. Он ясно представил себе Остина, этого стареющего повесу, очень интересного внешне, не по возрасту вызывающе одетого, с прекрасно подстриженной серо-стальной шевелюрой. Вероятно, как и всегда, он курил в этот миг огромную сигару. Нет, нет, достопочтенный Гарольд был далеко не дурак и не фанфарон. Напротив, у него была репутация хитрого, преуспевающего и очень цепкого бизнесмена.

Наконец тот проговорил:

— Я склонен думать, что ваша мысль насчет преемственности очень верна. И я согласен с тем, что преемник Бена Россели должен быть назначен немедленно. Больше того: его имя должно быть названо еще до смерти Бена.

Хейворд внимательно слушал, стараясь не упустить даже малейшей интонации в голосе собеседника.

— Я думаю, что этим человеком должны стать вы, Роско. Вы, как никто, подходите для этой должности, и я об этом задумывался уже неоднократно. Ваши деловые качества, опыт, твердость и здравость мысли при-

дутся здесь весьма кстати. Поэтому я твердо обещаю вам свою поддержку. Конечно, найдутся и другие члены Совета, которые меня полностью поддержат. Мне почему-то кажется, что вы не будете иметь ничего против...

— О, да. Я вам необычайно признателен...

— Не скрою от вас, милый Роско, что, возможно, я кое-когда буду просить о чем-либо. Ха-ха-ха! Как говорится, рука руку моет. Это — шутка, понятно...

— Ну, что вы, что вы... Напротив, все это вполне естественно...

— Вот и отлично. Значит, мы прекрасно понимаем друг друга!

— Уф...— Положив трубку, Роско Хейворд решил, что все идет более чем удовлетворительно. Гарольд Остин был человеком слова и прочных привязанностей. За ним, как за сейфовой стеной.

Кстати, и все предшествующие телефонные переговоры были успешными. При беседе с другим директором, Филиппом Йохансеном, президентом «Мидконтинент-резина», Роско обнаружил, что возникла еще одна приятная возможность. Йохансен вдруг заявил вполне откровенно, что у него всегда не ладились дела с Алексом Вандервоортом, чьи идеи он считал почти бредовыми.

— Ну, Алекс действительно не ортодокс,— примирительно проговорил Хейворд.— И, потом, у него есть ряд личных проблем. И я не совсем уверен, что эти проблемы идут в ногу с нашим банком...

— Какие еще проблемы? — живо заинтересовался Йохансен.

— Ну, видите ли... Я бы не хотел говорить... Да уж ладно: прекрасный пол. Дамочки. Вы понимаете, что мне не совсем удобно об этом говорить...

— Нет, это очень важно, Роско! Разговор останется между нами, поэтому продолжайте, продолжайте, я вас прошу!

— Видите ли, во-первых, у Алекса есть трудности семейного порядка. Это — раз. Во-вторых, он путается с одной дамочкой на стороне... А в-третьих, она, помимо всего прочего, принадлежит к левым активистам! Имя ее часто мелькает в печати, но совсем не в том контексте, который способствовал бы укреплению банковского авторитета... Я иногда думаю, в какой степени она влияет на Алекса? Да. И все-таки, как я уже сказал... Мне все это очень неприятно, и мне даже где-то жаль милого Алекса, поэтому...

— Вы были абсолютно правы, рассказав мне об этом, Роско! — горячо воскликнул Йохансен.— Я убежден, что директора Совета обязаны об этом знать. Значит, говорите, она из левых? Да?

— Увы. Ее имя — Марго Бреккен.

— Да, да, я, кажется, уже кое-что о ней слышал. И не могу сказать, что это доставило мне удовольствие.

Хейворд улыбнулся. Все шло, как по маслу!

К сожалению, последующие разговоры доставили ему значительно меньше удовольствия. После долгих поисков он наконец дозвонился до Леонарда Кингсвуда, председателя стальной корпорации «Нортем». Леонарда с трудом отыскали где-то за городом, на одном из его предприятий.

Кингсвуд начал свою карьеру на сталеплавильном заводе с самых низов. Он был груб, прям, и поэтому без всяких реверансов сказал:

— Послушайте, Роско, не темните! Что из того, что Бен не известил директоров первыми? Он всегда так поступал. И мне это симпатично, потому что я так же делаю. Сначала нужно поставить в известность близких, и только потом уже всяких там...

Роско вытер испарину со лба... Что же касается возможности падения акций Первого Коммерческого банка, то на это Кингсвуд заявил следующее:

— Ну и что? Конечно, ПКА нырнет на пункт или два ниже на этом дурацком светящемся табло, когда новость выплывет за пределы нашего аквариума. И это произойдет, в основном, потому, что владельцы акций, как правило, кисейные барышни. Они не в состоянии провести границу между паникой и реальными фактами. В ближайшее же время стоимость акций восстановится, так как банк в основе своей здоров. И все мы, находящиеся у кормила, хорошо это знаем.

Роско промычал в трубку нечто невразумительное. Кингсвуд продолжал:

— Послушайте, Роско, все это маневрирование, которым вы сейчас так озабочены, белыми нитками шито. И я хотел бы сразу же расставить все точки над «i». Полагаю, что это сэкономит время и вам и мне... Вы — великолепный бухгалтер, один из лучших специалистов в этой области. Это — факт. Я не знаю лучших. И в любой миг, когда вам захочется уйти с занимаемого ныне поста в наш «Нортем» — милости прошу! Добро пожало-

вать. Вы получите значительно больше дивидендов и жалованья. Я произведу перестановку кадров и поставлю вас во главе наших финансовых дел. Учтите: это — серьезное предложение, а не посулы.

Леонард пренебрежительно прервал бормотание Хейворда и продолжал:

— Но при всех ваших достоинствах, Роско, я хочу сказать вам следующее. Вы — не руководитель. По крайней мере, я не вижу вас масштабным руководителем. И именно так намерен заявить, когда соберется Совет, чтобы назначить преемника Россели. И еще об одном я хочу сказать вам сразу же: мой выбор падет на Вандервоорта. Не обижайтесь на мою прямоту. Мне все-таки кажется, что вы заслуживаете того, чтобы знать о моей точке зрения заранее...

Хейворд нашел силы ответить спокойно:

— Я вам очень благодарен, Леонард.

— Вот и хорошо. И если, я повторяю, вы когда-нибудь всерьез подумаете о моем предложении, позвоните мне в любое время дня и ночи...

Роско Хейворд, конечно же, не намеревался работать на «Нортем». И несмотря на то, что деньги играли в его жизни очень большую роль, гордость никогда бы не позволила принять это предложение после такого приговора Леонарда Кингсвуда. Кроме того, он все еще был уверен в том, что получит ключевую позицию в ПКА.

Опять зазвенел телефон. Когда Роско снял трубку, Дора Каллагэн доложила, что на проводе еще один директор, Флойд Лобер.

— Флойд, — начал Хейворд, причем голос его звучал глухо и серьезно.— Я глубоко огорчен тем, что именно я первым должен сообщить вам эту грустную и трагическую новость...

●

В среду работа в Центральном отделении банка началась как обычно.

В тот день старшим дежурным была Эдвина Дорси, и дежурство это должно продлиться целую неделю. Она появилась у банка ровно в 8.30, за полчаса до того, как массивные бронзовые двери открылись перед первым посетителем.

У едва заметной двери в торце здания она открыла свою сумочку, чтобы достать ключ. Порывшись, Эдвина нашла его среди беспорядка, который всегда царил в сумке. Здесь были губная помада, кошелек, кредитные карточки, прессованная пудра, расческа, список того, что нужно было купить вечером, и множество других нужных вещей. Сумка Эдвины находилась в вопиющем несоответствии с четким и организованным умом ее хозяйки.

Прежде чем вставить ключ в замок, Эдвина проверила, на месте ли сигнал «засады нет». Сигнал находился именно там, где ему и полагалось быть. Несведущий человек вряд ли разглядел бы маленькую желтую карточку в небольшом окошке. Карточку поместил туда буквально за несколько минут до ее прихода привратник. Он приходил в Центральное отделение банка рано утром, и его миссия заключалась как раз в том, чтобы, придя раньше дежурного по банку, вставить карточку в окошко. Если все было в порядке, он ставил сигнал в условленном месте. Таким образом, если бы налетчики попали в банк, скажем, поздно ночью и сидели бы в засаде, ожидая первого сотрудника, чтобы захватить его в качестве заложника (а первым пришедшим был привратник), то никакого сигнала не было бы. И сотрудники, не обнаружив желтой таблички, мгновенно вызвали бы полицию.

В связи с участившимися случаями налетов и ограблений в большинстве банков за последнее время использовался сигнал «засады нет». Разумеется, вид его и способы маскировки постоянно варьировались.

Войдя в помещение, Эдвина сразу же подошла к панели на шарнирах и отодвинула ее. Под панелью находилась кнопка, которую Дорси нажала в соответствии с кодом: два длинных, три коротких и один длинный звонок. В оперативном отделе безопасности банка, располагавшемся в Главной башне, сразу же становилось известно, что дежурный администратор беспрепятственно вошел в банк. То же самое предварительно проделал и привратник, который передал свои позывные с помощью этого же звонка.

В комнате оперативников подобные сигналы принимались от всех отделений Первого Коммерческого банка, и старший по мере их поступления соответствующим образом переключал на пульте системы безопасности кнопки с надписями «Тревога» или «Внимание».

Если бы Эдвина либо другой администратор или привратник не сообщили о своем прибытии обусловленным и правильным способом, охрана немедленно вызвала бы полицию, и уже через несколько минут отделение банка было бы оцеплено.

Банки быстро установили для себя, что отсутствие сигналов в тех случаях, когда налицо неприятности, это лучший способ предупреждения охраны.

Таким образом, банковский сотрудник, взятый в качестве заложника, передавал сигнал охране, так сказать, не передавая его...

●

К этому времени сотрудники и администраторы банка уже стали появляться в его коридорах; у входа их пропуска проверял привратник, одетый в банковскую униформу.

К Эдвине подошел седовласый мистер Тотенхоу, старший служащий ПКА.

Вместе они направились в основное здание банка, затем спустились по широкой, устланной ковром лестнице к главному хранилищу, расположенному в подвале. В полномочия и обязанности дежурного администратора входило наблюдение и участие в ежедневной процедуре: утром отпирался основной банковский сейф или, как его называли, «склеп».

В ожидании, покуда сработает часовой механизм сейфа, Тотенхоу мрачно спросил:

— Скажите, слух о приближающейся смерти Россели — это не выдумка?

— К сожалению, нет,— вздохнула Эдвина и коротко передала мистеру Тотенхоу содержание вчерашнего разговора с Беном.

Часы показывали 8.40. Через несколько секунд раздался глухой щелчок в двери, сделанной из молибденовой стали. Щелчок означал, что часовой механизм, поставленный на ночь, сработал нормально и отключился. Теперь можно было набрать заданную комбинацию цифр, чтобы открыть «склеп». До щелчка делать это никому бы не рекомендовалось...

Нажав еще одну кнопку, Эдвина дала знать охране, что сейф вот-вот окроется, и отмыкание его происходит не по чьему-либо принуждению.

Затем Эдвина и Тотенхоу набрали каждый известную только ему одному комбинацию — дверь могла быть открыта лишь в том случае, если при этой процедуре присутствовали двое.

К ним приблизился старший кассир сейфа, который в течение дня отвечал за поступления и выдачу денег из главного хранилища. Только наличными здесь в течение последующих шести часов обращался миллион долларов банкнотами и звонкой монетой. Что касается чеков, то операции за это же время исчислялись примерно в двадцать миллионов.

Эдвина отошла в сторону, чтобы мужчины вместе смогли открыть огромную дверь «склепа», которая оставалась открытой до окончания банковских операций.

Затем все трое поднялись по лестнице и вернулись в центральное помещение отделения банка. Сюда к этому времени подвезли большие рогожные крафт-пакеты, в которых была наличность. Мешки привозились в специальных бронированных машинах в сопровождении двух вооруженных охранников-инкассаторов. Деньги доставлялись сюда, как правило, рано утром, поскольку брали их в Федеральном резервном банке и отсюда уже рассылали по всем отделениям ПКА. Банки старались обычно не держать лишних денег, поскольку пользы от них не было никакой, а угроза ограбления была постоянной.

Вероятно, основное искусство управляющего отделением банка и состояло в том, чтобы не оказаться в нужный момент без денег и вместе с тем не хранить лишних сумм. Операции Центрального отделения Первого Коммерческого колебались, в основном, в пределах миллиона наличными.

Деньги продолжали поступать. Вот привезли еще четверть миллиона долларов. Тотенхоу ворчливо промямлил, глядя на мешки:

— Надеюсь, что сегодня нам привезли купюры почище, не то что обычно...

— Я говорил, мистер Тотенхоу, о ваших претензиях,— сказал один из охранников-инкассаторов. — Они знают, что вы звонили и жаловались. Все капризничают! Лично я бы взял какие угодно, хоть чистые, хоть грязные...

— К сожалению,— холодно возразил Тотенхоу,— некоторые наши клиенты не разделяют вашей точки зрения.

Новые купюры поступали из Федерального резервного банка, на них был повышенный спрос. Подавляющее большинство клиентов отказывалось от грязных купюр и требовало, чтобы им выдавали чистые, новые. К счастью, были и клиенты, которым было все равно. Кассирам давалась инструкция: избавляться от замусоленных бумажек когда только возможно, чтобы сберечь новенькие, хрустящие банкноты для наиболее привередливых.

— Я слышал, последнее время в ходу уйма новеньких, чистеньких, великолепно сработанных домашним способом банкнот... Может, мы вам подкинем пару мешков для наиболее капризных? — пошутил второй охранник и подмигнул коллеге.

— И без вас обойдемся,— сухо отозвалась Эдвина.

Только на прошлой неделе банк обнаружил около тысячи фальшивых долларов, возникших неизвестно как. Скорее всего, они поступили от различных вкладчиков. Некоторые из них были сами обмануты и пытались сплавить фальшивки банку; другие даже понятия не имели о том, что деньги, которые они вносили, были поддельными. Впрочем, ничего удивительного в этом не было: качество подделки отличалось удивительно высоким уровнем. Агенты ФБР, обсуждавшие эту проблему с Эдвиной, были искренне озабочены.

— Честно говоря, искусство подделки никогда не было таким тонким раньше — признал один из них.— И потом, в таком количестве! Ого-го!.. Даже по самым заниженным данным в обращении находится, знаете, сколько? Около тридцати миллионов долларов фальшивыми банкнотами! И сделаны они только за прошлый год. А сколько еще не удалось найти...

Англия и Канада были основными поставщиками фальшивых ассигнаций. По словам агентов, огромное количество липовых американских долларов циркулировало и в Европе. А уж там-то их тем более сложно обнаружить.

— Предупредите друзей, которые едут в Европу,— добавил агент,— чтобы они там не брали доллары. Ни под каким видом! Головой можно ручаться, что всучат фальшивку...

Попрощавшись с охранниками, Эдвина отправилась к своему столу. В операционном зале отделения банка суета и активность нарастали. Стол Эдвины стоял на видном месте, как и у других старших администраторов. Но он был самый большой и самый представительный. Внушительность ему придавали два флага, справа — звездно-полосатый — флаг штата. Подчас, сидя за этим столом, осененная флагами, она чувствовала себя словно перед телекамерой.

Эдвина взяла пачку заявлений. В них содержались просьбы о предоставлении кредита на сумму свыше той, что была в компетенции других сотрудников этого отделения.

Ее собственное право визировать ссуды лимитировалось миллионом долларов, при условии, если два других администратора этого отделения уже поставили свою подпись. Обычно подписи эти ставились. Суммы, превосходящие миллион, находились в ведении специальной комиссии по кредитам, которая заседала в Главной башне.

В Первом Коммерческом Американском, как и во многих других банках, авторитет сотрудника определялся суммой, которую он имел право выдать в виде займа. Она также определяла его ступень на банковской иерархической лестнице. На банковском жаргоне эта ступень называлась «высотой инициалов», поскольку администратор, визируя разрешение на займ, ставил на заявления свои инициалы.

Эдвину всегда забавляли атрибуты власти, зависевшие от двух заглавных букв. Так, в комиссии, которая занималась кредитами, помощник инспектора, имевший право подписывать заявления на сумму, не превосходящую пятидесяти тысяч долларов, работал за невзрачным письменным столом, стоящим в большом открытом зале. Сам инспектор, чья закорючка позволяла выдать заем до двухсотпятидесяти тысяч, сидел в том же зале, но отгороженный стеклянными панелями за столом побольше.

В поистине великолепном кабинете с одним окном восседал заместитель старшего администратора по ссудам. Он открывал кредиты до миллиона долларов. Ему был положен очень вместительный и солидный стол. На

стене кабинета висела картина, написанная маслом; на всех канцелярских принадлежностях отпечатана его фамилия. Ему приносят бесплатный экземпляр «Уоллстригджорнэл», а кроме того, он может пользоваться бесплатной чисткой обуви каждое утро. Ему полагается секретарь, который, правда, обслуживает также второго зама.

И, наконец, старший администратор по ссудам в ранге вице-президента. Миллион долларов. Роскошный угловой офис с двумя окнами, с двумя дверями и двумя картинами, писанными маслом. Личный секретарь. Имя на канцпринадлежностях не просто отпечатано, а выгравировано. Разумеется, он тоже имеет право бесплатно почистить ботинки, а плюс ко всему, ему приносят и газеты, и журналы. Он может отправиться по делу в служебной машине и имеет доступ в отдельную столовую для банковских бонз.

Эдвина могла пользоваться всеми этими благами, хотя, впрочем, никогда не прибегала к услугам чистильщика.

В то утро она изучила два заявления на получение ссуд. Одно одобрила, а на другом записала несколько вопросов для дальнейшего уточнения. Что же касается третьей просьбы, то над ней она задумалась.

Заявление это поразило Эдвину, даже потрясло своей необычной мрачностью. Тем более что мрачность эта живо перекликалась со вчерашними событиями. Она еще раз внимательно перечитала заявление.

Младший администратор по займам, подготовивший заявление для Эдвины, сразу же откликнулся на ее вызов по селектору:

— Каслмэн вас слушает, миссис Дорси.

— Клиф, зайдите, пожалуйста, ко мне.

— Сейчас,— сказал Каслмэн.

Он сидел совсем неподалеку и поглядел в ее сторону.

— Готов пари держать,— сказал он, войдя за стеклянную перегородку к Эдвине,— что знаю, зачем я вам понадобился. Даже не сомневаюсь! Со странными штучками нам порой приходится иметь дело...

Клиф Каслмэн был невысокого роста, весьма обязательный, аккуратный человек, с круглым розовощеким лицом и мягкой улыбкой. Приходившие за ссудами посетители любили его. Он умел терпеливо слушать и был очень благожелателен. Вместе с тем Клиф считался

докой по своей части и обладал здравым и трезвым суждением.

— Мне сначала показалось,— проговорила Эдвина,— что это заявление просто шутка. Я бы даже сказала, очень дурного пошиба.

— А я бы сказал — дьявольщина, миссис Дорси. И тем не менее, уверяю вас, что это не розыгрыш...— Каслмэн взял папку с бумагами.— Я детально изучил дело и был уверен, что вы захотите знать все в мельчайших подробностях. Судя по всему, вы уже прочли заявление и мои рекомендации.

— Вы что же, всерьез предлагаете дать деньги для этой цели?

— Да. Это так же неизбежно, как смерть.— Каслмэн замялся.— Простите, я вовсе не поклонник черного юмора. Но мне кажется, что и вы согласитесь со мной.

Каслмэн и вправду собрал всю информацию по делу. Сорокатрехлетний фармацевт по фамилии Госбурн просил предоставить ему ссуду на сумму в двадцать пять тысяч долларов. Он был женат уже семнадцать лет. У семьи Госбурна имелся загородный дом. Правда, под этот дом была взята небольшая ссуда по закладной. Состоял клиентом в ПКА восемь лет, никаких трений с банком никогда не возникало. Взятую однажды довольно большую ссуду полностью возвратил. Рекомендательные письма с места работы Госбурна были радужные, а материальное положение вполне благополучно.

Госбурн просил о предоставлении новой ссуды для приобретения большой капсулы из нержавеющей стали. В нее будет помещено тело дочери Госбурна, Андреи. Она скончалась шесть дней тому назад, в возрасте пятнадцати лет, от дистрофии почек. Сейчас тело Андреи находилось в рефрижераторе морга. Кровь была откачана сразу же после смерти, и в тело был введен кровоподобный антифризный раствор, диметилсульфааксид.

Стальная капсула сконструирована таким образом, что она может сохранять жидкий азот. Тело будет завернуто в алюминиевую фольгу и погружено в раствор.

Капсула в форме огромной бутылки, иначе известная под названием «криокрипт», могла быть приобретена в Лос-Анджелесе, после чего будет доставлена сюда на самолете. Все это Госбурн сможет осуществить, если банк предоставит ссуду. Треть займа пойдет на предва-

рительную оплату ренты за хранение капсулы и смену жидкого азота каждые четыре месяца.

Каслмэн спросил Эдвину:

— Вы слышали об обществе «Крионика»?

— Весьма смутно. По-моему, это что-то псевдонаучное. И название какое-то странное...

— Да, пожалуй. И насчет «псевдо» — тоже верно. Но, так или иначе, у общества немало последователей. Они убедили Госбурна и его жену в том, что когда медицинская наука шагнет далеко вперед, скажем, через пятьдесят или сто лет, их дочь может быть возвращена к жизни и излечена. Кстати говоря, у этих самых криоников и лозунг свой есть: «Замораживаем, ждем, оживляем».

— По-моему, все это кошмарно! — Эдвина поежилась.

— Вполне согласен. Но взгляните на это и с их точки зрения. Ведь они в это верят! Госбурны — взрослые и достаточно грамотные люди. Более того, они глубоко религиозны. И с какой стати, собственно, мы, работники банка, можем их в чем-то осуждать? Как бы там ни было, только один вопрос имеет для нас с вами практическое значение. В состоянии ли Госбурн вернуть заем? Я очень внимательно изучил все данные и считаю, что он обязательно возвратит все до цента. Этот парень, может быть, и псих, но такой псих, что аккуратно платит по счетам...

С большой неохотой Эдвина еще раз просмотрела баланс семейного бюджета Госбурна.

— Мне все-таки кажется, им придется очень трудно...

— Госбурн это знает, но уверяет, что справится. Он берет еще какую-то работу на дом. И его жена намерена пойти работать...

— У них четверо детей младше Андреи,— проговорила Эдвина.

— Угу.

— Он что же, не отдает себе отчета в том, что этим детям, живым детям, понадобятся деньги на образование и другие нужды? Что двадцать пять тысяч долларов могут быть использованы с большей пользой для живых?

— Я ему это говорил,— заметил Каслмэн.— Два раза мы с ним беседовали по часу. Но он считает, что после того, как вся семья обговорила эту проблему, вопрос для них решен бесповоротно. Они убеждены, что жерт-

вы, которые они принесут, вполне стоят того, чтобы вернуть Андрею к жизни. Дети заверили, что когда они станут постарше, они возьмут на себя ответственность за тело их сестры.

— О, господи! — Эдвина опять вспомнила о вчерашнем...

Смерть Бена Россели будет выглядеть все-таки более пристойно. А вот такие штуки превращают человеческую смерть в фарс. Эдвина видела в этом издевательство над извечным потоком жизни и смерти.

— Миссис Дорси,— прервал ее мысли администратор Каслмэн.— У меня уже два дня лежит это заявление, и мое первое ощущение наверное было таким же, как ваше. В этом деле есть нечто отталкивающее, патологическое! Но я очень трезво обдумал все и пришел к твердому заключению: риск приемлем.

Конечно, Эдвина понимала, что Клиф Каслмэн прав, ведь в оправданном риске и заключалась суть всей банковской деятельности. Каслмэн был также прав и в том, что мотивы сентиментального свойства не должны влиять на нее.

— Ну, что же,— сказала Эдвина,— несмотря на отталкивающий характер этой затеи, я поддерживаю вас.

Она черкнула свои инициалы на заявлении, и Каслмэн вернулся к своему столу... Таким образом, если не принимать в расчет историю с семейством Госбурнов, можно было считать, что этот день в банке начался вполне обычно.

●

На столе Алекса Вандервоорта лежал проект рекламы, подготовленной агентством Остина. Она предназначалась для всемерной популяризации кредитных карточек ПКА. Одно из возможных рекламных объявлений, например, гласило:

«ЗАЧЕМ БЕСПОКОИТЬСЯ О ДЕНЬГАХ? ПОЛЬЗУЙТЕСЬ КРЕДИТНЫМИ КАРТОЧКАМИ. ПРЕДОСТАВЬТЕ НАМ ВОЗМОЖНОСТЬ БЕСПОКОИТЬСЯ ЗА ВАС!»

В другом утверждалось:

«СЧЕТА СТАНОВЯТСЯ БЕЗБОЛЕЗНЕННЫМИ, КОГДА ВЫ ГОВОРИТЕ: РАСПЛАЧИВАЮСЬ КРЕДИТНЫМИ КАРТОЧКАМИ!»

В третьем рекомендовалось:

«ЗАЧЕМ ЖДАТЬ? ЗАВТРАШНЮЮ МЕЧТУ МОЖНО ОСУЩЕСТВИТЬ УЖЕ СЕГОДНЯ! ПРИОБРЕТАЙТЕ КРЕДИТНЫЕ КАРТОЧКИ!»

Было еще штук шесть других вариантов.

Что-то в них беспокоило Вандервоорта. Собственно, вопрос о введении этого новшества — карточек — был решен, и Алексу не надо было ломать голову. Рекламу в принципе уже одобрил отдел кредитных карточек, и она была направлена Алексу лишь для общего ознакомления. Кроме того, вся стратегия по этой важной и новой линии была обсуждена несколько недель тому назад на Совете директоров банка. Разумеется, было много подводных камней, которые предстояло преодолеть. С одной стороны, ожидалось увеличение прибылей, с другой стороны, как и при всех начинаниях, введение кредитных карточек сулило на первых порах некоторые потери и затруднения.

Алекс задумался: «Зачем Совету понадобилась такая откровенно агрессивная и навязчивая рекламная кампания?»

Он сложил гранки рекламы в папку. Вечером, дома, он подумает об этом еще раз. Тем более что есть возможность выслушать дополнительное мнение по этому поводу и, по всей вероятности, довольно резкое — от Марго...

Так оно и произошло.

— В жизни не видела рекламы, так густо приправленной ложью! — заявила Марго. Она взглянула на Алекса вызывающе, и оттого казалась еще более желанной.

— Почему? — спросил он. — Впрочем, я знал, что она тебе не понравится.

— Не понравится? Да она мне просто противна, эта реклама!

— Но почему? Почему?

Марго взяла обьявление, гласившее:

«ЗАЧЕМ ЖДАТЬ? ЗАВТРАШНЮЮ МЕЧТУ МОЖНО ОСУЩЕСТВИТЬ УЖЕ СЕГОДНЯ!»

— Ты лично видел когда-нибудь такое наглое коварство? Ведь это же откровенное и бессовестное навязывание людям лишних долгов. Это — сказки для легковерных дураков! Закабаление! Завтрашняя мечта для многих выльется в такую копеечку, ой-ёй-ёй... Потому-то она и мечта, потому-то никто и не может реализовать

ее сегодня, что у него сегодня нет ни денег, ни шансов на то, что они появятся в ближайшем будущем...

— Ну, видишь ли, каждый сам себе господин и волен поступить, как ему вздумается...

— Те, на кого вы рассчитываете, точнее те легковерные, которых вы хотите подтолкнуть этой бесстыдной «липой», сами решать не могут. Они наивно верят вот этому вашему вареву... Поверь, я их очень хорошо знаю... Подумать только!

— Не кипятись, не кипятись. Никто никого не насилует...

— Нет! Жертвы вашей извращенной рекламы наивны и легковерны как дети. Ведь они — люди весьма скромного достатка, неискушенные в фокусах большого бизнеса. Я-то их знаю. Это — мои клиенты...

— Тебе не кажется, что ты драматизируешь?

— Черт подери, Алекс! Ты же знаешь, что я права. Нынче даже более опытные клюнут на возню, которую вы затеяли вокруг кредитных карточек. И, в первую очередь, благодаря рекламному ажиотажу, который вы раздули вокруг них. Что вы только ни делаете! Вы скоро их раздавать будете на каждом углу...

Алекс широко улыбнулся. Он любил спорить с Марго.

— Как бы мне хотелось, Алекс, чтобы люди, берущие ваши кредитные карточки, поняли, что это — наглое вымогательство. Вы же деретe с них восемнадцать процентов!

— Ну, об этом мы уже с тобой говорили в прошлый раз...

— Да, говорили, и ты не смог дать более или менее вразумительное объяснение.

— Я тебе говорил, что кредитные карточки дают возможность покупателю получить целый ряд услуг от банка! — настаивал Алекс.— Если ты сложишь сумму этих услуг, то нетрудно будет убедиться, что проценты, которые мы получаем с покупателя, совсем не так уж велики.

— Ну, это ты брось! Это для тебя они невелики. А для того, кто их платит?

— Но мы ведь никого и не заставляем их платить! Оплачивай сразу! И проценты платить не придется.

— Можешь на меня не кричать! Я не глухая.

— Ну, ладно, ладно, извини. Еще коньяку?

— Да, пожалуйста.

Налив Марго коньяку, Алекс вернулся к прерванному разговору:

— Ты забываешь самое простое. Если клиенты будут сразу же оплачивать счета по своим кредитным карточкам, то мы никаких процентов с них не возьмем.

— Ты хочешь сказать — оплачивать полностью свои счета?

— Да, именно.

— Но кто же может позволить себе такую роскошь? Большинство оплачивает именно этот ваш хваленый «минимальный» процент!

— Ну, пожалуй, что так...

— Вот-вот! Они платят по этим счетам гроши, а основное висит у них на шее в качестве долга вашему банку. И вот на этом-то долге вы и наживаете свои ростовщические проценты. Разве не так?

— Допустим, — согласился Алекс. — Но ведь банки где-то должны получать свой приварок?

— Вот-вот! Я ночами не сплю, ломаю голову: откуда же бедным банкам извлечь прибыль?..

Он засмеялся, но она и ухом не повела.

— Послушай, Алекс, подумай о том, сколько настоящих бедолаг влезут по уши в долги, и все из-за ваших проклятых кредитных карточек. А во имя чего? Чтобы накупить дребедени... Напитки, пластинки, безделушки. Из-за кажущейся легкости. Плевать, что будет завтра! Зато сегодня все очень просто. Грошовый кредит получить у вас очень легко. А те же гроши, будь они вынуты из кармана деньгами, были бы все же каким-то сдерживающим моментом. Вот так и происходит закабаление на долгие-долгие годы...

Алекс вынужден был признаться самому себе в том, что Марго права. Раньше рабочий люд закладывал свои души в мелких хозяйских лавочках. Теперь появилась новая порода хронических должников, которые наивно продавали свои будущие заработки «дружелюбному» банку...

Главным социальным злом стало то, что кредитные карточки в массе своей заменили небольшие ссуды наличными. Если когда-то, выдавая такие ссуды, сотрудники банка пытались разубедить клиента в целесообразности долгов, часто необдуманных, то теперь уже никто никого ни в чем не разубеждал. И недаром некоторые социологи, как это было известно Алексу, счита-

ли, что кредитные карточки послужили ударом по общественной морали.

Разумеется, для банка введение кредитных карточек представляло большое удобство. Накладные расходы сокращались, а процент возрастал. В убытке оставался потребитель, ибо та же вещь, ранее приобретенная посредством обычной ссуды, обходилась ему теперь дороже. Ну, а уж банк выигрывал, да как! Итоговая банковская премия доходила до двадцати четырех процентов, поскольку торговля, имевшая дело с этими кредитными карточками, тоже платила банку от двух до шести процентов!

Так что оснований у Первого Коммерческого банка делать ставку на кредитные карточки было предостаточно, и по всей вероятности, у этого вида кредитования было прекрасное будущее.

Кроме того, стало ясно, что кредитные карточки были шагом на пути к созданию централизованной электронно-вычислительной системы, которая занималась бы банковскими операциями. Такая система лет через десять — пятнадцать могла бы вытеснить огромное количество обычных бухгалтерских операций, банковских книг, чеков, которые к тому времени станут таким же анахронизмом, как первый автомобиль.

— Прекратим эту дискуссию, — сказала Марго. — А то мы с тобой сейчас вцепимся друг другу в глотки. Как на заседании акционеров...

Она подошла к нему и поцеловала.

— Надеюсь,— сказала она с интонацией капризной девчонки,— что завтра ты сделаешь все возможное, чтобы эти объявления не увидели света...

— Постараюсь, милая,— сказал он, зная, что сделать это будет совсем нелегко.

Он обнял ее и тоже поцеловал. Марго улыбнулась.

— Для старого напыщенного ростовщика у тебя, в общем, покладистый характер...

— Я люблю тебя, Бреккен.

— Честно-пречестно? Поклянись честью банкира!

— Клянусь!

— Я у тебя еще немножко побуду,— потянулась она всем телом,— а потом уеду, у меня завтра утром слушается дело...

Марго часто выступала в суде как адвокат. Именно после одного такого выступления полтора года назад

она и познакомилась с Алексом. В тот раз Марго выступала в защиту шести демонстрантов, у которых произошла стычка с полицией во время митинга. Демонстранты требовали полной амнистии для тех, кто не хотел воевать во Вьетнаме. Ее воодушевленная защитительная речь привлекла довольно пристальное внимание прессы и публики. Особенно ее победа. Молодых людей оправдали, и дело было закрыто.

Спустя несколько дней после процесса, на приеме, устроенном двоюродной сестрой Марго Эдвиной Дорси и ее мужем Луисом, Марго царила в окружении поклонников и противников. Она приехала на этот прием одна. Как, впрочем, и Алекс, который уже много слышал о ней. Он стоял с бокалом вина, наблюдая, как та отбивалась от своих оппонентов, а затем присоединился к ним. Вскоре получилось так, что все отошли, оставив их одних, как двух гладиаторов.

Горячась, Марго сказала:

— А кто вы, собственно, такой?

— Тихий американец, убежденный в том, что армии нужна дисциплина.

— Даже при такой грязной войне?

— Солдат должен подчиняться приказам. Иначе — только хаос.

— Не знаю, кто вы на самом деле, но говорите вы как заядлый нацист. После второй мировой войны многие угодили на виселицу и, помнится, они приводили в свою защиту точно такие же доводы.

— Обстановка тогда была другая!

— Ничего подобного! На Нюрнбергском процессе говорилось, что солдаты должны прислушиваться к голосу своей совести и противиться аморальным приказам. Именно так и поступали те, кто сжигал мобилизационные предписания и отказывался ехать во Вьетнам.

— Американская армия не уничтожает евреев.

— О, да, конечно, в Сонгми и в других вьетнамских городах... Нет! Война не может быть чистенькой. А вьетнамская — грязнее, чем любая другая. И в ней запачкались все, от главнокомандующего до последнего солдата. Вот почему столько молодых американцев, и я не устану повторять это, прислушались к своей совести и отказались воевать.

Они бы еще долго спорили, но к ним подошла Эдвина и представила их друг другу. Однако это не отвлекло

их от ожесточенного спора. И потом Алекс долго еще вспоминал их первую встречу...

Надо сказать, что с течением времени Алекс изменил свою точку зрения. Он, как и многие другие американцы, окончательно разочаровался в так называемом «мире с честью». А еще позже, когда разразился Уотергейтский скандал со всеми его последствиями, Алексу стало окончательно ясно: и те, кто занимал высокие посты в правительстве, и те, кто говорил: «никакой амнистии для дезертиров!» — были виновны в значительно большей степени, чем молодежь, уклонявшаяся от призыва в армию. Бывали не раз и другие случаи, когда взгляды и доводы Марго заставляли Алекса кардинально менять свое мнение...

В течение первой недели ноября здоровье Бена Россели значительно ухудшилось. Его поместили в госпиталь. Последние нити, которые он держал, управляя Первым Коммерческим банком, выскользнули из его рук. Группа директоров банка решила созвать Совет, чтобы решить, кто же будет преемником Россели. Заседание состоялось 4 декабря.

Директора начали собираться около десяти утра. Они сердечно приветствовали друг друга, на лицах каждого из них лежал отпечаток уверенности, той самой, что так необходима, чтобы создавать впечатление преуспевающего бизнесмена.

Сердечность, однако, была несколько сдержанной: в этот час в больнице умирал Бен Россели. И, тем не менее, директора, собравшиеся здесь, адмиралы и маршалы коммерческого мира (впрочем, как и сам Бен), прекрасно понимали, что ничто не может сдержать колесницу бизнеса. Бизнес умер, да здравствует бизнес! В их настроении, казалось, доминировало вот что: да, причина, по которой мы здесь собрались, заслуживает всяческого сожаления, но наш священный долг перед системой мы выполним.

Совет директоров любой крупной американской корпорации похож на клуб для избранных. Помимо трех или четырех ведущих управляющих, которые находятся на полной ставке в данном учреждении, Совет состоит из двадцати или более видных бизнесменов. Нередко сами они подвизаются как председатели или президенты в других сферах финансов или промышленности.

В Совет директоров входят люди, приглашенные из разных соображений. Сюда относятся, в частности, личные деловые качества, престиж учреждения, которое они представляют, чаще же всего — тесные связи, в основном обычно финансовые, с компанией.

В среде бизнесменов считается высокой честью быть членом Совета директоров какой-нибудь компании, и чем солидней она, тем больше и честь. Вот почему многие озабоченно нахватывают директорские места в различных советах, подобно тому, как некогда индейцы собирали скальпы. Еще одно немаловажное обстоятельство, придававшее директорскому посту как бы особый соблазн, держалось в секрете от широкой публики. Дело в том, что директор крупной компании получал гонорар в размере от одной до двух тысяч долларов за каждое заседание, которое посещал. А их было обычно десяток в год.

Особенно престижным считалось состоять членом Совета директоров в крупном банке. Для американского бизнесмена получить приглашение в крупный банковский Совет — это примерно то же самое, что посвящение в рыцари самой королевой. Естественно, этой чести добивались многие. У ПКА, входившего в первую двадцатку американских коммерческих банков, была обойма весьма представительных и респектабельных директоров. Во всяком случае, так считалось.

Алекс Вандервоорт, наблюдая за директорами, занимавшими места вокруг овального стола для заседаний, решил, что среди пришедших было слишком много свадебных генералов. Увы, их участие в Совете приводило к столкновению интересов: они были членами Совета и одновременно широко пользовались кредитом в ПКА. Если бы Алекс стал президентом Первого американского, он немедленно преобразовал бы Совет директоров, да так, что тот перестал бы быть уютным клубом.

Но возьмут ли его? Он или Хейворд?

Обе их кандидатуры будут рассматриваться сегодня, через несколько минут оба они получат возможность

высказать свою точку зрения на перспективы развития банка. Джером Паттертон, вице-президент Совета (сегодня он будет председательствовать), несколько дней назад сказал Алексу:

— Вам отлично известно, что выбор колеблется между вами и Роско. Оба вы — замечательные парни, и сделать выбор совсем не так просто. Поэтому помогите нам. Расскажите откровенно, что вы думаете о перспективах Первого американского. Сделайте это в любой форме. Я даю вам карт-бланш.

Алекс понимал, что Роско Хейворд получил от Паттертона приглашение точно в таких же словах.

Напротив Алекса за столом заседаний сидел достопочтительный Гарольд Остин. Как всегда, он был изысканно одет, даже вызывающе, будто сошел со страниц журнала «Плейбой». Алекс встретился взглядом с Остином и поздоровался с ним. Остин кивнул ему, но Алекс почувствовал в кивке заметный холодок.

Неделю назад достопочтенный Гарольд зашел к Алексу опротестовать вето, наложенное на рекламу кредитных карточек, разработанную агентством Остина.

— Вы ведь знаете, что расширение торговли кредитными карточками санкционировано Советом директоров,— заявил достопочтенный Гарольд.— Более того: главы отделов, занимающихся кредитными карточками, одобрили предложенные рекламные объявления и всю кампанию еще до того, как вы занялись этим делом. Я, право же, не знаю, что мне делать после вашего скоропалительного и даже несколько высокомерного решения. По всей вероятности, мне придется обратить на это внимание Совета...

Алекс был категоричен:

— Начнем с того, что для меня не секрет решение Совета по поводу кредитных карточек, поскольку я на этом заседании присутствовал. Однако, принимая решение, они отнюдь не намеревались связать развитие кредитных карточек с на редкость сомнительной и крикливой рекламой. Полагаю, что это скорее дискредитировало бы наш банк. Я твердо убежден, что люди, которые работают у вас, Гарольд, способны на что-то более пристойное. Более того, они уже это сделали. Я видел и одобрил новый вариант рекламы. Что касается моей высокомерности, то я поступил в пределах своей компетентности и намерен в дальнейшем использовать свое право так же. Если вы хотите обжаловать мои действия

в Совете, я предоставляю вам для этого полную возможность, но смею надеяться, что Совет согласится скорее со мной, чем с вами.

Гарольд покраснел, но, судя по всему, решил не разжигать конфликт, ибо, так или иначе, реклама была сделана его агентством, и на исправленном варианте они заработают ничуть не меньше, чем на старом.

Однако Алекс знал, что нажил врага. Впрочем, достопочтенный Гарольд, совершенно очевидно, и без того предпочитал Роско Хейворда. Так что наверняка он будет его поддерживать и сегодня. Среди друзей Алекса наиболее влиятельно и горячо выступит в его пользу Леонард Кингсвуд, энергичный председатель компании «Нортем». Сейчас он сидел возле Паттертона, беседуя с соседом. Именно Лен Кингсвуд позвонил Алексу, чтобы поставить его в известность об активной кампании, которую вел Роско Хейворд:

— Я, понятно, не рекомендую вам делать то же самое, Алекс, хотя вам видней. Однако я решил предупредить вас о кознях Роско. Не дай бог, он преуспеет... Конечно же, меня он не обдурит. Ему этот пост не по плечу, и я ему прямо об этом сказал. Но у него умелый подход к простакам, и это поможет ему поймать кое-кого на удочку.

Алекс подблагодарил Лена Кингсвуда за информацию. Он отнюдь не был намерен подражать тактике Хейворда...

Гул голосов за столом стих. Подождав, пока запоздавшие рассядутся, Джером Паттертон, сидевший во главе стола, постучал молоточком и объявил:

— Джентльмены, прошу внимания!

Сегодня был как бы бенефис Паттертона, весьма необычный для него в последнее время. Ему уже было за шестьдесят, приближалась пора отставки и, надо сказать, вел он себя более чем скромно, а его титул вице-президента был больше декоративным. Мнение Алекса Вандервоорта о Паттертоне как вице-президенте можно было бы сформулировать следующими словами: человек с исключительными способностями, пропадающими втуне.

Как и следовало ожидать, Джером Паттертон начал свое выступление с бюллетеня о состоянии здоровья Бена Россели. После чего перешел к делу:

— Большинство из вас, джентльмены, в курсе того ритуала, который мы должны совершить сегодня. Роско Хейворд и Алекс Вандервоорт выступят с обращением

к Совету, затем оба покинут заседание; их кандидатуры будут обсуждаться заочно.

Опять-таки в соответствии с установившейся традицией первое слово было предоставлено Роско Хейворду, на что Алекс заметил:

— Ну что ж! За мной последнее слово...

Раздался легкий смех, несколько растопивший лед. Роско Хейворд улыбнулся вместе со всеми и, встав, обратился к присутствующим:

— Большое спасибо за предоставленное мне слово, господин председатель и уважаемые члены Совета! Сегодня у нас закрытое заседание. Оно не будет освещено в прессе, оно также не будет доведено до сведения акционеров, и я могу быть полностью откровенен. Свою первейшую задачу, как и задачу этого Совета, я вижу во всемерном приумножении прибыли ПКА. Я подчеркиваю: именно прибыли, джентльмены. Ибо она — наша цель номер один!

Хейворд быстро заглянул в текст и продолжал:

— Позвольте мне остановиться на этом более подробно. Я вижу, что слишком многое в банковском деле и в бизнесе вообще за последнее время оказывается под влиянием всевозможных общественных проблем и противоречий, характерных для нашей эпохи. Как банкир, я думаю, что это — зло. Позвольте мне подчеркнуть, что я ни в коей мере не пытаюсь уменьшить значение общественного сознания индивидуума: я надеюсь, что и мое общественное сознание развито в достаточной степени. Я согласен, что все мы обязаны время от времени ревизовать шкалу личностных ценностей, чтобы привести их в соответствие с новыми идеями. Благодаря этому мы сможем внести весомую лепту в общее дело. Но это, так сказать, в личном плане. Корпоративная политика — нечто иное. Она не должна зависеть от модных поветрий и общественных проблем. Если же кое-кто считает, что бизнес может подчиняться политическому и социальному давлению, то я скажу прямо: это гибельно для свободного предпринимательства в Америке и опасно для нашего банка. Это чревато сдачей позиций, задержкой роста и сокращением прибылей. Иными словами, нам надо научиться пренебрегать социально-политическими проблемами; это — не наша забота. Разумеется, я не говорю о тех случаях, когда речь идет о финансовых интересах наших клиентов...

Здесь докладчик улыбнулся, как бы разбавляя яд своих слов:

— Я, конечно, понимаю, что будь эти слова высказаны на публике, они прозвучали бы отталкивающе. Но в кругу своих, где принимаются реальные решения, где делается политика бизнеса, я могу быть откровенным.

Многие собравшиеся одобрительно закивали, а один даже с энтузиазмом стукнул кулаком по столу.

Алекс Вандервоорт подумал: «Итак, Хейворд решил бросить ему перчатку прямо в лицо и идет на открытый конфликт не только с ним, но и с убеждениями Бена Россели».

Впрочем, с одним заявлением Хейворда Алекс был полностью согласен. А именно, с его словами, что здесь формируется реальная политика. Покуда акционеры и общественность получают розовую картину банковской стратегии из элегантно составленных годовых отчетов, за закрытой дверью зала заседаний истинные ее цели обсуждаются в самых бескомпромиссных выражениях.

— Я бы хотел провести параллель, — продолжал объяснять свою точку зрения Хейворд, — между моими словами и тем, что произошло в церкви, которую я усердно посещаю. В шестидесятые годы наша церковь тратила много денег, времени и сил на общественные проблемы, особенно на борьбу за равенство черных. Частично это шло за счет давления извне, но многие члены конгрегации считали, что это было как раз «то самое», что нужно и важно. Однако не так давно нам удалось установить контроль над вредными влияниями, и мы высказались против деятельности, не соответствующей духу церкви. Мы потребовали возвращения к истинно религиозным целям. Мы умножили число общественных церемоний, и основная задача нашей церкви, как мы ее видим, сегодня выполняется. Что же до всевозможных общественных акций, то мы оставляем это поле деятельности государству и организациям, которым надлежит этим заниматься...

— Я говорил о прибыли, как о нашей главной цели — продолжал Роско Хейворд.— Однако я знаю, что найдутся и несогласные с этой установкой. Они скажут, что погоня за прибылью — это близорукая, эгоистичная и неправедная цель, не имеющая благородного общественного резонанса.

Здесь докладчик снисходительно улыбнулся.

— Вы, джентльмены, не хуже меня знаете, какие аргументы выдвигаются в этих случаях... Как банкир, я совершенно не согласен с ними. Стремление к прибыли — не близорукость. И когда дело касается банка вообще, то общественная ценность прибыли чрезвычайно высока. Позвольте мне пояснить это. Все банки измеряют прибыль увеличением дивиденда, получаемого от акции. Это — объект общественного внимания. Он тщательно изучается владельцами акций, вкладчиками и деловым миром как внутри страны, так и на международном рынке. Рост или падение банковских прибылей рассматривается как сила или слабость банка. Когда стоимость акций растет, банку доверяют. Но что произойдет, если в любом, даже самом большом, банке начнут падать акции? Общее волнение, переходящее в беспокойство, в панику, после чего вкладчики тут же начнут забирать вклады, а акционеры — свои инвестиции. Да так, что акции резко покатятся вниз, и банк окажется под смертельной угрозой. Короче говоря, настанет общественный кризис весьма печального свойства...

Роско Хейворд снял очки, протер их белым платком и продолжал:

— И пусть никто даже не пытается мне доказать, что такое не может произойти! Так было до депрессии, которая началась в двадцать девятом году. И несмотря на то, что нынче банки значительно сильней, такие катаклизмы могут иметь место! Вот почему банк наш должен быть начеку и задача его — делать деньги. Как для себя, так и для держателей его акций.

По залу вновь прокатился гул одобрения. Хейворд перевернул следующую страницу текста.

— А как нам удается получать максимальную прибыль? Я покажу вам сначала, как нам никогда не удастся ее получить. Нас ждет провал, если мы займемся всевозможными проектами, которые, при всем их благородстве, либо финансово порочны, либо обрекают банковские фонды на низкие прибыли и на очень долгий период. Я, в частности, имею в виду финансирование малодоходных жилых домов. Не думаю также, что нам, банкирам, следует вмешиваться в сомнительные предприятия, связанные с защитой окружающей среды.

Это совсем не наше дело судить, как клиенты ведут свои дела в условиях окружающей среды. Всех нас должно интересовать только одно: чтобы эти дела отличались добрым финансовым здоровьем. Короче говоря,

прибыль ускользнет от нас, если мы вознамеримся стать няньками, судьями или тюремщиками наших клиентов.

Разумеется, время от времени мы должны поднимать свой голос в пользу благородных общественных целей. Это касается и жилищного строительства, и таких гражданских проблем, как улучшение окружающей среды, развитие энергетики и тому подобное. Как-никак, наш банк обладает достаточным влиянием и престижем, который мы можем использовать без всяких финансовых потерь. Мы даже можем выделить на общественные нужды некие символические суммы! Ну, а наш отдел связи с прессой сделает все, чтобы этот вклад стал хорошо известен... Более того,— Хейворд усмехнулся,— значение этого вклада не грех малость и преувеличить. Но для получения максимальных прибылей мы должны вкладывать наши средства в плодоносные отрасли...

Алекс Вандервоорт подумал, что, при всей уязвимости речи Хейворда, никто потом не сможет сказать, что он недостаточно точно изложил свою точку зрения. В определенном смысле его откровения были честным изложением взглядов. Вместе с тем, в них был весьма циничный и хитрый расчет.

— Увы,— воскликнул Хейворд,— я считаю, что Первый Коммерческий Американский банк в настоящее время не располагает достаточными фондами, чтобы предоставить крупные и выгодные кредиты промышленности! И мы должны разработать программу увеличения таких кредитов...

Это был знакомый мотив в устах Роско Хейворда. Алекс Вандервоорт и Бен Россели неоднократно спорили с ним по этому поводу в прошлом. Аргументы, выдвигавшиеся Хейвордом, были не новы, хотя приводил он их весьма убедительно, с цифрами и схемами. Алекс видел, что это и сегодня производило на собравшихся сильное впечатление...

Хейворд говорил еще минут тридцать, развивая свои идеи, и закончил тем, что́ он сам квалифицировал как обращение к разуму:

— На сегодняшний день в банковском деле прагматическое руководство нужно, как воздух. Такое руководство не будет тратить деньги во имя сомнительных целей под звуки фанфар так называемого общественного мнения. Как банкиры, мы должны уметь говорить «нет», когда наша финансовая точка зрения негативна, и «да», если мы предвидим крупную прибыль. Мы не

должны завоевывать дешевую популярность за счет держателей наших акций!

Хейворд сел под аплодисменты присутствовавших.

— Господин председатель, — Леонард Кингсвуд поднял руку.— У меня есть несколько вопросов к докладчику. Я не во всем с ним согласен...

Сидевший на другом конце стола достопочтенный Гарольд Остин быстро вставил:

— Прошу запротоколировать, господин председатель: у меня, например, нет вопросов, и я полностью согласен с мнением Хейворда!

Раздался смех. Но вмешался Филипп Йохансон:

— Я полностью разделяю точку зрения Гарольда, я убежден, что нам давно пора занять более жесткую позицию!

— Мы — тоже! — воскликнули сразу несколько человек.

— Джентльмены, джентльмены! — Джером Паттертон, постучал молоточком.— Мы завершили только часть дела. Я дам вам время для дискуссии несколько позже. Что касается разногласий, то я предлагаю обсудить их во время этой дискуссии, когда Роско и Алекс уйдут. А теперь нам надо выслушать еще и Алекса...

— Большинство из вас хорошо меня знают и как человека, и как банкира,— начал Алекс.— Вам также известно, что, как банкир, я совсем не мягкотелый, если такое слово уместно. Доказательств тому существует немало. Что же касается банковского дела, как, впрочем, и любого другого бизнеса, то когда вы имеете дело с прибылью, то всегда действуете с позиции силы...

— Я рад, что Роско поднял этот вопрос, потому что это дает мне возможность заявить о моих убеждениях и о моей вере в прибыль...

Кто-то недоверчиво хмыкнул.

— Я тоже полностью согласен,— продолжал Алекс,— с тем, что нам необходимо кардинально улучшить положение дел на этом фронте. Подробней я остановлюсь на этом вопросе чуть позже, а сейчас позвольте вернуться к вопросу об убеждениях.

Разрешите заметить, что цивилизация в это десятилетие развивается более разумно, целесообразно и быстро, чем в любое другое время с возникновения промышленной революции. Хотим мы того или нет, все это является социальной революцией сознания и поведения.

Кое-кому эта революция не нравится. Мне нравится.

Но как бы там ни было, этот фактор существует отныне и навеки...

Он подумал, стоило ли ему открыто бросать вызов Хейворду, и решил, что стоило.

— Роско говорил здесь о своей церкви. Он рассказал нам о консерваторах, которые настаивают на политике невмешательства в общественную жизнь. Ну что ж, я твердо убежден в том, что Роско и его единомышленники — ретрограды. Их философию нельзя назвать ни разумной христианской, ни разумной прагматической...

Хейворд, подскочив, возмущенно воскликнул:

— Это крайне некорректный личный выпад, не говоря уже о том, что это извращение моих слов!

Алекс спокойно ответил:

— И то, и другое — неправда.

Гарольд Остин постучал по столу костяшками пальцев:

— Господин председатель! Не будем переходить на личности...

— Роско привел свою церковь в качестве примера,— примирительно сказал Алекс,— и я просто комментирую этот пример.

— Я бы на вашем месте этого не делал,— резко сказал Филипп Йохансон.— Иначе мы начнем судить и о вас по некоторым примерам... И боюсь, что тогда весы склонятся в пользу Роско и его церкви!

Алекс покраснел:

— Позвольте спросить, что вы имеете в виду?

Йохансон передернул плечами:

— Насколько мне известно, вы проводите свободное время с одной дамой, пока ваша законная жена лежит в безнадежном состоянии в психиатрической клинике. А дама эта — активистка крайне левого толка... Не потому ли вы так ратуете за вмешательство в дела общества?

Джером Паттертон громко застучал молотком:

— Достаточно, джентльмены! Я настаиваю на том, чтобы прекратились всякие личные выпады.

Йохансон довольно улыбнулся: он все-таки успел сказать свое слово.

Алекс Вандервоорт хотел сделать энергичное замечание, что его личная жизнь — это его собственное дело, но решил промолчать. Не сейчас. Он понимал, что допустил серьезную ошибку, проведя анализ с церковью Хейворда.

— В таком случае,— сказал он,— позвольте мне возвратиться к моим исходным положениям. Каким образом мы, банкиры, можем позволить себе закрывать глаза на бурно изменяющуюся действительность? Это все равно, что стоять на палубе в шторм и делать вид, будто ветра не существует в природе!...

Занимая жесткие и исключительно прагматические финансовые позиции, мы далеко не уйдем. Все сидящие за этим столом знают из личного опыта — успех в бизнесе достигается не игнорированием движения, а, скорее, наоборот — предвосхищением событий и быстрой реакцией на них!

В нашей стране — четырнадцать тысяч банков с огромными кредитными возможностями. Да, когда речь идет о займах для промышленности, мы должны отдавать себе отчет в том, что сюда входит вопрос и об ответственности с нашей стороны. Да, предоставляя займ кому-либо, мы должны тщательно оценивать должников и с общественной точки зрения. Если мы даем деньги заводу, мы должны знать, будет ли он загрязнять воздух? Будет ли новый продукт достаточно безопасен для людей? Насколько честна рекламная кампания какой-нибудь фирмы? Если стоит выбор между компаниями «А» и «Б», мы должны одалживать деньги той, что в меньшей степени запятнана. И так далее...

Он оглядел стол, пытаясь встретиться со взглядом каждого директора.

— Согласен, что подобные проблемы не возникали раньше с такой остротой. Но факт налицо! Они все больше становятся частью мудрого и трезвого отношения к бизнесу, и я думаю, что ПКА должен плыть в их фарватере. Ибо в любом учреждении мудрость и трезвость могут приносить бóльшие дивиденды, а в банковском деле — особенно. Не менее важным является и то, что лучше сделать это сейчас, самим и по собственной воле, не дожидаясь, пока нас заставит это сделать неумолимое время...

Я верю, как верит и Бен Россели, что мы должны принимать деятельное участие в улучшении жизни нашего города и нашего штата. А самой непосредственной и большой помощью и участием может быть наше активное финансирование строительства жилых домов с дешевыми квартирами — то, что мы уже сделали в какой-то степени на ранней стадии строительства «Фэ-

рум Ист». И я считаю, что со временем наш вклад должен быть увеличен...

Почти в самом конце своего выступления Алекс сказал:

— Вместе с тем, я подчеркиваю, что отношения нашего банка с промышленностью должны оставаться самыми близкими. Займы, выделяемые бизнесу, будут опорой нашей деятельности, но не единственной. И совсем не обязательно, на мой взгляд, чтобы они были крупнейшими по своим размерам. По-моему, мы не должны увлекаться гигантоманией, ибо тогда преуменьшается значение малых счетов и малых займов. А ведь за ними стоят люди, граждане нашей страны, народ...

Как и после доклада Хейворда, собравшиеся поаплодировали Алексу. Правда, в основном это были вежливые, дежурные рукоплескания. Он понимал, что каков будет выбор между ним и Хейвордом, пока еще трудно предсказать, хотя мнения, пожалуй, разделились.

— Спасибо, Алекс! — сказал Джером Паттертон и оглядел стол.— Если есть вопросы, джентльмены, задавайте их...

Примерно через полчаса Роско Хейворд и Алекс Вандервоорт вместе покинули зал заседания. Они пошли к себе, чтобы в тиши кабинетов дождаться решения Совета.

Директора проспорили до конца утреннего заседания, но к заключению так и не пришли. Было решено сделать перерыв и пообедать. Оживленные споры продолжались даже за обедом, когда неожиданно в зал вошел официант и протянул Джерому Паттертону поднос, на котором лежал сложенный вдвое листок бумаги.

Вице-президент взял листок, развернул его и прочел. Затем Паттертон встал, подождал, пока стихнет разговор, и объявил:

— Джентльмены! — голос его слегка дрожал.— С глубоким прискорбием я должен известить вас, что наш дорогой, горячо любимый всеми президент Бен Россели скончался десять минут тому назад...

На этом со всеобщего согласия и без дальнейшей дискуссии Совет прервал свою работу.

Смерть Бена Россели привлекла внимание международной прессы, и многие газетчики воспели ее на мотив

«Гибели богов». Похороны состоялись в среду второй недели декабря. Семейство Дорси приехало на похороны вместе с Марго и Алексом. Все четверо часто встречались, и не только потому, что Эдвина и Марго были двоюродными сестрами, но и по той причине, что им было приятно находиться в компании друг друга. Луис Дорси, глядя поверх очков на телевизионных операторов и фотокорреспондентов, заметил:

— Все это, конечно, очень грустно и угнетающе, но я должен сказать вам, что газетные статьи об этом событии ударят по акциям ПКА с еще большей силой...

Алекс мрачно кивнул в знак согласия. Как и Луис, он знал, что акции Первого Коммерческого на бирже уже упали на пять с половиной пунктов с тех пор, как стало известно о болезни Бена. Марго, не упускавшая случая поддразнить Луиса, спросила:

— А что бы вы хотели написать в банковском «Бюллетене Дорси» в связи с похоронами?

— Я бы с удовольствием выпустил номер под названием «Прощальный». А заголовок передовой был бы такой: «Похороните доллар США вместе со мной! И вы об этом не пожалеете: он все равно мертв»... Ну, а затем,— продолжал Луис,— я бы призвал Америку учредить новую денежную единицу, которая заменила бы доллар, и предложил бы назвать ее «Луидорси США»...

Марго спросила:

— А чего вы хотите в идеале?

— Я хочу, чтобы все, наконец, посмотрели правде в глаза: Америка погубила не только свою собственную, но и мировую денежную систему из-за своей неразумной политики, жадности и долгов. Я бы хотел, чтобы все, наконец, поняли, что банкротству подвержены целые нации, не только отдельные концерны. Я хочу, чтобы все осознали, что Соединенные Штаты находятся на грани банкротства. Видит бог, уже есть все признаки этого. Падение валют — дело не новое. Наш век полон примеров. Правительство заболевает сифилисом инфляции, без конца печатая деньги, не имеющие обеспечения золотом или другими активами. Последние пятнадцать лет Соединенные Штаты занимались именно этим...

— Вы правы! Сегодня в хождении больше долларов, чем это необходимо,— признал Алекс.— И даже люди с куриными мозгами в этом уже не сомневаются...

Луис кисло кивнул:

— Кроме того,— продолжал он,— слишком много долгов. Их так много, что они никогда не будут оплачены! Американское правительство тратило миллиарды долларов безумно и отчаянно, а затем прибегало к печатному станку, чтобы наляпать еще бумажек и увеличить инфляцию... И многие следовали его примеру.— Луис показал на груды венков, колыхавшихся в траурном кортеже.— Банкиры вроде Бена Россели способствовали нагромождению долгов на долги... Да и ты, Алекс, со своими кредитными карточками и так называемыми «легкими» займами. И когда только люди поймут, что нет на свете «легких» долгов? Истинно говорю тебе, американцы утеряли то, что некогда имели: финансовую разумность и трезвость ума.

Марго улыбнулась:

— Знакомый почерк бюллетеня!

— Нет, это не почерк бюллетеня. Это — глас вопиющего в пустыне!..

— Хватит вам спорить! — вмешалась Эдвина.

Но Луис не унимался и продолжал:

— Для большинства нет никаких надежд, денежная игра сделана: часы показывают пять минут первого.

Алекс молча глядел в ветровое стекло... Иногда, думал он, Луис слишком театрален и категоричен в своих предсказаниях, хотя в его суждениях всегда заметно рациональное зерно. И что касается финансового краха, который ждал их впереди... Луис вполне мог оказаться прав. Случись он,— это будет один из самых страшных крахов в истории. Кстати, Дорси в своих предсказаниях отнюдь не одинок. Многие финансовые ученые мужи разделяли его точку зрения, несмотря на то, что она была крайне не по вкусу официальным кругам...

Повернувшись к Луису, он спросил:

— Ну, а вот, учитывая вашу концепцию о неизбежном крахе и подразумевая, что вы сами — вкладчик, в какой банк вы вложили бы свои средства?

Луис ответил не колеблясь:

— В большой! Когда крах настанет, маленькие банки лопнут первыми. Так было в двадцатые годы: они полетели, как сбитые кегли. И это произойдет еще раз, потому что у маленьких банков нет достаточного количества наличных, чтобы спастись в случае набега клиентов, отзывающих вклады... Но эти банки не останутся в одиночестве. Вместе с ними полегят в тартарары не-

которые большие банки, даже те, у которых миллионы долларов вложены в промышленность.

Машина замедлила ход и остановилась. Они подъехали к кладбищу, въехали на главную аллею. Выйдя из машины, Марго взяла Алекса под руку, и они влились в общий грустный поток процессии, медленно следовавшей за Беном Россели...

Роско Хейворд и Алекс Вандервоорт не пришли на заседание Совета, который собрался вновь после смерти Россели. Оба они ждали в своих кабинетах, пока их позовут в зал и объявят результаты голосования.

Их вызвали перед обедом. В зал заседаний был также приглашен вице-президент банка по связи с общественностью и прессой — Дик Френч, который должен был передать газетам и радио информацию о вновь назначенном президенте ПКА. Дик Френч уже заранее заготовил два объявления; к ним были приложены фотографии; заголовки над каждым текстом сообщали:

«Роско Д. Хейворд назначен президентом Первого Коммерческого Американского банка».

«Алекс Вандервоорт назначен президентом Первого Коммерческого Американского банка»...

Конверты были уже надписаны, наготове были и рассыльные. Результаты следовало немедленно передать телеграфным агентствам, газетам, телевизионным станциям и радиокомпаниям; еще несколько сот конвертов уйдут экстренной почтой сегодня же вечером.

Хейворд и Алекс вместе вошли в зал. Они сели на свои обычные места. Вице-президент по связи с общественностью и прессой подошел к председателю собрания Джерому Паттертону. Честь объявить результаты голосования была оказана старейшему члену Совета директоров достопочтенному Гарольду Остину.

— Джером Паттертон, — торжественно объявил он,— до настоящего момента бывший вице-президентом, будет президентом Первого Коммерческого Американского банка с этой минуты!

Выражение лица у вновь испеченного президента было несколько растерянным...

В тот же день Джером Паттертон приватно беседовал с Хейвордом и Вандервоортом.

— Меня назначили как бы временным папой на промежуточный период,— сообщил он им.— Я, как вы знаете, не добивался этого назначения и не хотел его. Вы знаете так же, как и все, что осталось тринадцать месяцев до того, как я уйду в отставку. Но Совет не пришел ни к какому соглашению по поводу вас, теперь у него будет время посмотреть на вашу работу, чтобы прийти к определенному заключению... Тем временем я намерен сделать все, что в моих силах, и мне нужна ваша помощь. Ведь в конечном счете, чем больше вы будете помогать мне, тем больше у каждого из вас будет шансов на продвижение. Так что обещаю вам интересный годик!

Первая ласточка грядущих неприятностей появилась на горизонте в середине января. Это был фельетон в колонке местной хроники и, конечно же, под рубрикой «Подслушано одним ухом».

Фельетонист истекал ядом.

«...Сибиллы в городских «шанхаях» предсказывают скорое и существенное сокращение капиталовложений в «Форум Ист»... «Слышь,— шепчут соседи друг дружке,— говорят, у них нет денег на это полезнейшее дело. А у кого они нынче есть?..»

Фельетончик поначалу ускользнул от внимания Алекса, но в понедельник утром, очерченный красным карандашом заботливой рукой секретарши, он красовался на его столе среди деловых бумаг.

После обеда позвонила Эдвина и спросила, ознакомился ли он с этой сплетней и что, по его мнению, за ней крылось. Беспокойство Эдвины было вполне оправдано: уже на дебюте программы «Форум Ист» ее отделение переводило деньги для оплаты первоначальных взносов, амортизационных отчислений и вообще вело всю бухгалтерию. На сегодняшний день «Форум Ист» стал важнейшим участком работы целого банковского отделения.

— Дыма без огня не бывает! — волновалась Эдви-

на.— И, думается, я имею право быть в курсе всяких изменений...

— Насколько я знаю,— заверил Алекс,— пока ничего не изменилось!

Увы, через два-три дня и он забеспокоился, прочитав на этот раз уже проблемную статью, посвященную программе «Форум Ист». Да не в каком-нибудь скандальном капустном листке, а в солидной дневной газете — «Таймс Рэджистер».

В статье говорилось:

«Растет беспокойство о судьбе замечательного проекта, и слухи категоричны: финансирование вот-вот драматически сократят либо вовсе аннулируют.

Проект ставил своей долгосрочной задачей полную оздоровительную реконструкцию городских окраин. Им занимался консорциум различных предпринимателей под эгидой ПКА.

Официальный представитель Первого Коммерческого дал сегодня понять, что банку известно о слухах, но отказался их прокомментировать «до особого распоряжения»...

По программе «Форум Ист» некоторые городские кварталы частично уже перестроены или модернизированы. Закончен один жилой комплекс с низкой квартплатой. Строительство другого такого комплекса пока в полном разгаре»... Алекс прочитал статью дома, за завтраком. Прибыв в банк, он тотчас вызвал Дика Френча. Вице-президент по связи с прессой и общественностью, в прошлом сам финансовый репортер, был человеком неудобным. Он резал правду-матку прямо в глаза, но свой отдел вел безукоризненно и с огромным знанием дела.

— Прежде всего,— потребовал Алекс,— я хотел бы знать, кто этот «официальный представитель»?

— Я! — бухнул Френч.— Кто же еще? И я скажу вам, не тая, что меня чуть не стошнило, когда я трепался об этом самом «до особого распоряжения»... Брр... Но, видите ли, мистер Паттертон соизволил так выразиться и мне велел... А больше, мол, ни гу-гу!

— Ну, хорошо, допустим. Но что все-таки кроется за этим «ни гу-гу»?..

— Спросите что-нибудь полегче, Алекс... Только я вам скажу: какой-то клей варится. Уж не знаю, какой, но чем скорей мы выложим карты на стол, тем лучше. Уж вы мне поверьте!

Алекс чуть не поперхнулся от ярости:

— Но со мной-то могли проконсультироваться, по крайней мере?

Глава пресс-отдела был изумлен:

— Слушайте, мне и в голову не пришло, что вы ни о чем не знали!.. Когда я звонил вчера Паттертону, я явственно слышал там голос Роско. Вот и я предположил, что и вы там были.

— В следующий раз, — сухо сказал Алекс,— не предполагайте, а старайтесь убедиться... Вы свободны, Дик. Пока...

Проводив Френча, Алекс позвонил в приемную, чтобы узнать, у себя ли Паттертон. Секретарша сказала, что президент банка отсутствует, но скоро будет и примет Вандервоорта ровно в одиннадцать. Алекс мысленно выругался и вернулся к своей переписке...

Без двух минут одиннадцать он миновал устланный роскошным ковром коридор, ведший к приемной Паттертона... Холодный зимний свет заливал просторное помещение президентского кабинета. Сам президент восседал за большущим письменным столом. Взор его был устремлен на газету. Алекс тотчас узнал номер со злополучной статьей...

Рядышком на диване, примостился Роско Хейворд.

Все трое обменялись приветствиями после чего Паттертон возвестил:

— Я попросил Роско остаться, ибо предчувствовал содержание нашей беседы.— Палец президента уткнулся в статью.— Конечно же, вы уже прочитали это...

— И не только прочитал, но даже вызывал Френча на ковер. Он сказал, что вы с Роско еще вчера обговорили все для печати... И мой первый вопрос к вам такой: почему, хотел бы я знать, меня не проинформировали? А ведь я к программе «Форум Ист» имею такое же касательство, как и вы оба...

— Да, да, Алекс! — с чувством сказал Паттертон, скрывая смущение.— Вас, разумеется, должны были проинформировать... Но дело, знаете, в чем? Вот уж не догадаетесь! Мы буквально опешили, когда поняли, что произошла утечка... Это было видно по газетчикам, которые звонили...

— Утечка чего, бог мой? — спросил Вандервоорт.

Хейворд ответил за Паттертона:

— Ну, скажем так, утечка информации о предложении, которое я собираюсь сделать комиссии по денежной

политике в следующую пятницу. Я хочу предложить сокращение теперешних банковских обязательств по отношению к «Форум Ист» на пятьдесят процентов...

На фоне всего услышанного ранее такое подтверждение слухов для Алекса не было неожиданностью. Удивлен он был кардинальной сменой курса. Он обратился к Паттертону:

— Послушайте, Джером, должен ли я так понимать, что вы потворствуете этому невероятному безумию?

На щеках Паттертона разлился легкий румянец.

— Это и так, и не так, Алекс... Окончательно я выскажусь в понедельник. Правда, Роско ходит за мной по пятам, стараясь заранее склонить меня на свою сторону...

— Это правда,— без обиняков подтвердил Хейворд.— Вполне законная тактика. И не вынуждайте меня напоминать вам, что во множестве случаев вы сами подсказывали Бену на ушко ваши идеи, не дожидаясь заседания комиссии...

— Если и так,— сказал Алекс,— то эти идеи были куда благоразумней вашей.

— Это вы так думаете!

— Не только. У моих идей находилось много сторонников.

— Мое непреклонное мнение,— невозмутимо сказал Хейворд,— заключается в том, что деньги банка надо вкладывать в более выгодные объекты... Кстати, Джером, все эти слухи могут сыграть нам на руку в том случае, если мое предложение пройдет. Шок будет не таким неожиданным...

— Ах, вот как? — сказал Алекс.— А может быть, это вы сами и распустили слухи?

— Вот уж нет, уверяю вас!

— Тогда как же объяснить их появление?

Хейворд пожал плечами:

— Как угодно! Откуда я знаю? Совпадения... Случайности...

«Совпадения? — подумал Алекс. — Или кто-то, близкий к Хейворду, спел под его дудку? Да. Им мог быть достопочтенный Гарольд. Глава рекламного агентства все время терся в газетных кругах. Хотя, впрочем, с точностью теперь этого уже никогда не узнаешь...»

Паттертон поднял морщинистую руку:

— Призываю вас обоих поберечь свой дискуссионный пыл до понедельника. Тогда обо всем и поговорим...

— Зачем дурачить самих себя? — настаивал Вандервоорт.— Нам надо решить, какая прибыль разумна и какая нет...

— Ну, ну, Алекс,— снисходительно улыбнулся Хейворд,— лично я всегда считал, что любая прибыль хороша...

— И я тоже,— поддержал Строэн.— Хотя в некоторых случаях погоня за сверхприбылью выглядит нескромно и чревата опасностями. Все сразу же начинают болтать! А ведь в конце бюджетного года мы обязаны давать цифры...

— И это еще одна из причин,— добавил Алекс,— в силу которой мы должны следить за равновесием прибыли и оказываемых обществу услуг.

— Прибыль,— напыщенно сказал Роско,— это и есть главная услуга, которую мы оказываем держателям наших акций. Именно такое служение обществу я выдвигаю на первый план.

Кроме Роско Хейворда, в комиссию по финансовой политике банка входили Алекс и два других вице-президента — Строэн и Орвил Янг. Комиссия решала вопросы использования денежных фондов банка. Она рассматривала наиболее важные дела, требующие дальнейшего утверждения Советом директоров, хотя еще не было случая, чтобы он отменил решение комиссии. Суммы, которые обсуждала комиссия, были за редким исключением ниже многих десятков миллионов долларов.

Президент банка иногда присутствовал на заседаниях комиссии, но включался в ее работу только тогда, когда количество голосов, поданных за то или иное предложение, делилось поровну. Джером Паттертон, хотя и председательствовал на сегодняшнем заседании, но в дискуссию не вмешивался. На обсуждении стояло предложение Роско Хейворда о резком сокращении финансирования проекта «Форум Ист». Первый Коммерческий Американский банк в ближайшее время собирался вложить в осуществление проекта пятьдесят миллионов долларов. Однако Хейворд предложил сократить эту сумму ровно вполовину.

Он сказал так:

— Мы, ясное дело, постараемся дать понять всем заинтересованным лицам, что не намерены выходить из консорциума «Форум Ист». Мы останемся верны нашим

обязательствам. И проект не будет приостановлен. Правда, работы будут производиться медленнее, чем это прежде планировалось...

— Нельзя подходить так к этому проекту,— возразил Алекс.— Мы и без того уже застопорили работы. Дальнейшая задержка приведет к весьма пагубным последствиям. Причем, я тоже рассматриваю этот вопрос только с точки зрения банковских перспектив...

Как и в любом другом крупном банке, реальная власть в Первом Коммерческом не всегда соответствовала иерархической лестнице этого учреждения. Влияние того или иного ведущего сотрудника скорее отражалось в малозаметных и, казалось бы, побочных факторах: в сложных отношениях с отделами и другими сотрудниками банка. Таким образом, схватка интересов велась не лицом к лицу, а где-то на черных ходах. Борьба же за власть между Алексом Вандервоортом и Роско Хейвордом была, конечно, у всех на виду. Видимо, поэтому ответственные сотрудники банка открыто делали ставку на того из них, с кем они связывали свои личные надежды на будущее.

Алекс продолжал:

— Наша прибыль в прошлом году подскочила до тринадцати процентов. Это чертовски хороший бизнес, как все вы понимаете. В этом году перспективы еще лучше. Нужно ли выкладываться в погоне за сверхприбылью?

Орвил Янг, казначей банка, заметил:

— А почему бы и нет?

— Я уже раньше говорил,— резко возразил ему Строэн,— что это недальновидно.

— Позвольте напомнить вам всем, — убеждал Алекс,— что в банковском деле не так уж трудно получать большие прибыли. И если банк их не получает, то это значит, что он управляется простачками. Пока игра идет в нашу пользу. А вот отказа поддержать город нам не простят.

— И все-таки я не могу понять, какая тут связь. Ведь оставаясь органической частью проекта «Форум Ист», мы тем самым поддерживаем его деятельность,— сказал Роско Хейворд.— Даже сократив финансирование наполовину, мы все равно вливаем жизненную силу в это предприятие...

— Черта с два, жизненную! — воскликнул Алекс.— Капля в море. Честно говоря, это весьма характерно для наших банков вообще. Когда дело касается вкла-

дов в общественные мероприятия, банки повеситься готовы! Скажем прямо, банковское финансирование жилищного строительства по всем Соединенным Штатам Америки стоит на позорно низком уровне. Зачем морочить головы самим себе? В течение многих лет банки игнорировали общественные проблемы. Вот и сейчас мы стараемся отделаться от них чисто символическим, минимальным участием.— Алекс нетерпеливо хлопнул ладонью по столу.— И поэтому я считаю, что нам совсем не повредит взять на себя общественные функции, даже если прибыль от этого будет ниже, чем от вклада в более выгодные дела. И именно поэтому я возражаю против позорного бегства из проекта «Форум Ист».

— Я тоже — «за» и еще по одной причине,— добавил Том Строэн.— В Конгрессе и так уже идет разговор. Кое-кто из конгрессменов высказывается за необходимость принятия закона, подобного тому, что был принят в Мексике. Закон этот требует выделения определенного количества банковских прибылей для финансирования низкоприбыльного жилищного строительства.

Хейворд фыркнул:

— Этого мы никогда не допустим! Банковское лобби в Вашингтоне мощнее, чем любое другое.

Том Строэн, главный экономист банка, покачал головой:

— Я бы на эту лошадь не ставил.

— Том! — горячо проговорил Роско Хейворд.— Я даю вам слово, что через год мы вернемся к этому вопросу. И тогда мы последуем вашим советам и снова усилим кредитование «Форум Ист». Но только не в этом году. Лично я хочу, чтобы этот год стал пиковым годом по прибыли.— Он остановил свой взгляд на президенте, который до сих пор молчал.— Мне кажется, что моя точка зрения совпадает с точкой зрения Джерома.

Только сейчас Алекс разгадал стратегию Хейворда. Если этот год принесет исключительную прибыль, то Джером Паттертон, как президент, превратится в своеобразного героя в глазах акционеров и директоров. Ведь Паттертону как раз и осталось работать всего лишь год, чтобы увенчать свою довольно-таки посредственную карьеру финансиста... Стало быть, в отставку он уйдет, находясь в зените славы. Ну, а поскольку Паттертону ничто человеческое не было чуждо, то можно было смело рассчитывать, что перспектива такого ухода со сцены ему понравится.

Дальнейший ход сценария прост. Благородный Джером Паттертон обратит свой взор к Роско Хейворду и с милой улыбкой выдвинет его на пост президента. Ну, а так как год будет прибыльным, то и Паттертон не останется в накладе.

Это была тонко продуманная, заранее спланированная тактика, и, несомненно, Алексу придется трудно.

— Да, кстати, есть одна приятная новость, о которой я еще не успел сказать,— заявил Хейворд.— Даже вам, Джером! Она может кардинально повлиять на решение проблемы, которую мы сегодня обсуждаем...

Все с любопытством взглянули на Хейворда.

— Я надеюсь,— продолжал он,— что нам будет оказана большая честь, и мы сможем установить теснейший деловой контакт с корпорацией «Супранэйшнл». Вот почему я хотел бы зарезервировать мощные фонды до выяснения наших отношений с этой корпорацией.

— Вот это номер! — с энтузиазмом воскликнул Орвил Янг.

Даже Том Строэн одобрительно кивнул.

Компания «Супранэйшнл» или, как ее сокращенно называли «Сунатко», была известна во всем мире. Это был крупнейший международный концерн-гигант, наподобие «Дженерал Моторс». Наравне с другими крупнейшими концернами, «Сунатко» контролировала или владела дюжинами других компаний. Щупальца ее проникали во многие правительства во всем мире и, пожалуй, ни один промышленный комплекс за всю историю капитала не обладал подобным политическим могуществом... Недаром поговаривали, что у «Сунатко» больше власти, чем у лидеров некоторых суверенных государств.

До сих пор финансовые дела «Сунатко» велись в Соединенных Штатах так называемой «Большой тройкой». То были «Бэнк оф Америка», «Ферст Нэшнл Сити-бэнк» и «Чейз Манхэттэн бэнк». Вклиниться в это славное трио означало для Первого Коммерческого невероятный успех, фантастическое повышение в престиже и авторитете.

— Это — ослепительная перспектива, Роско! — проговорил Паттертон.

— Надеюсь, что я буду более осведомлен к следующему нашему заседанию,— сказал Хейворд.— Похоже на то, что «Супранэйшнл» захочет открыть у нас очень солидный кредит...

Том Строэн, тем не менее, напомнил:

— Нам все-таки нужно проголосовать по «Форум Ист».

— О да, конечно! — сказал Хейворд. Он уверенно улыбнулся, полагая, что после сенсационного сообщения комиссия проголосует в его пользу.

Как и следовало ожидать, голоса все-таки разделились. Алекс Вандервоорт и Том Строэн высказались против сокращения фондов, Роско Хейворд и Орвил Янг — за. Головы собравшихся повернулись в сторону Джерома Паттертона. Ведь за ним был решающий голос. Президент банка поколебался какое-то мгновение, затем сказал:

— Алекс, в данном случае я поддерживаю Роско...

●

В четверг вечером юридическая контора Марго Бреккен стала местом заседания жилищной ассоциации «Форум Ист». Марго представляла ее интересы наряду с ведением дел других объединений квартиросъемщиков.

Заседание было экстренным в связи с последними событиями. Накануне Первый Коммерческий Американский банк официально подтвердил слух, взбудораживший умы квартиросъемщиков: финансирование дальнейшего строительства в «Форум Ист» сокращалось наполовину.

Правда, заявление банка было подслащено всяческими посулами, вроде того, что, мол, «после временных затруднений с долгосрочным кредитованием вопрос будет рассмотрен вновь». Но никто этому не верил, ни сотрудники банка, ни публика.

На повестке дня был один вопрос: что предпринять, чтобы изменить решение банка?

Собственно, понятие «квартиросъемщики» в этом объединении было условным. Разумеется, кое-кто обитал в уже построенных жилых домах «Форум Ист», но многие об этом еще только мечтали. Как, например, пришедший сюда сегодня сталелитейщик Дикон Юфрэйтис.

Марго давно знала Дикона и его жену, она знала, что у них пятеро детей и что живут они в перенаселенном доме, который кишел крысами, в доме, который дав-

ным-давно следовало бы смести с лица земли. Она пыталась помочь им переселиться, впрочем, увы, тщетно. Дикон Юфрэйтис жил только надеждой на будущие жилые корпуса «Форум Ист», но имя его в списках значилось где-то посередине, и всякое промедление в осуществлении проекта было для семьи Юфрэйтиса невыносимым.

— Насколько я понимаю, — сказал Сэт Оринда, школьный учитель, другой неудачник,— не существует никаких легальных действий, с помощью которых мы могли бы выжать деньги из банка.

— Не надо быть таким категоричным, Сэт,— сказала Марго.— У каждого банка есть своя ахиллесова пята, стоит ее найти и можно нанести такой удар, что...

— Удар! — прервал Оринда. — Какой? Демонстрация? А может, прийти в банк всем миром и усесться там на полу?

— Нет,— улыбнулась Марго.— Эти фокусы уже вышли из моды. На обычную демонстрацию никто и внимания не обратит... Нам нужны какие-то новые меры воздействия. Ну, скажем, такие...

По мере того как она делилась с собравшимися своей затеей, интерес к ней возрастал, на лицах появились улыбки, громко засмеялся Оринда, с восхищением вздохнул Юфрэйтис.

— Ох, черт подери! — сказал он с восторгом.— Вот это голова! Ай да умница!..

Марго сказала, что для полного успеха им потребуется много народа, по крайней мере, тысяча человек. И то для начала. Дальше — больше.

— И надолго? — спросил кто-то.

— Ну, скажем, на неделю, — ответила Марго.— В банковской неделе — пять дней. Если не уложимся, будем продолжать, но, откровенно говоря, я не думаю, что нам это понадобится. И еще: каждый участник должен точно знать свое место.

— Можете рассчитывать на меня! — сказал Сэт Оринда.

— И на меня! И на меня,— раздались голоса.

Бас Дикона Юфрэйтиса перекрыл хор голосов:

— А у меня времени хоть отбавляй. Да я отпуск свой недельный потрачу на это дело, а надо будет, и другую неделю возьму!

— Отлично,— сказала Марго решительным тоном.— Теперь мы детально разработаем основной план и бу-

дем оповещать всех прочих... Но помните: секрет — залог победы!..

Через полчаса участники собрания стали расходиться радостные и взволнованные, не то что в начале вечера...

По просьбе Марго Сэт Оринда задержался.

— Сэт, на вашу помощь я очень рассчитываю. Она мне особенно нужна.

— Вы же знаете, мисс Бреккен, что ваше слово для меня — закон. И когда дойдет до дела, кто-кто, а уж я-то не сдрейфлю...

— Так вот,— продолжала Марго,— обычно я всегда нахожусь на передовой... Так сказать, на линии огня...

— Это я знаю,— сказал учитель.

— Но на этот раз я должна остаться в тени. Понимаете, я бы очень не хотела, чтобы мое имя попало на страницы печати или, не дай бог, на экраны телевидения. Если это случится, я поставлю в неловкое положение двух моих очень близких друзей, которые работают в банке. А мне бы не хотелось подложить им свинью...

Оринда понимающе кивнул:

— Как вы скажете, так и будет!

— Моя просьба заключается в следующем. Я бы хотела, чтобы вы взяли все на себя. А меня вы всегда найдете, если я понадоблюсь. Хотя я надеюсь, что до этого дело не дойдет...

Марго не была новичком в политической борьбе. За ее спиной был опыт студенческих манифестаций и демонстраций протеста против войны во Вьетнаме. Год назад она блистательно выиграла стачку против аэропортовских властей. Они платили мизерную зарплату швейцарам и уборщикам в туалетах. Профсоюзные руководители питались подачками администрации и палец о палец не хотели ударить, чтобы поддержать несколько сот рабочих аэропорта в их борьбе за повышение заработной платы. Отчаявшись, те обратились к Марго за помощью.

Марго решила, что воззвание к совести патронета не даст никаких результатов. Единственный выход, по ее мнению, был в том, чтобы поставить руководителей аэропорта в смешное и унизительное положение. Но как? Разрабатывая свой план, Марго изучила деятельность этого огромного, шумного агломерата в ночное время.

Оказалось, что после вечерних рейсов (на которых подавались ужин и напитки), сразу же по прилету многие пассажиры направлялись в туалеты. Так создавалась резкая перегруженность этих полезных учреждений на протяжении нескольких часов.

В следующую пятницу, вечером, когда расписание было особенно напряженным, несколько сот добровольцев, в основном уборщики и швейцары, пришли в аэропорт и приступили к действиям под руководством Марго. Указания, которые она им давала, никак не шли вразрез с существующим законодательством. Задача была крайне проста: в течение вечера занимать все места общественного пользования. Что они и сделали. Отправились к заранее распределенным участкам, заплатили по десять центов и устроились поудобней, захватив чтиво, портативные приемники и даже бутерброды. Женщины принесли вязанье. Это был редчайший образец так называемой сидячей забастовки, «сит-ин».

В мужских туалетах добровольцы становились в очередь к открытым санитарным точкам и отходили от них как бы нехотя, простояв уйму времени. Если в очередь вклинивался обычный пассажир, то ему грозила перспектива бесплодного часового стояния. Им объясняли, что происходит и почему выстроились такие очереди. Аэропорт превратился в гудящий улей, набитый отчаявшимися пассажирами. Они бежали жаловаться менеджерам аэролиний, а те, в свою очередь, выражали свое негодование дирекции аэропорта. Зеваки же толпились у туалетов и хохотали до слез, глядя на страждущих.

Событие тут же стало достоянием телевидения, радио и газет, не без заблаговременной подсказки Марго. Репортеры прибыли на место действия и сочиняли пламенные репортажи, которые перекочевали из Соединенных Штатов в прессу всего света. «Иоганнесбургская звезда», лондонский «Таймс», кто только не посвятил этому пикантному событию видное место!.. Короче, аэропортовские власти стали вселенским посмешищем. Немудрено, что во многих сообщениях упоминалось имя Марго Бреккен и давалось понять, что швейцары и уборщики собираются продолжать сражение, не меняя своей тактики.

Как и рассчитывала Марго, смех оказался сильнейшим союзником. После окончательно испорченных субботы и воскресенья, администрация сдалась и вступила

в переговоры с рабочими. Последовало не только повышение заработной платы, но было также распущено руководство профсоюза и избрано новое...

Зрелище было настолько необычным, что один из сотрудников позвонил Эдвине:

— Миссис Дорси, вы к окнам сегодня не подходили?

— Нет,— ответила Эдвина.— А что?

На часах было без шести девять.

— Видите ли,— продолжал сотрудник,— я подумал, что вдруг вам это будет интересно. Лично я такой очереди еще никогда не видел!

Эдвина подошла к окну и выглянула на улицу. То, что она увидела, потрясло ее.

Огромная очередь вытянулась от центрального входа вдоль всего здания, и конца ее не было видно. Несомненно, эти люди ждали открытия банка.

— Что бы все это могло значить? — озадаченно проговорила она.

— К ним выходили,— продолжал сотрудник.— Говорят, что очередь идет через площадь и тянется до соседней улицы, к ней пристраиваются и пристраиваются!

— И все-таки,— начала злиться Эдвина,— кто-нибудь поинтересовался, чего они хотят?

— Они сказали, что пришли открыть счета в банке.

— С ума сойти... Не может быть! Ведь их по крайней мере триста человек только здесь, на виду!

К ней подошел Тотенхоу и сказал:

— Я позвонил сотрудникам безопасности. Обещали прислать подкрепление. Кроме того, они советуют вызвать полицию.

— Для этого я не вижу причин,— сказала Эдвина.— По-моему, они настроены весьма мирно.

Стоявшие в очереди весело и оживленно разговаривали друг с другом Многие улыбались и дружелюбно махали глазевшим на них из окон сотрудникам банка.

— Нет, вы поглядите! — сказал кто-то из сотрудников.— Вы только поглядите!

К очереди подкатил телевизионный тонваген для прямой передачи в эфир. Банковские служащие ахнуть не успели, как началась съемка...

— Мирно они настроены или нет,— сказал кто-то,—

но я готов пари держать, что за этим что-то кроется. Не верю я, чтобы все они решили просто так вот пожаловать сюда.

И тут Эдвина все поняла: «Форум Ист».

— Спорю, что они из «Форум Ист!» — сказала она.

Банк открылся. Через какой-то миг операционный зал был заполнен шумной, галдящей толпой. Обычно тихое и респектабельное помещение в одну минуту стало местом вавилонского столпотворения. Эдвина заметила высокого негра, потрясавшего долларовыми бумажками. Он громогласно объявил:

— Я пришел открыть счет в этом банке!

Охранник подошел к нему и сказал:

— Счета открывают вон в тех окошках.

Охранник проводил вкладчика к окну, за которым сидела молодая сотрудница. Вкладчик положил доллары перед собой и сказал:

— Понимаете, мисс, я не очень спешу. И я вот хотел бы, чтобы вы мне поначалу кое-что объяснили...

Постепенно очередь распределилась между тремя окошками, где принимались вклады. Обычно трех клерков вполне хватало для этих операций. Но сегодня сотрудники банка были охвачены паникой.

Тотенхоу обратился к Эдвине:

— Надеюсь, вы понимаете, что нынче мы не сможем обслужить такую бездну народа. Они нас свяжут по рукам и ногам!

— Именно этого кто-то и хотел добиться, — заметила Эдвина. — Продолжайте как можно быстрее обслуживать всех пришедших...

Тем не менее, она понимала, что при всей спешке меньше чем за десять минут одного человека не обслужить. Слишком много было всяких формальностей.

На открытие нового счета обычно уходило минут пятнадцать. Стало быть, три клерка, занимавшиеся, этими операциями, могли пропустить в течение дня около девяноста человек, и то, если работать с предельной скоростью, чего сегодня ожидать от них было невозможно. Даже при привлечении всех наличных сил за день прошло бы всего двести пятьдесят новых счетов...

Шум в банке нарастал, мешая работать. Еще одна загвоздка заключалась в том, что столпотворение и хаос, царившие в холле, не давали обычным клиентам возможности подойти к кассовым окошкам. Эдвина заметила, что несколько человек, стоявших на улице, не могли

прорваться в банк. Некоторые, оценив создавшуюся обстановку, просто-напросто уходили прочь.

Эдвина не видела никаких шансов на разрядку атмосферы. Однако враждебности со стороны осаждавших не чувствовалось. Все они открыто и вежливо улыбались, охотно отвечая на вопросы клерков. Было ясно, что клиентов четко проинструктировали заранее, и вели они себя наилучшим образом.

Придя к выводу, что наступил момент для решительного вмешательства в эту кутерьму, Эдвина спустилась в холл и направилась в самую гущу толпы. Охранникам, которые шли рядом, прокладывая дорогу, она тихо сказала:

— Больше в банк никого не впускать! Держите их у входа, пропускайте по одному вслед за выходящими. Разумеется, своим клиентам давайте дорогу сразу же...

— Боюсь, что это будет нелегко, миссис Дорси,— так же тихо отозвался охранник.— Конечно, некоторых клиентов мы знаем, но далеко не всех. Разве всех упомнишь...

— И потом,— сказал другой охранник,— когда подходят ко входу со стороны, стоящие в очереди кричат им, чтобы становились в хвост. Попробуйте отдать кому-нибудь предпочтение, беды не оберешься!..

— Ничего страшного,— заверила его Эдвина.— Делайте все возможное!

Вокруг нее образовалось свободное пространство. Шум несколько стих, но она поняла, что говорить придется громко, чтобы слышал весь зал.

— Я — управляющая,— заявила Эдвина.— Может быть, кто-нибудь из вас объяснит, что здесь происходит?

— Мы открываем счета,— сказала женщина с ребенком, стоявшая возле Эдвины. Она засмеялась.— Что тут плохого? Вы ведь сами везде развесили рекламу: «Открыть счет в банке можно на любую сумму!..» Так?

— Это верно,— сказала Эдвина.— И банк отвечает за свои слова. Но я вижу, что тут зарыта еще одна собака... Неспроста же вы все предпочли именно этот банк и пришли в него именно сегодня?

— Ну, если хотите знать,— сказал мужчина в панаме,— мы все из «Форум Ист».

— Или хотим жить там! — добавил чей-то голос.

— Это еще ни о чем не говорит,— улыбнулась Эдвина.

— Доброе утро, мадам! Я не знал, что в банках уп-

равляющими бывают женщины... Если позволите, я все объясню,— любезно сказал пожилой мужчина интеллигентной внешности.

— Так или иначе, она перед вами,— сухо сказала Эдвина.— Я надеюсь, что вы не против такого равенства, мистер...

— Мистер Оринда. Сэт Оринда, мадам. Напротив, я целиком за равенство женщин и мужчин. Я вообще за равные возможности для всех и всюду...

— И именно это привело вас сюда сегодня?

— Некоторым образом, да.

— Не потрудитесь ли вы объяснить подробностей, мистер Оринда?

— Охотно. Если я не ошибаюсь, вы уже знаете, что мы из «Форум Ист».

Она кивнула:

— Да, мне уже об этом сказали...

— Скорее всего,— продолжал Оринда,— то, что здесь происходит, можно назвать «акцией надежды».

Хорошо одетый, доброжелательный, он говорил уверенно, точно выбирая слова. Сразу было видно, что свою речь он тщательно отрепетировал. Зал внимательно прислушивался.

Оринда продолжал:

— Дело в том, что, как заявил этот банк в своем официальном сообщении, у него нет достаточно денег для дальнейшего строительства «Форума». Банк решил сократить финансирование строительства наполовину, и многие собравшиеся здесь думают, что и другая половина под угрозой. Во всяком случае, если не начать трубить тревогу сейчас, то так оно и может случиться!

Эдвина резко сказала:

— Поэтому вы здесь и устроили такое?

Она заметила в толпе несколько субъектов с блокнотами: значит, появились и газетные репортеры. Это было неспроста, так же, как и телевизионные камеры на улице. Кто-то позаботился о прессе. Но кто?..

Сэт Оринда изобразил глубокую обиду на гладко выбритом лице.

— Нет, мэм.— Мы — бедные люди, и мы принесли сюда наши последние гроши, дабы оказать помощь банку, попавшему в беду...

— Правильно! — вставил чей-то голос.— Разве это не по-добрососедски?

— Истинное положение дел банка было разъяснено в нашем заявлении,— ответила Эдвина.— Речь идет не о затруднениях банка, а о его дальнейшей политике. Более того, как заявил банк, мы твердо намерены снова полностью финансировать ваш проект. Правда, несколько позже...

Она и сама-то не очень верила в свои слова. Немудрено, что собравшиеся громко заулюлюкали.

Пожалуй, это было первое проявление враждебности. Сэт Оринда повернулся к толпе и поднял руку. Улюлюканье прекратилось.

— В общем-то, как хотите, так и рассуждайте,— сказал он,— но мы пришли сюда вложить деньги в ваш банк. Это и есть наши акции надежды. Мы надеялись, что, увидев всех нас здесь и разделив наши чувства, вы измените свою политику.

— Ну, а если не изменим?

— Тогда, вероятно, мы найдем еще людей и еще денег.

Из толпы весело донеслось:

— Уж точно! Еще дополна людей придет... Монет-то у нас немного, а народу хоть отбавляй!..

— Конечно же, — продолжал Оринда с выражением полной невинности на лице,— те из нас, кто сегодня открывает счет, возможно придут сюда завтра или послезавтра, или через неделю, чтобы снять деньги со своего счета. Вы сами понимаете, что большинство из нас не может позволить себе роскошь долго хранить деньги на лицевом счете. Но опять-таки, как только они снова у нас появятся, мы придем снова и снова сделаем вклады.— Его глаза озорно сверкнули.— Так что без работы вы не останетесь...

— Да,— сказала Эдвина,— теперь все понятно.

Какой-то репортер обратился к негру:

— Мистер Оринда! А какой вклад лично вы намерены сделать?

— Да уж очень большой,— сказал тот весело.— Многие пришли сюда с пятью долларами. Это минимальная сумма, которую банк принимает на счет. Не правда ли?

Эдвина кивнула.

В некоторых банках требовалось пятьдесят долларов, чтобы открыть счет, и сто — для получения чековой книжки. В других — ограничительных сумм не было вообще. Первый Коммерческий, стремясь способствовать

притоку мелких вкладчиков, встал на компромиссный путь, избрав минимум в размере пяти долларов.

— Факт,— продолжал Оринда,— что мои друзья и я лично хотим оказать вам всяческую помощь. Мы далеки от мысли нарушить порядок. Но мы рассчитываем на справедливость.

— Как это понять?

— Видите ли, стоящие здесь,— заявил Оринда,— а равно и те, что томятся в очереди на улице,— такие же клиенты, как и все прочие, обслуживаемые вашим банком. Мы будем стоять в очереди независимо от того, сколько это займет времени. Но мы не пропустим без очереди никого и не потерпим никаких поблажек. Иначе говоря, любой, идущий сюда, неважно кто он, займет свою очередь в самом ее конце...

— Ну, это мы еще посмотрим! — сказал охранник.

— И мы тоже, сэр. Потому что это будет ничем иным, как актом дискриминации. И тут вы услышите такое!..

Репортеры бешено строчили в блокнотах. Эдвина продралась сквозь толпу к трем дополнительным столам, которые за это время были поставлены в холле. Еще четыре готовились. А очередь нисколько не уменьшалась. На часах было 9.45.

В трех кварталах от банка Марго Бреккен оборудовала «командный пункт» в маленьком скромном «фольксвагене». Сюда то и дело прибегали нарочные с донесениями. Судя по всему, операция шла успешно. Марго особенно настаивала на том, чтобы вкладчики при разговоре с представителями банка вели себя исключительно дружелюбно и корректно. Ни кто иной как Марго придумала лозунг — «Акция надежды». Все выглядело как нельзя более невинно: в банк пришли друзья, готовые, несмотря на ограниченные средства, оказать помощь ПКА.

Марго знала: малейший намек на то, что Первый Коммерческий Американский банк попал в беду, больно ударит по самому чувствительному нерву администрации.

И хотя никто не делал секрета из того, чем вызвана эта акция, клиенты ни за что не должны были прибегать к угрозам, скажем, парализовать деятельность банка, если не будут возвращены фонды на строительство «Форум Ист». Марго сказала так:

— Пусть администрация банка сама сделает должные выводы.

В понедельник Марго стало известно, что есть огромное количество желающих принять участие в акции, у которых, однако, нет необходимых пяти долларов, то есть минимума, необходимого для открытия счета. Не было средств и у ассоциации квартиросъемщиков «Форум Ист», чтобы снабдить пятидолларовыми банкнотами всех участников. Тогда Марго позвонила в профессиональный союз клерков, кассиров и конторских рабочих, который, кстати, отныне представлял интересы уборщиков и швейцаров аэропорта. Марго спросила, не смог бы профсоюз дать по пять долларов каждому добровольцу? Срочно было созвано собрание профсоюзных лидеров. Они дали согласие.

Во вторник профсоюзные деятели с помощью Дикона Юфрэйтиса и Сэта Оринды раздавали пятидолларовые бумажки. Все понимали, что часть этих денег никогда не вернется в кассу профсоюза и будет истрачена в тот же вечер. Но львиная их доля пойдет по назначению, так что профсоюз не очень беспокоился. Мало того: профсоюз предложил организовать подачу бесплатных бутербродов прямо к очереди. Марго с радостью приняла это предложение, хотя и понимала, что за этим кроются какие-то личные интересы профсоюза. Плевать, решила она, это ее не касалось. Она вела кампанию. Так, например, Марго настаивала на том, чтобы к закрытию банка очередь была как можно длинней: она знала, что к этому времени наедет уйма репортеров телевидения и газет. Ну, а что касается планов на завтра, она продумает их сегодня ночью...

В полдень Оринда подошел к «фольксвагену». На лице его сияла улыбка до ушей, в руках было раннее издание вечерней газеты.

— Ух, ты! — сказала Марго, взглянув на первую полосу.— Вот это я понимаю!

События в банке заняли почти всю полосу. Такого Марго не ожидала. Заголовок, набранный крупным шрифтом, гласил:

БАНК-ГИГАНТ ДЕМОРАЛИЗОВАН КВАРТИРОСЪЕМЩИКАМИ «ФОРУМ ИСТ».

«ПКА В БЕДЕ?»

«ОНИ ПРИШЛИ ОКАЗАТЬ ПОМОЩЬ БАНКУ МАЛЫМИ ВКЛАДАМИ».

Затем шли фотографии и большой репортаж с места события.

— Однако,— выдохнула наконец Марго.— Представляю себе, как банк это проглотит...

И действительно. Вскоре после полудня было созвано заседание на тридцать шестом этаже Первого Коммерческого Американского банка, в главном конференц-зале.

Джером Паттертон и Роско Хейворд были в крайне дурном настроении. Подошел Алекс Вандервоорт, он тоже был угрюм, хотя случившееся отчасти его забавляло. Френч, вице-президент по связям с общественностью и прессой, ворвался в зал и швырнул на стол пачку газет.

Паттертон развернул одну из них, прочитал заголовок — «Первый Американский банк в беде?» и заорал:

— Это грязная ложь, газету надо привлечь к суду!

— К сожалению, не за что,— заявил Френч со своей обычной прямолинейностью.— Газета ничего не утверждает. Вы видите этот вопросительный знак? И, кроме того, это — цитата. Там и кавычки есть...

Паттертон покраснел от злобы.

— Конечно, это делается в пику нам,— сказал Хейворд. Он стоял в стороне, у окна.— Все состряпано так, чтобы нанести нам возможно больший вред. Это и дураку понятно!

Френч вздохнул:

— Ну, что же, скажу я вам... Кто бы ни стоял за спиной этого «дела», все очень тщательно продумано. С точки зрения воздействия на общественное мнение и с точки зрения законности. Подумать только! Они, видите ли, пришли с самыми лучшими намерениями! Мы-то знаем, что это не так, но попробуйте доказать! По-моему, тут словами не отделаешься...

Том Строэн, сидевший рядом с Вандервоортом, спокойно сказал:

— Ставлю вас в известность, что на бирже наши акции упали еще на один пункт!

Дик Френч продолжал, казалось, не обратив внимания на Строэна:

— Я бы советовал вам, джентльмены, морально подготовиться к сегодняшней вечерней телепередаче. Думаю, что на вас отыграется не только местная станция. Убеждали, что нам достанется и от ведущих национальных компаний. И если кто-нибудь из авторов диктор-ского текста избежит фразы «банк в беде», я готов проглотить кинескоп...

Банк не сдавался, и осада продолжалась в четверг и в пятницу до самого закрытия.

Операционный зал был парализован полностью. Как и предвидел Дик Френч, всеобщее внимание оказалось привлеченным в этой драме. Общественность взирала на нее с юмором. Однако акционерам было не до смеха, тем более что акции ПКА на Нью-Йоркской бирже в пятницу упали еще на два с половиной пункта.

Марго Бреккен, Сэт Оринда и Дикон Юфрэйтис продолжали разбойничать, и в понедельник банк капитулировал. На пресс-конференции, которая была созвана в десять утра, Дик Френч объявил, что банк возвращается к финансированию «Форум Ист» на прежних условиях. От имени ПКА Френч выразил надежду, что победители и их друзья, открывшие счета в банке, останутся верными клиентами Первого Коммерческого...

Причин, вызвавших капитуляцию, было несколько. Так, перед открытием банка в понедельник у дверей выстроилась совсем уже неимоверная очередь, длинней, чем на прошлой неделе. На этом не кончилось. Худшее, как видно, было впереди. Огромный хвост вырос у банковского филиала в Индиан-Хилл! Но решающий удар был нанесен профсоюзами.

В конце недели профсоюз, выделивший деньги для квартиросъемщиков «Форум Ист», публично заявил, что он присоединяется к «акции надежды» и обратился к другим профсоюзам с просьбой оказать всемерное содействие. Представитель профсоюза обрушился на ПКА, назвав его «колоссальным спрутом, высасывающим прибыли из бедняков в пользу богатеев». Представитель заявил, что начата кампания по привлечению сотрудников банка в профсоюз. Становой хребет банка трещал.

Все банки боятся профсоюзов и ненавидят их. Банковские руководители глядят на профсоюзы, как змея на мангуста, ибо банкиры расценивают перспективу охвата сотрудников банка профсоюзами как ограничение свободы финансовой деятельности...

Роско Хейворд ворчал:

— Ну что ж, эта уступка создала печальный прецедент, и мы еще о нем горько пожалеем.

Вандервоорт хранил молчание...

Заявление ПКА громко зачитали стоявшим в очередях у двух отделений банка. Из очередей вырвались аплодисменты и крики одобрения, и собравшиеся начали спокойно расходиться. Буквально через полчаса оба отделения вернулись к нормальной работе. И все бы, возможно, кончилось благополучно, если бы не одна крохотная газетная информация, проскочившая на страницы неизвестно как. Хотя, впрочем, этого следовало ожидать. Два дня спустя в колонке местной хроники под рубрикой «Подслушано одним ухом» появились такие строчки:

«ТЕНЬ» ВСЕ ЗНАЕТ...

«...Угадайте, кто возглавил операцию «Форум Ист»? Кто на прошлой неделе заставил гордый и мощный Первый Коммерческий Американский банк встать на колени? «Тень» все знает! Во главе этого «дела» стояла подвижница гражданских прав, сторонница равноправия женщин адвокат Марго Бреккен. Та самая, что в свое время специализировалась на аэропортовских туалетах и снискала громкую славу защитницы несчастных и придавленных...

На этот раз, правда, мисс Бреккен предпочла затаиться в тени. Покуда руководимые ею смутьяны держали фронт, мисс Бреккен отчаянно старалась избежать прессы, в прошлом ее надежного союзника. Вы спросите — почему?

Мы ответим: интимнейший друг Марго, которого нередко можно видеть с ней, это повеса-банкир Александр Вандервоорт, административный вице-президент ПКА. Поставьте себя на ее место. Разве вы не предпочли бы тоже затаиться?

К сожалению, «Тень» пока не донесла нам: знал ли об этом развеселый Алекс? И если знал, то как отнесся к осаде тарелки, из которой он сам питался?..»

— Роско, дружище! — самодовольно проговорил достопочтенный Гарольд Остин в телефонную трубку. — Я тут только что беседовал с Большим Джорджем. Он

пригласил нас сыграть с ним в гольф в следующую пятницу. На Багамских островах!

Роско Хейворд сидел в своем домашнем кабинете на Шейкер-хайт. Польщенный, он все ж сказал с сожалением:

— Боюсь, что не смогу туда выбраться. А что, нельзя встретиться и поговорить в Нью-Йорке?

— Конечно, можно! Только это неразумно. Большой Джордж предпочитает Багамы. Он, видишь ли, обожает заниматься делом, поигрывая в гольф...

Большой Джордж! Едва ли кому-нибудь в промышленности и банковском деле, вообще кому-либо в стране надо было разъяснять, кто он такой... Дж. Квотермейн, руководитель корпорации «Супранэйшнл» (в просторечии «Сунатко») обладал властью, которой позавидовали бы многие главы государств, и пользовался этой властью как самодержавный тиран. Его интересы и влияние распространялись на полсвета. В самой же «Сунатко», как, впрочем, и за ее пределами, Большого Джорджа ненавидели и обожали, заискивали перед ним и боялись его.

Сила шла от успехов. Восемь лет назад его пригласили спасти «Супранэйшнл», погибавшую от разорения и долгов. С тех пор он не только восстановил финансовую мощь компании, но и увеличил ее империю, превратив в огромный конгломерат всевозможных филиалов и подразделений. Большой Джордж учетверил дивиденды «Сунатко», и акционеры боготворили его. Получив полную свободу действий, он решил важнейшие проблемы самолично. Правда, находились, конечно, прорицатели, утверждавшие, что его империя — это карточный дом, но финансовые дела «Сунатко» по всем документам шли блестяще.

Хейворд дважды встречался с лидером «Сунатко». Как-то раз в уличной толчее и второй раз — в Вашингтоне, в гостиничном номере, который занимал Гарольд Остин.

Встреча в Вашингтоне произошла в тот день, когда достопочтенный Гарольд докладывал Квотермейну о результатах миссии, выполняемой по поручению «Сунатко». Хейворд не знал, в чем именно заключалась эта миссия. Судя по всему, речь шла об участии правительства в каком-то крупном деле.

Агентство Остина занималось тогда шумной рекламой одного из подразделений «Сунатко». Однако связи достопочтенного Гарольда с Дж. Дж. Квотермейном

помимо деловых контактов носили дружеский характер.

После доклада Гарольда Большой Джордж пришел в прекрасное расположение духа, и когда Хейворда представили ему, сказал:

— Гарольд говорил мне, что вы оба не прочь зачерпнуть пару ложек из нашего котла для своего банка. Ну что ж, мы к этому еще вернемся...

Глава «Супранэйшнл» похлопал Хейворда по плечу, и разговор перешел на другие темы.

Эта встреча с Квотермейном и позволила Хейворду сообщить комиссии по денежной политике ПКА, что не исключена возможность сделки с «Сунатко». Правда, потом он думал, что слишком поторопился, но теперь вырисовывались новые перспективы.

— Хотя,— продолжал Хейворд,— возможно, я и смогу освободиться в следующий четверг — так, на день или два...

— Ну, вот это уже лучше! — сказал достопочтенный Гарольд.— Бросьте все! Едва ли что-нибудь может быть важней. Кстати, я забыл сказать: Большой Джордж присылает за нами свой личный самолет...

Хейворд просиял:

— Правда? А успеем мы слетать туда и обратно на этой тарахтелке?

— Да это «Боинг-707»! — Гарольд Остин захихикал, наслаждаясь произведенным эффектом. — Отправимся в четверг, в обед, проведем пятницу на Багамах и в субботу вернемся... Да, кстати, как там документы «Сунатко»?

— Я только что ими занимался. — Хейворд взглянул на финансовые отчеты, которые он разложил перед собой на столе.— Пациент выглядит вполне здоровым. Я бы даже сказал более чем благоприятен.

— О'кей! Большего я и знать не хочу. Вашего мнения для меня достаточно...

Положив трубку на рычаг, Хейворд хитро улыбнулся. Предстоящая прогулка на Багамы в личном самолете, да еще в такой компании, будет прекрасным поводом, чтобы, совсем между прочим, упомянуть о ней в разговоре на будущей неделе. В любом случае это значительно укрепит его позиции в Совете директоров. Теперь это была главная цель, и он о ней никогда не забывал, имея в виду преходящую роль Джерома Паттертона в амплуа президента. Хорошо также, что можно вернуться в субботу. Это означало, что он не про-

пустит воскресную службу в церкви Святого Афанасия.

Вояж на Багамы оказался для Хейворда весьма поучительным. Нельзя сказать, чтобы он не знал, что такое роскошная жизнь. Хейворд постоянно общался с богатыми клиентами. Среди них были и такие, кто тратил деньги в свое удовольствие, наслаждаясь королевским комфортом. И он втайне завидовал этой независимой обеспеченности.

Дж. Дж. Квотермейн затмил всех.

Реактивный гигант «Боинг-707», на фюзеляже и хвосте которого красовалось по огромной букве «к», приземлился в Центральном городском аэропорту точно по расписанию. Он подрулил к полосе, где стояли личные самолеты. Гарольд и Хейворд поднялись на борт и ахнули.

В главном салоне, напоминавшем холл уютной гостиницы в миниатюре, их встретили четверо обслуживающих. Мужчина среднего возраста с седеющими висками, который являл собой воплощение достоинства и подчеркнутой почтительности, и три молодые женщины.

— Добро пожаловать, джентльмены! — проговорил мажордом.

Хейворд едва кивнул ему, поскольку внимание его было целиком захвачено тремя женщинами. Немногим старше двадцати лет, они поражали красотой; у Хейворда дыхание перехватило.

«Пожалуй,— подумал он,— если собрать самых красивых стюардесс трех ведущих американских авиалиний и провести между ними конкурс, то едва ли победительницы сравнились бы с этой троицей». Одна была светлая, с волосами цвета свежего меда, другая — очаровательная брюнетка, у третьей были пышные рыжие волосы. Длинноногие, стройные, загорелые... На их нагрудных кармашках была вышита буква «К»...

— Добрый день, господин Хейворд,— сказала рыжеволосая. У нее был отлично поставленный, какой-то искушающий голос.

— Меня зовут Эврил. Если вы потрудитесь пройти за мной, я покажу вам вашу комнату.

Хейворд пошел за ней, недоумевая над словом «комната». Одновременно достопочтенным Гарольдом занялась блондинка.

Эврил вела Хейворда по коридору. Он насчитал

десяток дверей, и изумление его возросло еще больше, когда Эврил обернулась к нему и сказала:

— Мистер Квотермейн сейчас в сауне, потом у него массаж. Он присоединится к нам чуть позже...

— Сауна? На самолете?

— О да, у нас есть не только сауна, но и простая баня. Если вы захотите попариться или сделать массаж, милости прошу. Времени у вас будет достаточно, и я буду рада помочь вам.

— Нет, нет. Благодарю вас,— поспешно ответил Роско.

Девушка остановилась:

— Это ваша комната, мистер Хейворд.

В эту секунду самолет начал выруливать на взлетную полосу. Хейворд пошатнулся, потеряв равновесие.

— Осторожно! — весело сказала Эврил и поддержала его, долго не снимая руки с его локтя.— Пожалуй, я вас все-таки пристегну до набора высоты. Это будет недолго. Наш капитан взлетает почти «свечкой». Мистер Квотермейн не любит торчать в аэропортах. Ну, поехали! — сказала она, когда самолет набирал скорость на полосе.— Если вы не возражаете, я побуду здесь, пока мы не взлетим...

Она села возле него и пристегнулась сама.

— Ну что вы! — пробормотал совершенно потрясенный Хейворд.

— Хотите взглянуть, как мы будем взлетать? — спросила Эврил.

Не дожидаясь ответа, она включила телевизор.

— Телевизор настроен и на обычные каналы, — сказала она.— Если захотите посмотреть картину — пожалуйста...— Затем она показала ему телетайп.— Здесь вы можете получить не только сведения с биржи, но и связь с телеграфными агентствами «Эй пи», «Юпи» и «Телекс». Для этого нужно только позвонить по телефону, и вам окажут любую услугу.

Хейворд осторожно заметил:

— Все это чуточку выходит за пределы привычного...

— Да, вы правы. Это всегда производит впечатление. Хотя, если разобраться, в этом ничего особенного нет, и люди быстро привыкают.— Она опять взглянула ему прямо в глаза и ослепительно улыбнулась.— У нас здесь есть четыре каюты, и каждую можно легко превратить в спальную. Стоит только нажать вот эти кнопки... Я покажу вам, если хотите...

— Спасибо, спасибо... Потом.

— Как угодно, мистер Хейворд.

Она отстегнула ремни и встала.

— Если вы захотите увидеть мистера Остина, его комната по соседству с вашей. В противоположной стороне — зал, куда вас пригласят обедать. Рядом — буфет и рабочие кабинеты, а впереди — комнаты мистера Квотермейна.

— Спасибо за урок географии, — улыбнулся Хейворд, снял пенсне и вытащил из кармана носовой платок.

— О нет, нет, позвольте мне!

Деликатно, но уверенно Эврил взяла пенсне, протерла шелковым платочком и осторожно надела Хейворду. При этом ее пальцы слегка прикоснулись к его щекам. Хейворд почувствовал, что не должен был позволять ей все это, но промолчал.

— Моя задача во время путешествия, мистер Хейворд,— сказала Эврил, — состоит в том, чтобы угождать вам полностью. Обслуживая вас всем, чего вы захотите.

Ему показалось, что она подчеркнула слово «всем». А может, то был плод его воспаленного воображения?..

— Прошу вас учесть также следующее, — добавила Эврил.— Если я вам понадоблюсь, в любое время, пожалуйста, нажмите цифру «семь» и я приду.

Хейворд ответил хриплым голосом:

— Спасибо, милая девушка. Сомневаюсь, что будет такая необходимость. Спасибо. Извините.

Казалось, Эврил пропустила эти слова мимо ушей.

— По пути на Багамские острова мы ненадолго задержимся в Вашингтоне. К нам присоединится вице-президент.

— Вице-президент «Супранэйшнл»?

В ее глазах мелькнула лукавая смешинка: — Не совсем. Это будет вице-президент Соединенных Штатов!

Минут пятнадцать спустя в гостиной Большой Джордж приставал к Хейворду:

— Объясните, бога ради, что это у вас в бокале? Грудное молоко?

— Лимонад,— ответил Хейворд, подняв стакан и любуясь цветом жидкости.— Мне он очень нравится.

Председатель «Супранэйшнл» пожал огромными плечищами:

— Каждый выбирает себе отраву по вкусу. Ну, а девушки к вам достаточно внимательны?

— С моей стороны никаких жалоб,— сказал со смешком достопочтенный Гарольд Остин.

Подобно остальным, он сидел, удобно развалясь в кресле. У его ног пристроилась блондинка по имени Рета. Стоявшая позади кресла Хейворда Эврил сладко вставила:

— Стараемся изо всех сил...

Хейворд ощутил ее пальцы, быстро пробежавшие по затылку.

— Ну, а как делишки в вашем банке? — спросил Квотермейн.— И все такое... На ногах прочно стоите?

— Нас уже давно не спихнешь,— ответил Хейворд.— Хотя на бирже вся эта история сказалась.

— С каких это пор биржа стала барометром банковского благополучия?

Большой Джордж чуть заметно улыбнулся и, повернувшись к своей личной стюардессе, японке, попросил:

— Мун-Бим, принеси мне, пожалуйста, все материалы по Первому Коммерческому!

— Холосо, миста Кей,— сказала девушка и вышла из зала.

Роско поторопился заполнить паузу:

— Сообщения, которые дошли до вашего слуха, касались пустякового инцидента, раздутого до безобразия. К тому же, вы должны учесть, что он произошел в период междувластия.

— Тем не менее, вы не смогли постоять за себя и за свое дело! — агрессивно продолжал Большой Джордж.— Вас одолели грязные агитаторы. Вы — мягкотелые моллюски...

— Увы, это так. Честно говоря, мне самому наше решение показалось омерзительным. И я активно возражал против него...

— Не давать им спуска! Бейте этих ублюдков в солнечное сплетение! Никогда не уступайте!

Председатель «Сунатко» допил свой мартини и погрузился в воспоминания.

— У меня, помню, тоже было такое дело в Денвере, на сборочном заводе. Ну и помучились мы тогда с этой рабсилой. Без конца требовали повышения зарплаты. А потом их профсоюз пошел на забастовку. Ха-ха! Это была их последняя стачка... Я сказал своим:

— Предупредите этих сукиных сынов, что мы закроем завод. Мне, конечно, никто не поверил. Тогда мы провели кое-какие перестановки... Да. Отправили инструменты и детали на другую фирму. Те взялись выпускать продукцию нашего завода, и в Денвере мы его закрыли! Вот так: закрыли и все тут! Нет завода, нет работы, нет зарплаты. Ну и все! Профсоюзы и благотворительные организации штата плюхнулись на колени, стали молить о пощаде...

Он поглядел на мартини, а затем величественно произнес:

— Что ж, может, и простим. Но — на наших условиях!

— Молодчина, Джордж! — воскликнул Гарольд. — Побольше бы нам таких, как ты. Надо уметь постоять за себя... Справедливости ради, должен сказать, что с ПКА было чуть по-другому. Мы ведь остались во взвешенном состоянии после смерти Россели... Надеемся, к весне Роско твердо возьмет власть в руки!

— Рад это слышать,— заявил Дж. Дж. Квотермейн.— Не люблю иметь дело с людьми, которые плохо сидят в седле. Всегда предпочитал настоящих хозяев — твердых и решительных...

— Смею тебя заверить, Джордж, как мы с Роско решим, так и будет. Дай только время.

«А ловко это Джордж,— подумал Хейворд,— сумел сманеврировать так, что мы с Гарольдом оказались в положении просителей, а не наоборот...»

Вошла Мун-Бим с телетайпной лентой и зачитала курс акций:

— ПКА по солок пять и тли четвелти...

— Ну вот, видите,— радостно вставил Роско Хейворд.— Поднялись на один пункт!

— Все равно хуже, чем до того, как Бен отправился к праотцам,— сказал Большой Джордж и широко улыбнулся.— Впрочем, когда все узнают, что вы финансируете «Супранэйшнл», ваши акции подскочут до потолка...

«Итак,— подумал Хейворд.— Большой Джордж дал понять, что он будет иметь дело с Первым Коммерче-

ским. Ну, а что касается деталей, то их они оговорят в ближайшие два дня»... Он почувствовал огромный прилив бодрости.

Самолет пошел на посадку.

— Вашингтон за бортом! — с энтузиазмом объявила Эврил и принялась споро пристегивать ремни всей компании...

Стоянка в Вашингтоне оказалась совсем короткой. Учитывая важность персоны, садившейся в самолет, они получили «о'кей» на внеочередной взлет, и не прошло двадцати минут, как они на крейсерской скорости устремились к Багамам. Вице-президент устроился в своем отсеке. К нему была приставлена брюнетка Криста. Агентов секретной службы, сопровождавших вице-президента, разместили поближе к хвосту. Вскоре всех пригласили обедать...

Теплые солнечные лучи падали с неомраченного неба на бархатную зелень Багамского гольфклуба. И поле, и клуб были, возможно, самыми роскошными в мире.

— Мне кажется,— пошутил вице-президент Соединенных Штатов, оглянувшись вокруг,— что еще ни один грешный политик не был в более тесном соседстве с раем...

Они играли партию двое на двое. Большой Джордж с Роско Хейвордом против Гарольда Остина и вице-президента.

— Знаешь, Гарольд,— сказал вице-президент Байрон Стоунбридж,— тебе, старина, нужно вернуться в конгресс и отвоевать мое место. Как только ты займешь его, тебе совершенно ничего не останется делать, как играть в гольф. Вот тогда бы ты стал чемпионом... Знаешь, это уже исторический факт, что почти каждый вице-президент за последние пятьдесят лет уходил из Белого Дома великолепным игроком, не то что при вступлении в должность...

И словно для того, чтобы проиллюстрировать свои слова, Стоунбридж великолепным ударом отправил мяч к лунке. Вице-президент был стройный, поджарый, мускулистый. Все в нем напоминало о его происхождении из фермерской семьи, которая жизнь свою провела в работе под щедрым солнцем, на свежем воздухе...

— Неплохой ударчик!— признал Большой Джордж.— Вашингтон себя не слишком обременяет делами, а, Бай?

— О, грех мне жаловаться! Вчера я провел инвентаризацию канцелярских скрепок. В ближайшее время буду страшно загружен подточкой карандашей...

Компаньоны понимающе усмехнулись. Ни для кого не было секретом, что Стоунбридж, бывший губернатор штата и лидер меньшинства в сенате, глубоко переживал роль, которую был вынужден играть сейчас. В своей предвыборной кампании нынешний президент заявил, что его ближайший сподвижник будет выполнять работу, полную высокого смысла, и принимать активнейшее участие в делах правительства. Как обычно, эти громкие слова повисли в воздухе сразу же после тронной речи...

— Скажите, Бай,— обратился к нему Роско Хейворд,— если бы вы имели полную свободу действий, что бы вы предприняли в первую очередь?

Еще вчера Хейворд называл Стоунбриджа официально: «господин вице-президент». Но уже к вечеру вице-президент сказал, что ему ужасно надоели всякие формальности и что он откликается на имя Бай. Хейворд, отлично знавший цену такой непринужденности в отношениях с высокопоставленными людьми, был счастлив.

— Если бы у меня был выбор,— сказал Стоунбридж,— я бы сосредоточился на экономике. Точнее, восстановил бы разумный подход к финансовой политике. Мне кажется, давно пора навести порядок в государственной бухгалтерии...

Услышав это, Квотермейн проворчал:

— Не ты один собирался это сделать, Бай. Но никому это пока не удалось. Да и ты малость опоздал...

— Лучше поздно, чем никогда! — вставил Хейворд...

Он играл в гольф старательно, но и не лучшим образом, хотя стыдиться своей игры оснований не было. Большой Джордж в начале игры сказал Хейворду:

— Послушай-ка, бухгалтер, ты играй да очки считай, а то эти политиканы и рекламные боссы не очень-то щепетильны в подсчетах...

— Мое положение обязывает меня выигрывать,— парировал вице-президент.— Причем любыми путями!

— Валяйте,— сказал Хейворд,— но учтите, что по части счета здесь у меня своя ЭВМ...

Он постучал себя пальцем по лбу.

Когда они отошли в сторонку, Большой Джордж осведомился, заговорщически понизив голос:

— Как прошла ночь? Все в порядке?

— Абсолютно все! Большое спасибо. Я получил огромное удовольствие от путешествия и спал, как убитый.

Роско солгал, он и глаз не сомкнул за ночь. Дело было в том, что накануне, во дворце Квотермейна, стало окончательно ясно: очаровательная, стройная, рыжеволосая Эврил была готова отдать Хейворду всё, стоило ему пальцем пошевелить! Это было видно и по ее поведению днем и особенно вечером. Точно так же Мун-бим была наложницей Квотермейна, а роскошная Криста — Байрона Стоунбриджа. Не говоря уже о блондинке Рете, предназначенной для Гарольда Остина...

После ужина вице-президент и Криста решили остаться дома, а остальные отправились на «роллс-ройсе» Квотермейна в ближайшее казино. Вернувшись, Эврил проводила Роско до его комнаты. Они остановились на пороге.

— Возле вашей постели,— сказала Эврил,— есть селектор. Если вдруг что-нибудь,— она выделила слово «что-нибудь» — вам понадобится, нажмите кнопку с цифрой «7», и я приду.

— Спасибо, дитя мое! — ответил Хейворд.— Вряд ли мне что-нибудь понадобится.

...Большой Джордж продолжал:

— Послушай, старина, если что-нибудь не так, может, послать к тебе Мун-Бим?

Хейворд покраснел как рак и стоически ответил:

— Джордж, я и так наслаждаюсь твоим обществом и твоей дружбой. Но я должен прямо тебе сказать, что кое в каких вопросах наши вкусы расходятся.

Джордж помрачнел:

— В каких это, интересно, вопросах?

— Я имею в виду вопросы морали.

Большой Джордж задумался, сохраняя каменное выражение лица. А затем рявкнул:

— Морали? Это еще что такое? Чушь! Интеллигентские штучки-дрючки. Впрочем, как хочешь. Но не стесняйся! Скажи, если передумаешь...

Перед взятием девятой лунки Большой Джордж оста-

повился у буфета с прохладительными напитками и возобновил разговор с Байроном Стоунбриджем.

— В американском правительстве, так же как и во многих других,— заявил он,— заправляют люди, которые ни черта не смыслят в основах экономики. И в этом главная причина инфляции. Вот почему и мировая денежная система, и все, что связано с ней, трещит по швам и летит в тартарары...

— Во многом я с тобой согласен,— сказал Стоунбридж.— Достаточно посмотреть, как конгресс швыряет деньгами направо и налево. Можно подумать, что у него их пруд пруди. Вроде бы нормальные люди сидят в палате и в сенате, а в то же время они считают, что печатный станок можно не останавливать...

Большой Джордж презрительно сказал:

— Каждому бизнесмену это понятно. Вопрос даже не в том, разразится ли кризис в американской экономике или нет. Для меня вопрос стоит иначе: когда это произойдет?

— Думаю, что этого можно избежать...

— Дудки! Я знаю, наступит день, когда правительство останется без денег. Только идиоты могут думать, что этого не произойдет.

Вице-президент вздохнул:

— В другом месте я бы сказал, что это ложь. Здесь же я этого делать не стану.

— И когда в Штатах настанет финансовый крах,— продолжал Большой Джордж,— только две силы могут спасти нас от анархии. Одна — это большой бизнес. Я имею в виду картель многонациональных корпораций, вроде моей, и больших банков, вроде твоего, Роско. Они станут руководить страной, научив ее финансовой дисциплине. Мы спасемся благодаря тому, что наши операции будут частью многонациональных картелей. Мы не погибнем, потому что свои ресурсы разместим за пределами страны — там, где их не настигнет инфляция. Второй силой будут военные и полиция. В союзе с большим бизнесом они сумеют навести порядок.

Вице-президент сухо сказал:

— Иными словами, полицейское государство... У вас найдутся противники.

Большой Джордж пожал плечами:

— Пустяки! Люди смирятся с неизбежным, особенно при условиях, когда называемая демократия улегучилась, денежная система гроша ломаного не стоит, а по-

купательная способность почти равна нулю. Кроме того, американцы уже не верят в демократические институты. Вы, политики, сами подорвали эту веру...

Роско Хейворд молчал, потом осторожно вставил:

— Ваш прогноз, Джордж, означает превращение сегодняшнего военно-промышленного комплекса в авторитарное правительство.

— Вот именно! Только я бы сказал — промышленно-военного. Именно он становится сильнее по мере того, как американская экономика слабеет. И не забудьте, на нашей стороне — организация. Со временем она станет весьма эффективной.

— А ведь это Эйзенхауэр впервые заговорил о военно-промышленной структуре,— заметил Хейворд.

— Да. И он же предупредил нас об ее опасности, — сказал Байрон Стоунбридж.

— Черта с два — опасности! — воскликнул Большой Джордж.— Кто-кто, а уж Айк-то должен был увидеть в этом комплексе большие возможности. Неужели вам это не понятно?

Вице-президент отхлебнул пунша:

— Ну, если не для печати, то скажу: конечно, мне это понятно, встать на нашу сторону.

Достопочтенный Гарольд спросил:

— А как ты думаешь, Джордж, сколько нам осталось?

— Мои эксперты утверждают, что пройдет еще лет восемь-девять, затем крах денежной системы неизбежен.

— Что мне импонирует как банкиру, — проговорил Хейворд,— так это идея дисциплины. Дисциплины во всем. И в финансах, и в самом правительстве.

Дж. Дж. Квотермейн, подписав счет, который ему подали, напыщенно произнес:

— И вы увидите, что она будет! Это я вам говорю!

Игра продолжалась. Джордж и Роско сидели без дела, пока Гарольд Остин с помощью сотрудников секретной службы искал затерявшийся где-то в кустах гольфовый мячик. Неожиданно наступил тот самый момент, которого так ждал Хейворд. Вышло это, казалось бы, совершенно непреднамеренно, почти случайно.

— Так что же, ваш банк намерен иметь дело с «Супранэйшнл? — спросил Джордж.

— Да, мы об этом подумывали,— в тон ему ответил Хейворд.

— Мы расширяем сферу влияния в области международной телефонной радиосвязи. Хотим захватить контроль над ключевыми телефонными и широковещательными компаниями. Одни из них — правительственные, некоторые частные. Конечно, мы не хотим огласки во избежание националистической возни и воплей о суверенитете. «Сунатко» предоставит им современную технологию и эффективное обслуживание; сами они, понятно, такую роскошь позволить себе не могут. Посредством стандартизации мы включим их в мировую систему связи. В ближайшие три года мы будем контролировать примерно сорок пять процентов всей доступной нам системы связи на земле. Конкурентов у нас нет. Для Америки это очень важно. Я бы сказал, это жизненно важно для того же промышленно-военного комплекса...

— Да,— согласился Хейворд,— это крупное дело.

— Я бы хотел, чтобы ваш банк выделил нам кредит в пятьдесят миллионов долларов, но по самой низкой процентной ставке.

— Разумеется. Сделка будет идти на самых льготных условиях.

Хейворд знал, что гигантская ссуда обойдется Квотермейну малой кровью. В банковском деле издавна повелось так, что самые богатые клиенты платили наименьшие проценты, и наоборот.

— Конечно, придется подумать, — сказал Хейворд,— как обойти юридические ограничения, вытекающие из федеральных законов...

— Юридические ограничения? Я лопну от смеха! Есть десятки способов обойти их в любое время. И вы это знаете не хуже меня...

В силу американских банковских законов запрещалось выдавать ссуду, которая превышала бы десять процентов основного капитала банка-заимодавца, одному заемщику. Смысл законов состоял в защите мелких вкладчиков от банковских крахов. В данном же случае пятидесятимиллионный заем, предоставленный «Сунатко», значительно превосходил бы этот лимит.

— Обойти закон,— сказал Большой Джордж, — можно, например, распределив заем по моим филиалам. А мы сами переведем деньги куда нам нужно.

Роско кивнул:

— Так, конечно, можно...

Разумеется, подобная сделка нарушала дух закона, хотя буква его формально соблюдалась. Роско прекрас-

но знал, что этой лазейкой то и дело пользовались все крупнейшие и престижные банки... Тем не менее, объем предстоящих обязательств банка потряс Хейворда. Он думал, что речь пойдет, допустим, первоначально о двадцати миллионах, и постепенно будет увеличиваться наряду с развитием деловых отношений между «Сунатко» и ПКА.

Словно прочитав его мысли, Большой Джордж сказал напрямик:

— Всегда не любил возиться с мизерными суммами. Если пятьдесят миллионов больше, чем вы в состоянии выделить, забудем о сделке. Я сделаю предложение «Чейз Манхеттену».

Столь заманчивое дело, из-за которого Хейворд прилетел сюда, казалось, выскальзывало из рук.

Роско поспешно сказал:

— Нет, нет, что вы! Сумма нам по плечу.

Он принялся за мысленный подсчет возможностей ПКА. Никто не знал их лучше, чем он. Да, пятьдесят миллионов для «Сунатко» можно наскрести. Правда, придется потуже затянуть пояс при малых операциях и почти полностью прекратить выдачу ссуд под ипотеки, но, тем не менее, выкрутиться можно. Один большой заем такому клиенту, как «Супранэйшнл», принесет значительно большую прибыль, чем бездна малых займов, которые сами по себе обходятся дороговато, да и радости от них почти никакой...

— Я лично выступлю в поддержку вашего кредита, используя при этом всю свою власть,— решительно сказал Хейворд.— И я уверен, что со мной согласятся...

Большой Джордж лаконично ответил:

— Отлично!

— Конечно, моя позиция была бы значительно сильней, если бы я мог обещать нашим директорам место в правлении «Сунатко»...

Большой Джордж повертел в руках мячик:

— Ну, это можно легко устроить. Но вашему банку надо будет скупить побольше наших акций. Давно пора, чтобы нас активней покупали, тем самым поднимая котировку...

Со все возрастающей уверенностью Хейворд заявил:

— Это можно будет оговорить наряду с другими моментами. Но поскольку «Супранэйшнл» будет иметь у нас активный счет, возникнет вопрос о компенсирующем остатке...

То, что сейчас происходило, было как бы ритуальным танцем банкира и клиента: «почеши мне спину, а я почешу тебе»...

Дж. Дж. Квотермейн раздраженно сказал:

— Не морочьте мне голову пустяками. Сегодня приедет человек, который занимается финансовой стороной этого дела. Некто Инчбек. Завтра он полетит с нами обратно, вот вы вдвоем и обсудите все детали...

Тем самым Большой Джордж дал понять, что деловая часть встречи завершена.

Партию выиграли Хейворд и Большой Джордж. Хлопнув Байрона Стоунбриджа по плечу, Квотермейн воскликнул:

— Теперь я надеюсь, что моя кредитоспособность в Вашингтоне возрастет как никогда!

— Зависит от того, что ты попросишь,— хитро улыбнулся вице-президент.— И насколько ты скромен в своих просьбах...

Повернувшись к Хейворду, Джордж сказал:

— Мне понравилось, как ты играл, партнер! Мне кажется, Роско заслужил приз... Правда?

Все согласились, и Джордж рявкнул:

— Он получит место в Совете директоров «Сунатко». Как тебе нравится такой приз?

Хейворд улыбнулся:

— Шутить изволите?

Лицо председателя «Сунатко» помрачнело:

— Не признаю шуток, когда речь идет о «Сунатко»...

Только сейчас Хейворд понял, что Джордж цементировал сделку, которая только что состоялась. Если Хейворд при всех согласится, то это значит, что он берет на себя определенные обязательства...

Его колебания длились, однако, недолго.

— Если вы всерьез,— сказал он,— я буду просто в восторге, получив официальное предложение.

— За этим дело не станет...

Итак, все произошло настолько молниеносно и оглушительно, что Хейворд еще не мог ушам своим поверить. Он ожидал, что «Сунатко» остановит свой выбор на ком-нибудь другом. Но быть избранным лично Дж. Дж. Квотермейном — это кое-что значило... Список членов Совета директоров «Сунатко» представляет собой своего рода справочник «Кто есть кто» в большом бизнесе и финансах.

Большой Джордж, посмеиваясь, сказал:

— А заодно последишь и за деньгами вашего банка...

Хейворд перехватил взгляд достопочтенного Гарольда и кивнул ему головой. Его коллега по Совету директоров ПКА так и сиял.

Второй вечер на Багамских островах, проведенный во владениях Квотермейна, существенно отличался от предыдущего. Все вели себя куда более непринужденно, и Роско Хейворду казалось, что он знал причину этой непринужденности.

Он был уверен, что Рета провела прошлую ночь с Гарольдом Остином, а Криста — с Байроном Стоунбриджем, и боялся, что о нем с Эврил подумают то же самое. Большой Джордж, судя по всему, был отлично осведомлен о всем происходящем в его доме.

К сумеркам все расположились на террасе, у бассейна. Роско был в приподнятом настроении. Он наслаждался жизнью, ему нравились знаки внимания, которые оказывала ему Эврил, особенно теперь, когда удалось противостоять соблазну. А раз так, то зачем отказывать себе в приятном обществе? И, конечно, главная причина этой легкой эйфории заключалась в том, что «Супранэйшнл» закрутила такой роман с Первым Коммерческим... А головокружительный личный трофей — место в Совете директоров «Сунатко»? Нет, нет, он просто не сомневался, что и то и другое невероятно поднимает его престиж в ПКА. Восшествие на банковский престол отныне казалось ему само собой разумеющимся. Днем у него состоялась краткая беседа с главным бухгалтером «Супранэйшнл» — Стенли Инчбеком, который, как и говорил Большой Джордж, специально прилетел сюда для переговоров. Затем Инчбек долго сидел в кабинете с Дж. Дж. Квотермейном, хотя на вечер его не пригласили.

Стоя днем у своего окна на втором этаже, Роско видел, как Дж. Дж. Квотермейн и Байрон Стоунбридж целый час гуляли в саду, занятые, по всей видимости, важным разговором. Что-либо услышать из этого раз-

говора было нельзя, но, судя по жестам, Большой Джордж в чем-то пытался убедить вице-президента, а тот перебивал его, видимо, уточняя что-то для себя. Хейворд задумался было — что могло так интересовать «Сунатко» в Вашингтоне, но решил, что этого он все равно не узнает. Да и стоило ли ломать себе голову в этот наполненный сладким запахом цветов вечер... Большой Джордж, вновь заступивший на вахту радушного хозяина, громогласно объявил:

— Никаких экскурсий, веселимся дома!

Мажордом, лакеи и музыканты почтительно удалились.

Рета и Эврил радостно закричали:

— Вечеринка, вечеринка!

Стоунбридж потребовал уточнить, какую именно вечеринку им хотелось бы устроить, и Криста, слегка захмелевшая от шампанского, воскликнула:

— Хочу провести вечеринку в бассейне! Хочу плавать!

Стоунбридж подзадорил:

— Так что же мешает?

— Ничего, Бай, миленький! Абсолютно ничего!

Криста поставила бокал с шампанским на парапет, молниеносно сбросила туфли, расстегнула платье и змеиным движением выскользнула из него. Под платьем оказалась комбинация. Криста сняла ее через голову и отшвырнула прочь. Обнаженная, улыбающаяся, великолепно сложенная, с высокими упругими грудями и ниспадавшим на плечи водопадом черных волос, она была похожа на известную скульптуру Майоля. С высоко поднятой головой Криста спустилась с террасы к освещенному бассейну, нырнула в воду, переплыла весь бассейн и крикнула:

— Восхитительно! Все за мной!..

— За кем за кем, а за мной дело не станет! — крикнул Стоунбридж и, сбросив спортивную рубашку, брюки и туфли, такой же обнаженный, как Криста, разве что менее привлекательный, бросился в бассейн.

Мун-Бим и Рета, посмеиваясь, уже раздевались.

— Держитесь! — кричал Гарольд Остин. — Утоплю!

Роско Хейворд глядел на Кристу со смешанным чувством удивления и восторга и не заметил, как к нему подошла Эврил.

— Росси, миленький,— попросила она,— расстегни «молнию».

Она повернулась к нему спиной.

Он сделал жалкую попытку дотянуться до «молнии», не вставая со стула.

— Неумеха,— сказала Эврил,— встань!

Трясущимися руками Роско пытался справиться с непослушной «молнией».

— Ну, что ты там копаешься?

— Не поддается,— багровея, пробормотал финансист.

Закинув руки за спину, Эврил сказала:

— Давай-ка я попробую...

Она резко потянула молнию вниз и уверенным движением плеч сбросила с себя платье.

— Чего же ты ждешь? — капризно сказала она.— А кто мне расстегнет лифчик?

Его руки тряслись, он старался не смотреть на ее великолепное тело... Лифчик упал. Эврил грациозно повернулась к Роско и поцеловала прямо в губы. Его ладони, так и застывшие в воздухе, коснулись ее груди.

— Идем, поплаваем?

Он отрицательно помотал головой.

— Тогда — пока!

Подобно языческой богине греха, ослепляя его своей обнаженностью, она сошла вниз и присоединилась к шестерке, барахтавшейся в бассейне.

Дж. Дж. Квотермейн остался сидеть в шезлонге. Он отхлебнул бренди, хитро глядя на Хейворда:

— Я тоже не ныряльщик, хотя порой, в своей компании, совсем неплохо чуть-чуть распуститься...

Часом позже, как и прошлой ночью, Эврил проводила Хейворда до дверей его спальни.

— Доброй ночи, моя милая юная леди, — сказал он.— И, пожалуйста, не напоминайте мне о том, что ваш номер — седьмой. Уверяю вас, что мне ничего не понадобится...

Время тянулось невыносимо. Дважды он собирался встать и подойти к селектору, стоявшему на столике и дважды горячо молился о ниспослании твердости духа! Наконец он не выдержал и нажал клавишу с цифрой «семь»...

В середине апреля Вандервоорт встретился с Томом Строэном, вице-президентом банка, который еще в январе вместе с Алексом выступил против сокращения фи-

нансирования проекта «Форум Ист». Теперь он полностью поддерживал выдачу огромной ссуды «Сунатко».

Встреча оказалась бурной: они обсуждали дела этой корпорации.

— Ты слишком нервничаешь, Алекс, — настаивал Том.— Вероятность риска равна нулю. И, кроме того, «Сунатко» окажет нам большую поддержку. В этом я уверен.

Алекс проговорил с раздражением:

— Риск всегда есть, и ты это знаешь не хуже меня. И не «Сунатко» меня беспокоит. Подумай о том, на какие лишения нам придется пойти в связи с такой колоссальной суммой. Пятьдесят миллионов!..

Оба знали, о каких лишениях шла речь, поскольку Роско Хейворд распространил среди членов Совета и комиссии по финансовой политике банка меморандум, подписанный Джеромом Паттертоном. В нем перечислялись те, кому придется отказать в кредитах, чтобы выделить пятьдесят миллионов для «Супранэйшнл»... Накладывалось вето на все небольшие займы и закладные.

— Ведь это временно! — горячился Том.— Через три месяца, может быть, даже раньше, мы снова вернемся к прежней политике...

— Блажен, кто верует,— сказал Алекс.— Только не я...

Маневр Хейворда-Паттертона был противен не только убеждениям Алекса, но и его интуиции финансиста. Он считал совершенно неправильным направлять банковские фонды в один канал, одному промышленному комплексу в ущерб всему обществу. Пусть финансирование такого комплекса принесет значительно большие прибыли, но даже с чисто деловой точки зрения обязательства, которые брал на себя банк по отношению к «Сунатко» через ее филиалы, представлялись ему чрезмерными.

Он понимал, что при голосовании останется в меньшинстве, точнее — один против всех. Верхушка банка была в восторге от романа с «Супранэйшнл», и Хейворд ходил именинником. Мерзкое чувство не покидало Алекса, хотя финансовое положение «Супранэйшнл» внешне не вызывало никакой тревоги. Балансовые отчеты свидетельствовали, что гигантский конгломерат буквально лоснился от жира. Что касалось его реноме, то он стоял рядом с такими гигантами, как «Дженерал Моторс», «Ай-Би-Эм», «Дюпон» и им подобными...

Возможно, думал Алекс, это подавленное настроение объяснялось тем, что его личное влияние в банке падало. А оно действительно падало. Особенно это стало заметно в последние несколько недель.

Зато дела Роско в этом плане резко шли вверх. После двухдневного вояжа на Багамские острова с Дж. Дж. Квотермейном он пользовался полным доверием и вниманием Паттертона. А тот факт, что Алекс отнюдь не выражал восторгов по этому поводу, рассматривалось всеми как проявление зависти.

Алекс видел, что теряет поддержку и сочувствие даже у тех, кого в недалеком прошлом считал своими сторонниками.

— Необходимо признать, — продолжал Строэн,— что сделка с «Сунатко» на редкость соблазнительна. Ты слышал, что Роско заставил их согласиться на компенсационный остаток в размере десяти процентов?

Компенсационный остаток был особой формой банковской договоренности. Обычно ее добивались в результате упорной торговли между банком и заемщиком. Банк настаивал на том, чтобы заранее оговоренная часть любого займа хранилась на текущем счете. Депоненту он не приносил никакой прибыли, хотя в любое время был доступен для банка, и банк мог им распоряжаться по собственному разумению. Таким образом, заемщик не получал полную сумму своего займа, благодаря чему реальные проценты, которые он платил банку, оказывались значительно выше, чем предварительно обусловленные.

— Итого, — настаивал Том Строэн,— пять миллионов долларов будут числиться на «Сунатко», а пользоваться ими будет ПКА!

— Я надеюсь,— сказал Алекс,— что для вас не секрет и обратная сторона этого убаюкивающего предприятия...

— Ну,— неуверенно заметил Том,— мне говорили, что достигнута некоторая договоренность и в этом смысле. Так что я не вполне согласен с тем, чтобы квалифицировать это как обратную сторону медали...

— Черт подери! А как же это назвать, по-вашему? Мы оба прекрасно знаем, что по настоянию «Сунатко» достигнуто соглашение о том, чтобы мы произвели массовую закупку их акций!

— Очень может быть, но в документах это не отражено.

— Конечно, нет! Дураков теперь мало...

Алекс пристально взглянул на собеседника:

— Вы же имеете доступ к цифрам. Сколько их акций мы уже скупили на сегодня?

Строэн поколебался, затем вынул из стола листок бумаги.

— На сегодняшний день — 97 тысяч,— сказал он.

Алекс ехидно заметил:

— Представляю себе, как в «Сунатко» потирают руки. Наши покупки подняли стоимость каждой акции на пять долларов! Это значит, что только за последнюю неделю мы вогнали почти пять миллионов долларов, принадлежащих нашим клиентам, в закрома «Супранэйшнл». А зачем?

— По-моему, это — прекрасное вложение денег. Учтите, что весьма серьезные прибыли, которые мы получим, пойдут на всевозможные общественные фонды.

— Что мы конкретно знаем о «Сунатко», Том? Любой из нас? Во всяком случае, что такого особенного мы узнали сегодня из того, чего не знали, скажем, две недели назад? И почему до сей поры наш отдел ценных бумаг никогда не покупал ни единой акции «Супранэйшнл?»... — одним духом выговорил Алекс.

Несколько смутившись, Том ответил:

— Ну, я думаю, Роско считает, что, войдя в их Совет директоров, он сможет более внимательно следить за деятельностью этой компании.

— Извините, Том, но вы меня разочаровали. Вы никогда не хитрили сами с собой, особенно в тех случаях, когда подлинные причины некоторых сделок были вам хорошо известны...

Строэн покраснел.

— Неужели вы не понимаете,— продолжал Алекс,— какой разразится скандал, если федеральные ревизоры доберутся до всего этого? Налицо — тайная сделка, вопиющее нарушение закона об ограничении сумм займа. А использование денег наших клиентов в собственных интересах банка?

Строэн резко ответил:

— Если все это и так, то не первый раз такое делается и, кстати, в нашем же банке.

— К сожалению, вы правы, но это нас отнюдь не оправдывает...

— Послушайте, Алекс,— сказал Том,— давайте начи-

стоту. Я хочу предупредить вас, что завтра я намерен поддержать заем для «Супранэйшнл».

— И я очень огорчен, поверьте! — горячо воскликнул Вандервоорт...

Нельзя сказать, чтобы Алекс этого не ожидал. Про себя он подумал: «Как долго еще продлится мое одиночество?» Теперь в любую минуту он мог оказаться уже совсем один.

Заседание Совета директоров Первого Коммерческого Американского банка состоялось в конце апреля и стало весьма знаменательным событием. Тон его был задан еще до обсуждения повестки дня. Хейворд, необыкновенно радостный, сияющий, в новом светло-сером костюме пришел в конференц-зал задолго до остальных и встречал участников заседания у входа. Было ясно, что большинство членов Совета не только знали о сделке с «Сунатко», но и горячо поддерживали ее.

— Поздравляю, Роско! — сказал Филипп Йохансен.— Ты перевел нашу команду в класс «А»... Так держать, старина!

Сияя, Хейворд отвечал:

— Благодарю за поддержку, Фил. Вам я могу сказать, что у меня на примете новые мишени...

— Уверен, что ты не промахнешься!

Флойд Лобер, директор с густыми мохнатыми бровями, член Совета «Дженерэл Кейбл корпорейшн» с энтузиазмом потряс руку вице-президента:

— В восторге от того, что вы вошли в «Сунатко». Должен сообщить вам, что моя компания начала скупать ее акции. Хотелось бы с вами поговорить на эту тему особо...

— Согласен! Давайте встретимся на следующей неделе,— благосклонно ответил Хейворд.— Можете не сомневаться, что я вам посильно помогу.

Лобер отошел, не скрывая удовольствия на морщинистом лице. Гарольд Остин понимающе подмигнул Хейворду:

— Наша поездочка начинает окупать себя. Высоко взлетел!

— Гарольд, — с чувством сказал Хейворд, — если я могу чем-нибудь отблагодарить тебя...

— Уж в этом ты не сомневайся,— ответил достопочтенный Гарольд и поспешил занять свое место за столом Совета.

Даже у Леонарда Кингсвуда, энергичного председателя «Сталь Нортем», нашлись добрые слова для Хейворда:

— Слышал, что вам удалось загнать в наше стойло «Супранэйшнл», Роско. Первоклассная сделка!..

Последними вошли Джером Паттертон и Алекс Вандервоорт. Паттертон постучал молоточком по столу и объявил, что сегодня первым и основным вопросом повестки дня будут займы, подлежащие утверждению.

Послышался шорох страниц, директора уткнулись в бумаги.

— Как всегда, джентльмены, вам дана возможность детально ознакомиться с предложениями правления банка. Особый интерес, как вы уже, вероятно, знаете, представляют наши новые отношения с корпорацией «Супранэйшнл». Лично я доволен условиями, которые нам удалось выговорить, и всемерно рекомендую их вашему одобрению... Роско, благодаря которому мы получили это дело, сам расскажет о нем и ответит на все ваши вопросы...

— Спасибо, Джером.

Роско Хейворд встал и привычным движением протер пенсне:

— Джентльмены! Прежде чем брать на себя какие-то обязательства, связанные с долгосрочным кредитованием, необходимо убедиться, что организация, занимающая у нас деньги, финансово крепка. Даже если это такая организация, как «Супранэйшнл». В приложении «Б», которое находится в ваших синих папках, вы найдете мое резюме о состоянии дел и прибылей группы «Сунатко», включая все ее подразделения и филиалы. Как вы видите, оно превосходно, и наш риск будет минимальным...

Первым подал голос Уоллес Спири, владелец компании научных приборов:

— Роско, если уж вы это гарантируете, то я поддерживаю сделку на сто процентов!

Послышались возгласы одобрения.

Алекс Вандервоорт что-то рисовал в своем блокноте...

— Спасибо, Уолли и джентльмены! Я надеюсь, что

ваше доверие будет также оказано соответствующим мерам, которые я рекомендую в данном случае.

Хотя рекомендации и были перечислены на бумаге, Роско, тем не менее, рассказал о них подробно. Немедленное предоставление кредита полностью; сокращение финансирования по другим позициям также немедленное. Сокращение, по словам Хейворда, будет отменено, как только это станет возможным и целесообразным...

— Я рекомендую эту сделку Совету,— закончил Хейворд,— и ручаюсь, что наши собственные прибыли будут прекрасно смотреться на ее фоне.

Хейворд откинулся на спинку кресла, а Джером Паттертон объявил:

— Переходим к обсуждению.

— Откровенно говоря,— сказал Уоллес Спири,— я не вижу надобности в обсуждении. Все и так ясно. Я считаю, что мы являемся свидетелями блистательной сделки. Прекрасные перспективы! Я предлагаю одобрить заем.

— Поддерживаем! Поддерживаем!..

— Что ж,— сказал Паттертон.— Голосуем!

Его председательский молоточек повис в воздухе.

— Нет еще,— спокойно проговорил Алекс Вандервоорт. Он отбросил карандаш в сторону.— Я полагаю, что мы не должны ставить вопрос на голосование, не обсудив это дело более детально...

Паттертон глубоко вздохнул и опустил руку с молотком. Несмотря на то, что Алекс предупреждал его о своих намерениях, Паттертон надеялся, что, видя единодушное настроение членов Совета, Вандервоорт не будет противиться.

— Я искренне сожалею,— говорил Вандервоорт,— что я один не согласен с моими коллегами — Джеромом и Роско. Но, по долгу совести, я не могу скрыть мою глубокую озабоченность в связи с этим займом и мое решительное несогласие с ним.

— А в чем дело? Может, вашей подружке несимпатична корпорация «Сунатко»?..

Этот ехидный вопрос был задан Форестом Ричардсоном, давним членом Совета ПКА.

Алекс покраснел. Несомненно, директора помнили, что его имя было связано с Марго и кампанией, которую она три месяца назад вела против банка. И хотя он вовсе не собирался позволить кому-либо лезть в его лич-

ные дела, Алекс все же решил воздержаться от резкого ответа.

— Мисс Бреккен и я не обсуждаем банковские проблемы. И я уверяю вас, что и на эту тему у нас разговора с ней не было...

Кто-то спросил:

— А что именно, Алекс, вам не нравится в этой сделке?..

— Все! — невозмутимо заявил Алекс.

За столом раздались возгласы раздраженного удивления. Все повернулись к Алексу и посмотрели на него с нескрываемым неудовольствием.

Джером Паттертон кротко сказал:

— В таком случае, поделитесь же с нами своими соображениями.

— Да, это я и намерен сделать.

Алекс взял папку и вытащил из блокнота листок со своими заметками:

— Начнем с того, что я возражаю против слишком больших обязательств, которые мы берем на себя по отношению к одному клиенту. И, мало того, что, на мой взгляд, риск неоправдан, мы еще и нарушаем мошеннически статью 23 Федерального резервного акта...

Роско Хейворд подскочил с места:

— Я возражаю против слова «мошеннически»!

— Одного возражения мало: правда остается правдой,— ответил Алекс.

— Какая же это правда? Мы четко разъяснили, что не вся сумма дается непосредственно «Сунатко», а идет разным ее филиалам. Вот, смотрите! Все они указаны в этом списке!

— Но ведь они давно вполне самостоятельны, со своими уставами и правами...

— Тогда почему же сегодня, да и раньше мы говорили только о «Супранэйшнл»?

— Ради простоты и удобства,— ответил Хейворд.

— Но ведь это же не секрет,— настаивал Алекс,— что как только банковские деньги поступят на счет любой такой компании, Квотермейн немедленно заберет их и разместит так, как ему заблагорассудится!

— Одну минуточку,— прервал их Гарольд Остин, стуча ладонью по столу.— Джордж Квотермейн мой добрый друг. И я не могу слушать, как его обвиняют в нечестности.

— А никто и не говорит о его нечестности,— продол-

жал Алекс.— Я совсем о другом. Я о том, что это вообще типично для деятельности любой большой корпорации. И здесь то же самое. Большие суммы постоянно имеют хождение между подразделениями «Супранэйшнл», это же видно из их банковских отчетов. И это подтверждает, что в конце концов мы даем деньги одному учреждению.

Отвернувшись от Алекса и обращаясь к членам Совета, Остин сказал:

— Я хочу напомнить, что знаю Квотермейна достаточно хорошо, равно как и корпорацию «Супранэйшнл». Вам также известно, что я в определенной степени несу ответственность за встречу на Багамах, где это дело было оговорено. И я утверждаю, что это — исключительно полезная сделка для нашего банка!

Наступившую тишину прервал Филипп Йохансен:

— Скажите, Алекс, может быть, вы просто ревнуете к Роско? Что это его пригласили сыграть в гольф на Багамах, а не вас?

— Нет и еще раз нет!

Кто-то скептически заметил:

— Что-то не похоже!

— Джентльмены, джентльмены! — Джером резко постучал молоточком по столу.

Сдерживаясь, Алекс продолжал:

— Я повторяю, что этот заем является слишком большим обязательством по отношению к одному заемщику. Более того, делать вид, что заемщик не один, это просто попытка закрыть глаза на грубое нарушение закона. И все присутствующие здесь понимают это!

— Лично я так не думаю, — сказал Роско Хейворд. — И продолжаю утверждать, что ваша интерпретация — предвзятая и ошибочная...

Это было из ряда вон выходящее заседание. За исключением редких случаев Совет штамповал подготовленные решения, и лишь кое-когда директора позволяли себе вполне благонамеренные комментарии... Слово взял Леонард Л. Кингсвуд.

Он мягко сказал:

— Алекс, в том, что вы говорите, есть определенный смысл. Но в данном случае мы не делаем исключения из правил. Так всегда было между большими банками и крупными корпорациями...

Вмешательство председателя «Нортем» было весо-

мым. На последнем заседании в декабре Кингсвуд возглавил группу, которая поддерживала кандидатуру Алекса на пост президента. Он продолжал:

— Откровенно говоря, и у моей компании рыльце в пушку...

Алекс сожалеюще покачал головой:

— Извините меня, Лен, но все равно я считаю, что мы идем на преступление. Особенно, если учесть, что Роско стал членом Совета «Сунатко», нас обвинят в сомнительных делах с этой корпорацией...

Леонард Кингсвуд сжал губы, но ничего не сказал. Зато высказался Филипп Йохансен:

— И если после всего этого вы хотите, чтобы мы поверили, что вы не завидуете Роско Хейворду, вы сумасшедший!

Роско не сумел сдержать улыбку.

Алекс меланхолично сказал:

— Мне иногда кажется, что мы не извлекаем для себя никаких уроков. Со всех сторон — общественность, конгресс, наши клиенты, пресса — обвиняют нас в закулисных плутнях и игре интересов. И если быть честным с самими собою, в основном это — правда. И все-таки мы продолжаем культивировать коррупцию. Войди в мой совет, а я войду в твой. Став директором «Супранэйшнл», чьи интересы Роско будет защищать в первую очередь? «Супранэйшнл»? Или Первого Коммерческого? А здесь за кого он будет ратовать?

— Если быть последовательным,— сказал Форест Ричардсон,— то половину членов этого Совета можно обвинить в своекорыстной игре интересов!

Не обращая внимания на возрастающую враждебность, Алекс продолжал:

— Другие аспекты займа беспокоят меня не меньше. Чтобы предоставить такую сумму, мы должны сильно урезать на малых ссудах и закладных. Где же тогда окажутся общественные интересы?

Джером Паттертон проворчал:

— Было же четко и ясно сказано, что это временно.

— Да,— признал Алекс.— С той разницей, что не было сказано, как долго это продлится...

— Ну что ж, мы выслушали ваше мнение,— подвел итог Джером Паттертон.— Быть может, перейдем теперь к голосованию в целом?

— Нет,— сказал Алекс.— У меня есть еще одно возражение!

Паттертон и Хейворд обменялись ироническими взглядами.

— Я уже говорил об игре интересов,— продолжал Алекс. Хочу предупредить вас о еще большем нарушении. С тех пор как начались переговоры с «Сунатко», наш отдел ценных бумаг скупил,— он поглядел в записку,— сто двадцать три тысячи акций «Супранэйшнл». Благодаря таким крупным закупкам, совершенным на деньги наших клиентов, акции «Сунатко» поднялись на семь с половиной пунктов. Насколько я понимаю, это было оговорено как условие нашей сделки с «Сунатко»...

Слова его утонули в возгласах протеста. Хейворд вскочил на ноги, его глаза гневно сверкали:

— Это преднамеренная ложь!

Алекс возразил:

— Факты упрямая вещь.

— А ваша интерпретация — ложь! «Сунатко» самим господом богом предназначена для инвестиций.

— Я считаю своим долгом предупредить Совет,— сказал Алекс,— что если он ратифицирует сделку с «Супранэйшнл» на таких условиях, мы об этом пожалеем. У меня всё.

Шум в зале постепенно стих.

Паттертон, бледный, взволнованно сказал:

— Если нет других предложений, переходим к голосованию.

Против предложения о сделке с «Супранэйшнл» проголосовал один Вандервоорт.

Записка была предельно лаконична. Отпечатанная Дорой Каллагэн, доверенной секретаршей Роско, она извещала его: звонила мисс Деверо и просила передать, что находится в городе и была бы рада, если бы он смог позвонить ей в любое время. В записке указывался номер телефона.

Хейворд сразу же узнал этот номер: отель «Колумбия Хилтон». А мисс Деверо — Эврил...

Они уже дважды встречались после поездки на Багамы, каждый раз в гостинице «Колумбия Хилтон». Так развивались их отношения, начавшиеся в ту ночь, в Нассау, когда он нажал на селекторе цифру «семь»...

К Эврил он поедет, как только освободится. Обязательно! Правда, это означало, что придется изменить планы на послеобеденное время и вечер, но что делать... Его мучила совесть. Он как-то корил себя во время воскресной службы в церкви. И все же понимал, что его внутренняя борьба между добром и злом была чисто умозрительной: яд Эврил оказался сильнее, чем добродетель.

Заодно он с горечью вспомнил, что ему предстояло как-то протащить решение, касавшееся дополнительных полутора миллионов долларов наличными, выпрошенных у него Большим Джорджем.

Роско насупился. Ему казалось, что вся история с инвестициями «К» была в какой-то степени ненормальным явлением, несмотря на то, что банк выполнял обязательства перед «Супранэйшнл». Он счел нужным поставить в известность Джерома Паттертона месяц тому назад в докладной, которую направил ему лично:

«Дж. Дж. Квотермейн звонил мне вчера дважды из Нью-Йорка относительно его личного предприятия. Оно ведется небольшой частной группой, во главе которой стоит Квотермейн, а Гарольд Остин входит в нее. Группа уже купила большое количество акций различных предприятий «Супранэйшнл» на льготных условиях и планирует дальнейшие закупки.

Большой Джордж хотел бы знать, возможен ли «заем К» в объеме полутора миллионов долларов на тех же условиях, какие получила «Супранэйшнл», но без компенсационного остатка. Он также сказал, что существующего остатка и так достаточно для гарантий его личного займа, в чем он, конечно, прав, хотя, с другой стороны, не предусматривается никаких перекрестных гарантий.

Я хотел бы также заметить, что по этому поводу мне звонил Гарольд Остин и очень просил поддержать просьбу Квотермейна...»

Достопочтенный Гарольд действительно звонил и без экивоков напомнил Хейворду об их договоренности — «так на так». Собственно, это был долг, который Хейворду надлежало платить Остину за его поддержку. В этой поддержке Хейворд будет нуждаться и в будущем, особенно когда временщик Паттертон уйдет в отставку через восемь месяцев. Далее Хейворд писал:

«Откровенно говоря, проценты, которые мы получим по этому займу, крайне низки. Поэтому отказываться

от компенсационного остатка — это очень большая уступка. Но, имея в виду наши дела с «Супранэйшнл», я думаю, было бы умно пойти на это. Лично я этот заем рекомендую. Согласны ли вы?..»

Джером Паттертон возвратил письмо Хейворду с лаконичным «Да», начертанным рядом с вопросительным знаком...

Зная Паттертона, Хейворд не сомневался, что президент банка «подмахнул» его записку, не вчитываясь глубоко.

Хейворд не счел нужным известить об этом Вандервоорта. Заем был слишком мал, чтобы утверждать его на банковском ареопаге. И спустя несколько дней Роско поставил свои инициалы на заявлении, на что, конечно же, имел полное право.

Правда, было еще одно дело, о котором он полностью умолчал. И вот почему...

Во время их второго телефонного разговора Большой Джордж, звонивший из отделения «Сунатко» в Чикаго, сказал:

— Я тут разговаривал с Гарольдом Остином относительно тебя, Роско. Мы оба считаем, что тебе пора принять более активное участие в нашей инвестиционной группе. Мы хотим, чтобы ты был с нами! Так вот что я для этого практически сделал: выделил тебе две тысячи акций, которые мы будем рассматривать как полностью оплаченные. Фамилии на них стоять не будет, и я их тебе отправлю почтой...

Хейворд смутился:

— Спасибо, Джордж, но, пожалуй, мне бы не следовало их брать...

— Бога ради! Это еще почему?

— Это не совсем этично.

Большой Джордж ухмыльнулся:

— Ты живешь на облаках! Но ты же отлично знаешь, что это обычная практика между клиентами и банкирами...

Допустим, это Хейворд знал, но лично таких фокусов никогда себе не разрешал. Не успел он ответить, как Квотермейн сказал:

— Послушай, парень, не будь круглым идиотом! Если тебе так удобней, будем считать, что ты получил эти акции в оплату за услуги, которые ты нам оказал, давая дельные советы касательно наших инвестиций.

Увы, никаких консультаций по инвестициям он «Сунатко» никогда не давал!..

Днем позже ценные бумаги прибыли к нему заказной почтой в конверте, который был тщательно запечатан и на котором была надпись: «Строго конфиденциально». Даже Дора Каллагэн не вскрывала такие письма...

В тот же вечер дома, просматривая инвестиционные документы, которыми снабдил его Большой Джордж, он понял, что стоимость двух тысяч акций, которые ему подарили, составляла что-то около двадцати тысяч долларов! И можно было не сомневаться, что при удачном развитии дела эта стоимость значительно возрастет.

Поколебавшись еще неделю, Роско не выдержал соблазна и спрятал ценные бумаги в личный сейф. Тем самым он, по существу, обокрал свой собственный банк. С другой стороны, он заработал эти деньги своими нервами, и если Большой Джордж, ценя это, делал дружеский жест, то почему отказываться от них?.. Но на этом тревоги и сомнения Роско не кончились. Через неделю Большой Джордж опять позвонил ему, на этот раз из Амстердама, и попросил дополнительно выделить еще полтора миллиона долларов.

— Сейчас,— сказал он,— есть уникальная возможность для нашей группы скупить здесь большую партию акций. В ближайшее время эти акции взлетят чрезвычайно высоко. Не могу подробно рассказать все по телефону, Роско, поэтому уж ты поверь мне!

— Верю, конечно же, верю, Джордж! — сказал Хейворд.— Но вдруг банку потребуются подробности?

— Детали получишь завтра с курьером. И, кстати, прошу не забывать, что ты ведь теперь один из наших...

Некоторое время у Хейворда было гадко на душе. Дж. Дж. Квотермейн, очевидно, считал его купленным на корню. Но на следующий день «Уолл-стрит джорнэл» и другие газеты подробно сообщили на видных местах о колоссальной операции, которую провернул Квотермейн, присоединив большой промышленный европейский комплекс к «Сунатко». Это был своего рода коммерческий переворот, благодаря которому акции «Супранэйшнл» взлетели в Нью-Йорке и Лондоне буквально до небес, и в свете этого катаклизма заём, оказанный

ПКА этой корпорации-гиганту, казался тем более оправданным.

...Когда Хейворд вышел в приемную, мисс Каллагэн как обычно улыбнулась ему и сказала:

— Остальные письма и сообщения на вашем столе, сэр.

Вернувшись в кабинет, он отодвинул груду материалов в сторону и набрал номер, который должен был соединить его с маленьким личным раем...

...Лежа в постели, Хейворд внимательно осмотрел спальную комнату. Это была типичная хилтоновская спальня — чистая, комфортабельная и совершенно безликая. Такая же гостиная была за дверью: сегодня, как и в прошлый раз, Эврил сняла двухкомнатный номер. Они провели здесь все послеобеденные часы. Затем официант принес ужин. После его ухода Хейворд нерешительно сказал, вертя в руках кошелек с деньгами:

— Ты должна была позволить мне оплатить все это...

Дело было в том, что несколько минут назад Эврил сама подписала счет, поданный официантом.

— Но почему, Росси?

— Потому что я должен взять на себя хоть часть твоих расходов: оплата гостиницы, стоимость перелета из Нью-Йорка... Мне кажется, что ты слишком тратишься, тебе это не по карману!

Она взглянула на него с любопытством и звонко рассмеялась:

— Дурашка! Неужели ты думаешь, что за это я плачу из своего кармана?! Росси, миленький, да ты совсем рехнулся...

— Кто же тогда платит?

— «Супранэйшнл», старый ты глупышка! И номер, и ужин, и перелет, и мое время. Все оплачивает «Сунатко».

Она подошла к нему и поцеловала. Губы были мягкие и влажные.

Он сидел притихший, словно раздавленный, переживая высказанную с такой прямотой беспощадную правду... Шампанское еще владело его телом, но мозг работал четко.— «Ее время, ее время»... Вот это было обиднее всего. До той минуты он был искренне убежден, что по-настоящему нравился Эврил, и потому она звонила ему столько раз после Багамских островов. Ну как мог он позволить себе такую наивность? Конечно

же, все было заранее подстроено и оплачено Квотермейном за счет «Сунатко». Неужели рассудок его не мог подсказать ему это? А может, нарочно не хотел он задумываться, потому что не хотел узнать правду? И если Эврил платили за «ее время», которое она проводила с ним, кто же, выходит, она была? Потаскуха! А если так, то кто же сам Роско Хейворд? Он закрыл глаза, и на ум ему пришло изречение из святого Луки, псалом 18, песня 13: «Господи, прости мне, грешному, прегрешения мои»...

Да, двух мнений тут и быть не могло. Необходимо было сейчас же узнать: сколько на него истрачено. И отправить чек на эту сумму в «Сунатко». Он начал было подсчитывать, но вдруг подумал, что не имеет ни малейшего представления о том, сколько «стоит» Эврил. Должно быть, немало...

Неожиданно и тревожно зазвонил телефон. Эврил взяла трубку и, послушав, сказала:

— Тебя, милый!

— Меня?..

Он поднес трубку к уху, и в ней раздался залихватский голос:

Хейворд недовольно спросил:

— Откуда ты, Джордж?

— Из Вашингтона. Впрочем, какое это имеет значение? У меня есть для тебя чудесные новости. Квартальные отчеты «Сунатко»! Ты прочтешь о них завтра и газетах...

— Ты что же, специально звонишь, чтобы сообщить мне об этом?

— Помешал, что ли?

— Да нет...

Большой Джордж хмыкнул:

— Считай, что это просто дружеский звонок. Хотел узнать, все ли у вас там в порядке...

Что ж, если бы Хейворд хотел высказать протест или возмущение, то именно сейчас была для этого самая подходящая минута. Но чему было возмущаться? Доступности Эврил? Его собственному смятению?

Бодрый голос в телефонной трубке не дал ему додумать:

— Как там насчет кредита по «группе К»? Ты его уже одобрил?

— Нет, пока нет.

— Не очень-то ты торопишься, как я посмотрю...

— Да нет, не в этом дело. Так. Кое-какие формальности...

— Смотри, придется мне передать заказ другому банку!

Угроза прозвучала недвусмысленно, хотя и нисколько не удивила Хейворда: как давление, так и уступки были ритуалом во взаимоотношениях банка и клиента.

— Я сделаю все, что смогу, Джордж...

— А Эврил все еще там?

— Да.

— Дай-ка мне ее.

Хейворд передал трубку Эврил. Она внимательно выслушала то, что сказал Джордж, улыбнулась и повесила трубку. Затем вышла в спальню и мгновение спустя появилась с большим желтым конвертом.

— Джорджи просил передать тебе вот это.

Это был такой же конверт, с такой же сургучной печатью, как и тот, в котором он недавно получил в свою собственность акции группы Квотермейна.

— Джорджи надеется, что это будет приятным напоминанием о времени, проведенном в Нассау...

Сначала он подумал, что это были опять акции, и решил отказаться от них, но любопытство взяло верх.

Эврил сказала:

— Вскроешь в своем кабинете...

Он воспользовался случаем и взглянул на часы:

— Ого! Мне давно пора бежать, солнышко.

— Мне тоже. Я должна быть в Нью-Йорке сегодня ночью.

Она обняла его, и они постояли, обнявшись, некоторое время. Она шепнула ему в ухо:

— Ты такая вкуснятина, Росси. До скорой встречи!

Несмотря ни на что, она по-прежнему была ему желанна...

Хейворд подъехал на такси к Первому Коммерческому банку, вошел в лифт и поднялся на тридцать шестой этаж к себе в кабинет. Там он вскрыл конверт, который дала ему Эврил. Внутри был еще один конверт; раскрыв его, он обнаружил дюжину фотографий большого размера.

На фотографиях были запечатлены Криста, Рета, Мун-Бим, Эврил и Гарольд Остин, раздевающиеся или уже обнаженные. Роско фигурировал на нескольких снимках. На одном, в окружении всех этих голых дев, на лице его читался откровенный восторг. На другом снимке Хейворд расстегивал лифчик Эврил; на третьем она его целовала, а руки его лежали на ее обнаженной груди. Случайно или преднамеренно, но на фотографиях виднелась только спина вице-президента Стоунбриджа...

Все фото были мастерски сделаны. Чувствовалось: фотограф был настоящим профессионалом. «Однако,— подумал Хейворд, — Квотермейн знает, за что платить денежки...»

Кстати говоря, на всех снимках Большой Джордж блистательно отсутствовал. Фотографии возмутили Хейворда самим своим существованием. И зачем их, собственно, ему прислали? Была ли это новая угроза? Или дурацкая шутка? У кого остались негативы и копии? Да, Квотермейн был сложным и очень опасным человеком... Первым желанием Хейворда было уничтожить эту гадость, однако время шло, а сделать этого он не мог. Взглянув на часы, он пришел в ужас: оказалось, что он торчал за столом уже полчаса. Было совершенно ясно, что брать эти фотографии домой нельзя... Аккуратно вложив их в конверт, он запер его в столе, где хранил только личные и конфиденциальные бумаги.

Чисто автоматически он заглянул в другой ящик, где мисс Каллагэн оставляла текущую работу перед уходом домой. На самом верху лежали документы, касавшиеся дополнительных «инвестиций К». Он подумал: зачем откладывать, чего тянуть? Есть ли, действительно, какая-нибудь необходимость еще раз консультироваться с Паттертоном? Заём был делом солидным, как, впрочем, и все другие дела с Дж. Дж. Квотермейном и «Супранэйшнл». Взяв документы, Хейворд написал «Одобряю» и поставил свои инициалы.

Несколько минут спустя он был внизу, в холле; банковский водитель уже ждал его в лимузине...

Начальнику службы безопасности банка Ноллану Уэйнрайту теперь редко приходилось бывать в морге. Последний раз это случилось года три назад, когда

нужно было опознать тело охранника, убитого при налете на банк. Однако в свое время, когда Уэйнрайт был полицейским детективом, он частенько навещал эти зловещие места, куда отвозились жертвы кровавых преступлений. Но даже и тогда он никак не мог привыкнуть к ужасному зрелищу. На этот же раз его просто тошнило...

Он приехал в морг после телефонного звонка полицейского чиновника Тимбермела. Тот сказал, что в морге лежит покойник, который, вероятно, заинтересует Уэйнрайта. Они прошли в анатомический зал.

— В том случае, если покойник окажется «ваш», скажите мне, когда вы виделись с этим человеком в последний раз? — спросил Тимбермел.

— Семь недель назад, в начале марта.

— Где?

— В забегаловке, на окраине города.

— Слышали ли вы о нем что-нибудь в дальнейшем?

— Нет.

— Имеете ли вы хоть какое-нибудь представление о том, где он жил?

Уэйнрайт покачал головой. Покойный не хотел, чтобы Уэйнрайт знал его адрес. Ноллан Уэйнрайт, собственно, не знал даже настоящего имени этого человека... Правда, он назвался Виком, но это наверняка был псевдоним, и, честно говоря, Ноллан и не пытался узнать подлинное имя. Было известно лишь одно: Вик — бывший заключенный и готов стать осведомителем.

По настоянию Уэйнрайта, Вандервоорт дал согласие на вербовку агента, который попытался бы проникнуть в организацию, занимающуюся подделкой кредитных карточек банка. Их в то время появилось бесчисленное множество. Уэйнрайт использовал всевозможные каналы, по которым можно было бы проникнуть в организацию фальшивомонетчиков. Он оживил прежние контакты в подпольном мире и через подставных лиц наконец добился встречи с Виком. Тот дал согласие работать на ПКА. Это было в декабре.

В последующие месяцы у него с Виком были две встречи, которые проходили в окраинных барах. И каждый раз Ноллан давал Вику деньги с расчетом на то, что когда-нибудь они окупятся. Вик сам выходил на связь. Он звонил Ноллану по телефону и назначал место и время встречи. Ни в коем случае Ноллан не должен был пытаться найти его сам. И Уэйнрайт шел на

это, так как в этом был определенный смысл.

Вик был ему несимпатичен, да симпатии и не требовалось. Бывший заключенный был скрытным, нервным человеком, явным наркоманом. Он презирал и ненавидел все и вся, включая Уэйнрайта. При третьей встрече, в марте, у Ноллана создалось впечатление, что Вик на что-то наткнулся.

Он сказал, что циркулирует слух об огромной партии двадцатидолларовых первоклассно подделанных банкнот, которые вот-вот появятся в городе. И якобы за спиной людей, их распространявших, существовала мощная подпольная организация, занимавшаяся не только изготовлением фальшивых банкнот, но и кредитных карточек. Уэйнрайт подозревал, что Вик мог и присочинить, но легкомысленно подходить к таким новостям не следовало.

Вик сказал, что ему лично должны были дать фальшивые деньги с тем, чтобы он «раскидал» их по городу. Он полагал, что если все пойдет гладко и если после реализации фальшивых денег он вотрется в доверие, то сумеет внедриться и в саму организацию. Кое-какие детали, которые, по мнению Уэйнрайта, Вик никак не мог выдумать, убедили Ноллана, что слух имел под собой реальную почву. Он согласился также и с предложенным планом действий.

Уэйнрайт всегда был убежден в том, что фальшивомонетчики подделывали и банковские кредитные карточки. Об этом он говорил Алексу Вандервоорту еще в конце октября. Так или иначе, в одном он не сомневался: будет чрезвычайно опасно внедрить в подпольный синдикат своего осведомителя, поскольку при провале его сразу же «уберут». Он счел долгом предупредить Вика об опасности, но в ответ получил циничную усмешку. Больше он его не видел...

Вчерашняя маленькая заметка в газете «Таймс Реджистер» о теле, найденном в реке, сразу же привлекла его внимание.

— Я должен предупредить вас,— сказал сыщик Тимбермел, — что останки этого человека — зрелище не для слабонервных... Брр... Врачи полагают, что в воде он провел примерно неделю. Не говоря уже о том, что лопасти транспортных судов тоже поработали над его грешным телом...

Из анатомического зала они попали в холодильник, встреченные шипением рефрижератора.

— Полюбуйтесь, на то́, что от него осталось, — сказал старик служитель. Он безразлично сорвал простыню с трупа, будто постель стелил. Уэйнрайт пожалел, что пришел — тошнота подступила к самому горлу.

Они молча осмотрели тело, затем сыщик спросил:

— Есть ли какие-нибудь приметы, по которым вы можете его опознать?

— Да,— сказал Уэйнрайт.— Да.

В том месте, где на затылке кончались волосы, был красный след, несомненно, родимое пятно. Его и теперь было видно. Наметанный глаз Ноллана заметил его еще при первой встрече. И об этом он сказал Тимбермелу, который кивнул головой:

— Мы опознали его по отпечаткам пальцев. Нельзя сказать, что это были самые четкие отпечатки в мире, но мы их идентифицировали... — Детектив вытащил записную книжку.— Его настоящее имя было Кларенс Хьюго Ливинсон. Если считать это настоящим именем. У него был длинный ряд других имен и длинный послужной список всяческих преступлений...

— Газета писала, что он погиб от ножевых ран до того, как утонул.

— Вскрытие показало,— сказал Тимбермел,— что его мучительно пытали...

— Это точно?— спросил Ноллан.

— Еще бы! Мы располагаем заключением патологоанатома. Хотите взглянуть?

Уэйнрайт с трудом проглотил слюну.

— О, боже,— сказал он смотрителю,— закройте же его! Пойдемте отсюда...

За чашкой кофе в крохотном ресторане, что находился неподалеку от морга, Тимбермел сказал:

— Бедняга... кем бы он ни был, этот жалкий ублюдок, он не заслуживал такой страшной смерти. И я понимаю ваши чувства. Ведь в конечном счете вы толкнули его на это...

— Да,— согласился Ноллан, думая, что он действительно несет полную ответственность за гибель человека, которого знал под кличкой «Вик»...

— Мне понадобится заявление, мистер Уэйнрайт, в котором вы изложите суть дела.

— Конечно же, конечно. Я его напишу.

Полицейский выпустил кольцо сигаретного дыма и отхлебнул кофе.

— Как сейчас обстоят дела с поддельными кредитными карточками?

— Их все больше и больше. Иногда мне кажется, что это — настоящая эпидемия, не говоря о том, что банку это обходится в бешеные деньги.

Тимбермел скептически заметил:

— Вы хотите сказать, что это обходится в бешеные деньги вкладчикам. Такие банки, как ваш, обычно перекладывают свои убытки с больной головы на здоровую. Вот почему ваше руководство не слишком-то беспокоится. Во всяком случае, не так, как надо бы...

— Боюсь, что здесь я возразить ничего не могу,— сказал Уэйнрайт, вспоминая, сколько раз он пытался убедить банк в необходимости увеличить бюджет для борьбы с фальшивыми деньгами.

— А качество подделки у кредитных карточек хорошее?

— Исключительное!

Детектив малость подумал и сказал:

— Совпадает с тем, что нам передавали из секретной службы по поводу «липы», которая ходит по городу. Говорят, что ее — навалом! Ну, да вы об этом сами прекрасно знаете...

— Может быть,— сказал Ноллан,— покойник был и прав, говоря, что у банкнот и карточек один источник.

Оба помолчали, затем детектив сказал:

— Я хотел бы вас предупредить вот о чем. Когда его пытали, он, конечно же, раскололся. Вы видели его. Сомневаюсь, чтобы кто-нибудь смог молчать. Вы понимаете, что он разболтал им все, в том числе и про сделку, которую заключил с вами...

— Да, я об этом думал.

Тимбермел кивнул.

— Не думаю, чтобы лично вам что-нибудь грозило, но что касается людей, которые убили Ливинсона, они вас рассматривают как потенциальную угрозу. И любой человек, который хотя бы дышал с вами одним воздухом, окажись он у них в лапах, считайте — труп...

— Но...— начал Уэйнрайт.

— Послушайте, я вовсе не хочу сказать, что вы не должны больше пытаться засылать к ним осведомителей. Это дело ваше, и я о нем ничего не знаю. В любом случае, пока ничего не знаю. Но я скажу вам только:

если вы еще раз пошлете туда кого бы то ни было, будьте сверхосторожны и сами с ним ни за что не встречайтесь! Извините, но я повторяюсь: кем бы он ни был, но это вы его послали на такую смерть...

В тот вечер Алекс и Марго были в гостях у Луиса и Эдвины Дорси. Чтобы отвлечь мужчин от бесконечных споров за столом, Марго рассказала о судебном деле, которое она возбудила против одного крупного универмага, обвинив его в систематическом обмане покупателей. Отпечатанные на машинно-счетной станции месячные счета, как правило, были на несколько долларов больше, чем следовало с покупателя. Если же покупатель жаловался, ошибку объясняли тем, что машина допустила опечатку. Впрочем, редко кто обращал внимание на незначительно завышенную сумму, обычно платили безоговорочно...

— Когда люди видят сумму, отпечатанную машиной, они относятся к ней более доверчиво, нежели в том случае, если эту сумму называет человек,— рассказывала Марго.— Просто они не знают, что машины могут быть сознательно запрограммированы на ошибку. Как это и было в универмаге... Магазин украл десятки тысяч долларов, и я докажу это в суде!..

Марго сказала, что привлекла к расследованию частного детектива по имени Вернон Джакс, удивительно старательного и знающего человека.

— Я знаю его,— подтвердил Луис Дорси.— Он вел расследование по некоторым делам федеральной контрольно-финансовой комиссии. Прекрасный специалист!

Когда они вышли из-за стола, Луис сказал:

— Избавимся от дамского общества. Пойдем в мой кабинет, Эдвина не выносит сигарного дыма...

Войдя в кабинет, Алекс с любопытством огляделся вокруг.

Огромную комнату заполняли книжные шкафы и полки для журналов и газет. В комнате стояли три письменных стола. Один — с электрической пишущей машинкой, на втором громоздились подшивки и книги, на третьем стояли картотеки.

Рядом с кабинетом была комната секретаря, ее тоже забивали до отказа всевозможные бумаги и пап-

ки. Луис взял в баре коньячные бокалы и бутылку «курвуазье».

— Для меня загадка,— проговорил Алекс, — что нужно для того, чтобы банковский бюллетень, издаваемый частным лицом, не прогорел?

— Я могу объяснить только на моем примере, но о моем бюллетене говорят как об одном из удачнейших.— Луис подал Алексу бокал и сигарную коробку.— Угощайтесь, самые лучшие. К тому же не облагаются налогом...

— Как это вам удается?

Луис засмеялся:

— Видите бумажное колечко на каждой сигарете? За небольшую мзду с них снимают обычные фирменные колечки и наклеивают специальные, на которых написано: «Бюллетень Дорси». А это уже реклама, то есть деньги, затраченные на бизнес, которые не облагаются налогом. И всякий раз, закуривая сигару, я получаю особое удовольствие от того, что курю ее за счет дяди Сэма...

Алекс молча взял сигару, понюхал ее и по достоинству оценил. Стоило ли морализовать по поводу разных налоговых лазеек, коль скоро сам конгресс декретировал их в таком количестве? И кто вправе обвинять человека, если он использует законы-увертки в своих интересах?

— Отвечаю на ваш первый вопрос,— продолжал Луис,— я отнюдь не делаю секрета из цели, которую преследует «Бюллетень Дорси». Моя задача состоит в следующем: помочь богатым стать еще богаче.

— Это я уже понял.

Каждый бюллетень, выпускавшийся Луисом, содержал советы, как лучше делать деньги. Что покупать, что продавать, в какой валюте платить, с какими учреждениями иметь дело, кому отдавать предпочтение на иностранных рынках и кого избегать... Как ловчей увернуться от налога, как проворачивать сделки через швейцарские банки... Каковы политические ситуации, ожидаемые крахи и катастрофы, которые можно использовать в целях обогащения... Список советов был бесконечно длинен, а тон бюллетеня — авторитетный и не терпящий возражений.

— К сожалению,— сказал Луис,— существует множество шарлатанских финансовых бюллетеней и они наносят ущерб бизнесу. Заодно они подрывают авто-

ритет солидных изданий. Зачастую просто перепечатывают материалы из обычных газет, а посему грош им цена... Иные получают взятки от маклеров и заинтересованных лиц, хотя в конце концов все равно «липа» становится явной. На мой взгляд, есть пять-шесть достойных бюллетеней, но мой — номер один!..

«У кого-нибудь другого,— подумал Алекс,— такая беспардонная самоуверенность была бы вызывающей. А вот у Луиса она органична. Возможно потому, что его оракул почти всегда безошибочен. Ну, а что касается его крайне правых взглядов, то от них можно отвлечься, принять во внимание один, так сказать, финансовый субстрат...»

— Если я не ошибаюсь, вы один из моих подписчиков,— сказал Луис.

— Да, через наш банк.

— Вот экземпляр последнего выпуска, вы получите его в понедельник...

Алекс взял бледно-синие листики: четыре странички выглядели довольно убого. Текст напечатан на машинке, затем сфотографирован и уменьшен. Но он хорошо знал: скудность оформления с лихвой искупалась глубиной содержания. Луис хвастался тем, что следовавшие его советам могли за год увеличить свое состояние наполовину, а в некоторых случаях удвоить или даже утроить.

— В чем же ваш секрет?— повторил Алекс.— Как получается, что вы почти никогда не ошибаетесь?

— У меня не мозг, а компьютер... В нем хранится информация за треть века.— Луис постучал себя по лбу пальцем.— Все познания из мира финансов, которые я когда-либо получал, хранятся здесь. Кроме того, я очень легко соотношу одну информацию с другой, а прошлое с будущим. Ну, и у меня есть то, чего нет у компьютера: интуиция.

— Зачем же вам тогда возиться с бюллетенем, почему не делать состояние обычным путем?..

— Я не получил бы никакого удовлетворения! Не было бы соревнования, конкуренции. И потом,— Луис широко улыбнулся,— я совсем неплохо зарабатываю...

— Если не ошибаюсь, ваша подписка стоит...

— Триста долларов в год. Тысяча долларов в час за личные консультации.

— Я иногда задумывался, сколько может быть у вас подписчиков...

— Этим многие интересуются, но это секрет, который я тщательно охраняю.

— О, простите, я вовсе не собирался совать нос в чужие дела...

— Не извиняйтесь! На вашем месте я бы тоже полюбопытствовал... Больше того,— доверительно продолжал Луис,— я публикую по книге в год и даю примерно двадцать консультаций в месяц. Эти гонорары покрывают все мои расходы. Таким образом, доход от бюллетеня остается мне в чистом виде.

— Скажите, могли бы вы одним предложением сформулировать лучший способ помещения или накопления денег?

— Конечно! Полагаться на самого себя.

— Ну, а если человек сам не знает...

— Ничего, научится! Это не так трудно, а пристально следить за движением собственных финансовых дел даже увлекательно. Главное, ни на кого не полагаться при ответственных решениях. Особенно это касается биржевых маклеров, самых верных и беспощадных разорителей... Сюда же, впрочем, можно отнести и банковские отделы ценных бумаг...

— Вы им не доверяете?

— Черт их побери, Алекс! С крупными вкладами там еще возятся. Зато остальные вкладчики варятся в общем котле, ими занимаются низкооплачиваемые невежды.

Алекс сделал легкую гримасу, но возражать не стал. В целом Луис был прав.

Алекс перелистал свежий бюллетень. Как обычно, в нем были сложные технические консультации по узко специфическим позициям и простые практические рекомендации по держанию денег в разных валютах. Например:

В швейцарских франках: держать сорок процентов капитала.

В голландских гульденах — двадцать пять процентов.

В немецких марках — двадцать процентов.

В канадских долларах — десять.

В австрийских шиллингах — пять.

В долларах США — ничего...

В специальной колонке указывалось, какие международные ценные бумаги нужно было хранить или продавать. Взгляд Алекса пробежал по рубрике «Поку-

пать и хранить». Затем — по рубрике «Продавать». Он чуть не подпрыгнул, прочитав после слова «Супранэйшнл» — «Продавать немедленно, где только возможно, по любой цене»...

— Скажите, Луис, а вот эта рекомендация по «Супранэйшнл»... Почему такая категоричность и экстренность? Ведь на протяжении многих лет здесь советовалось «долгосрочное хранение»!

Луис подумал, прежде чем ответить:

— Что-то меня беспокоит в «Сунатко». До меня доносятся разговоры из никоим образом не связанных между собой источников. Какие-то слухи о крупных потерях... Бухгалтерские махинации в филиалах... Все это наводит на подозрение. А вот, скажем, из Вашингтона просочилось, что Джордж Квотермейн клянчит там субсидию наподобие той, что была дана «Локхиду». Все это свидетельствует, что «Сунатко» предстоят трудные времена. Вот почему я считаю, что мои клиенты должны срочно продавать ценные бумаги «Сунатко».

— Но ведь все, о чем вы говорили, это — слухи, все это можно сказать о многих компаниях! На чем же основана ваша уверенность?

— Ее, к сожалению, нет. Просто моя рекомендация — продавать! Она основана на чистой интуиции. И я ей доверяюсь...

Луис Дорси отставил пустой бокал.

— Вернемся к нашим дамам?

— Да, пожалуй,— сказал Алекс и пошел вслед за Луисом.

Из головы его никак не выходила мысль о «Супранэйшнл».

— Глазам бы своим не поверил! — резко сказал Ноллан Уэйнрайт.— Вот уж никогда бы не подумал, что у вас хватит наглости прийти сюда...

— Я и сам бы не решился...

Голос Майлса Истина выдавал сильное волнение.

— Я хотел прийти еще вчера, но не посмел. Сегодня я болтался возле банка целый час, прежде чем набрался смелости и решился...

— Может быть, вы это и называете смелостью, а я называю это нахальством. Ну, раз вы тут, чего вы хотите?

Они стояли друг против друга в кабинете Ноллана Уэйнрайта: великолепно выглядевший вице-президент по безопасности и отсидевший свой срок бывший сотрудник банка Истин, сжавшийся, бледный, в отрепьях...

В кабинете Ноллана, по сравнению с кабинетами других руководителей, царила спартанская обстановка. Простые крашеные стены, практичная мебель, скромный письменный стол.

— Итак, что же вам нужно? — переспросил Уэйнрайт.

Наступила длительная пауза, во время которой они разглядывали друг друга, потом Майлс проговорил:

— Мне нужна работа. Любая работа!

— В этом банке? Вы с ума сошли!

— Почему? Я был бы самым честным сотрудником, мистер Уэйнрайт...

— Пока кто-нибудь опять не толкнет вас на воровство?

— Никогда это не повторится! Неужели никто не может поверить, что я извлек для себя суровый урок? Неужели вы думаете, что человек, побывавший в этом аду, снова поддастся на искушение?

— Лично мое мнение в данном случае не играет никакой роли. У банка есть на этот счет своя политика. Она заключается в том, что на работу не принимаются люди, проходившие по уголовному делу. Даже если бы я захотел, я не мог бы изменить этого положения...

— Ну неужели даже попробовать нельзя? Ведь есть же должности, не связанные с материальной ответственностью... Неужели даже такую работу получить нельзя?

— Нет,— сказал Ноллан.— И потом, почему это вы так хотите вернуться именно сюда?

— Потому что я больше нигде не смог найти работу. Никакой работы и никаких шансов! Абсолютно...

— Ну-ну...

— Мистер Уэйнрайт, три недели, как я вышел из тюрьмы. Вот уже больше недели у меня нет денег. Я три дня ничего не ел...

С лица Уэйнрайта мало-помалу сошло жесткое выражение. Он попросил Майлса сесть, а сам вышел из кабинета и дал своему секретарю пять долларов, чтобы тот купил в кафетерии бутербродов и молока. Когда

он вернулся в кабинет, Майлс Истин сидел на стуле, всем видом воплощая отчаяние и безнадежность.

— А полицейский офицер, который за вами сейчас наблюдает, помог вам чем-нибудь?

Майлс горько сказал:

— У него таких, как я, вагон. Сто семьдесят пять человек. За каждым он должен следить, вызывать каждый месяц для беседы. Что он может сделать?! Работы вообще нет. А его предупреждениями сыт не будешь.

Уэйнрайт знал, о какого рода предупреждениях шла речь. Не общаться с другими бывшими уголовниками; избегать мест, посещаемых уголовниками. Нарушение этих правил вело к немедленному возвращению за решетку. Однако на практике эти правила были невыполнимы. Бывший заключенный, лишенный средств существования, был один-на-один против общества, и общение с ему подобными оказывалось единственным способом выжить.

— А где вы искали работу?

— Повсюду, где только возможно. И, поверьте, я был готов на все...

После трех недель поисков он наконец нашел место судомойки в третьеразрядном ресторанчике на окраине. Хозяин, старый меланхоличный итальянец, согласился нанять Истина. Но когда Майлс сказал, что сидел в тюрьме (а об этом он обязательно должен был ставить нанимателя в известность), он увидел, как хозяин невольно бросил взгляд на кассу. И хоть ресторатор все же хотел взять его, жена стояла насмерть. Сколько Майлс ни просил, ни к чему это не привело... То же самое происходило и в других местах.

— Если бы я сумел что-либо для тебя сделать, я бы наверное сделал,— сказал Уэйнрайт, смягчившись.— Но, к сожалению, ничем помочь не могу. Нет у нас ничего подходящего здесь, поверь мне!

Майлс мрачно кивнул головой:

— Я знал, что так будет...

— Что же ты намерен делать дальше?

Он не успел ответить, как пришел секретарь с целлофановым пакетом и сдачей. Уэйнрайт вытащил молоко и бутерброды.

— Можешь поесть, если хочешь,— проворчал Нолан.

Майлс схватил бутерброд трясущимися руками и стал пожирать пищу с такой скоростью, что два раза

подавился. Ноллан наблюдал за ним, обдумывая что-то.

— Ты так и не ответил на мой вопрос, как думаешь жить дальше.

— Не знаю.

— А по-моему, знаешь. Хочешь соврать. Зачем?

— Какая разница...

— Я знаю, что ты решил сделать, — сказал Уэйнрайт. Пока ты старался не входить в контакт с людьми, с которыми познакомился в тюрьме. Но сейчас решил пойти к ним. Даже если тебя за это посадят...

— А есть у меня другие шансы? Если уж вы такой умный, то зачем спрашиваете?

— Значит, у тебя все-таки сохранились контакты?

— Если я скажу, что есть,— промолвил Истин с горечью, то первое, что вы сделаете, это подойдете к телефону и сообщите офицеру, который наблюдает за мной...

— Нет.— Уэйнрайт покачал головой,— как бы там ни было, я тебе обещаю, что этого я не сделаю...

— Что значит — как бы там ни было?

— Видишь ли, кое-что можно для тебя сделать. Если бы ты хотел рискнуть, конечно. Но, предупреждаю, риск очень велик...

— А что это за риск?

— Давай пока не будем об этом. Если понадобится, мы вернемся к этому разговору. Расскажи мне, пожалуйста, о людях, с которыми познакомился там, в тюрьме, и о тех, с кем сейчас можешь встретиться. Я даю тебе слово, что не воспользуюсь твоей откровенностью...

— Откуда мне знать, что вы меня не обманете? Ведь однажды вы меня уже взяли на пушку...

Ноллану живо вспомнилось, как Майлс растратил казенные деньги... Не просто растратил, а пытался свалить вину на честнейшую сотрудницу банка. Тогда Уэйнрайт приехал к Майлсу Истину ночью домой, застал врасплох и заставил признаться в преступлении.

— Ты прав,— сказал Ноллан,— гарантий у тебя нет никаких. Но будь я на твоем месте, я бы уцепился за эту возможность. Я бы поверил. Не хочешь — иди и обратно не возвращайся...

Майлс сидел молча, нервно кусая губы, потом без всякого перехода заговорил.

Он рассказал, как в тюрьме к нему впервые подо-

шли представители мафии. Они сказали, что ему передавал привет с воли гангстер-одиночка Игорь Омински. Поскольку он никого не «заложил» ни на следствии, ни в тюрьме, его теперь считают железным парнем. Поэтому проценты на долги Истина Оминскому и другим ростовщикам-букмекерам не будут засчитываться за время его пребывания за решеткой. Посыльный мафии сказал так: «Омински остановил часы на время твоей отсидки»...

— Но теперь-то ты на свободе,— заметил Уэйнрайт,— значит, часы опять пущены...

Майлс понимал. Он старался не думать об этом страшном долге, когда искал работу. Он держался подальше от мест, где мог встретиться с этим пиратом Омински и другими. Особенно тщательно обходил он стороной «малину» букмекеров, процентщиков и торговцев наркотиками, которая почему-то называлась клуб здоровья «Две семерки». Это был небольшой грязный клуб в отдаленных городских закоулках...

— Не знал, что он так называется,— сказал начальник безопасности банка,— но слышал, слышал об этом, с позволения сказать, клубе. У него действительно репутация прибежища всяких бандитов.

В тюрьме Майлсу также сказали, что, выйдя на волю и воспользовавшись новыми контактами, он сможет подзаработать немного денег, ему помогут рассчитаться с долгами... Не нужно обладать большим воображением, чтобы понять, каким путем он мог «подзаработать». Этот путь лежал вне закона. До сегодняшнего дня Майлс избегал новых дружков и обходил этот самый клуб, но...

— Видимо, я правильно догадывался,— вставил Уэйнрайт,— отсюда ты направил бы стопы прямо в «Две семерки...»

— О, господи, мистер Уэйнрайт! Вы же понимаете, это самое крайнее средство...

— Между нами говоря, ты сумел бы сработать на обе стороны...

— Каким это образом?

— Ты слышал что-нибудь о так называемых «двойниках»?

Майлс Истин посмотрел удивленно на шефа безопасности, потом сказал, что да, ему приходилось слышать о глубоко законспирированных агентах.

— Тогда слушай...

Четыре месяца назад, когда шеф безопасности банка увидел искалеченное тело Вика, он решил, что больше никогда не пойдет на засылку в недра мафии подсадного агента. Потрясенный сознанием собственной вины, он держался за это решение и даже не пытался кого-либо завербовать. Но подвернувшаяся возможность — безвыходное положение Истина, а главное — уже установленные им связи — были слишком соблазнительны, чтобы ими не воспользоваться.

Поддельные кредитные карточки появлялись в ужасающем количестве, а их источник по-прежнему оставался неизвестным. Уэйнрайт убедился в том, что обычным розыском установить преступников невозможно. Мешало розыску и то обстоятельство, что подделка кредитных карточек в федеральном законодательстве считалась не уголовным преступлением, а лишь намерением совершить его, которое надо долго и упорно доказывать. Поэтому полицейские власти больше интересовались другими видами подделок, а кредитными карточками занимались от случая к случаю. И, к вящей скорби таких профессионалов, как Уэйнрайт, банки со своей стороны тоже не делали серьезных попыток изменить положение...

Все это рассказал начальник охраны банка Майлсу Истину. Он также предложил ему чрезвычайно простой план действий. Майлс отправляется в «Две семерки» и устанавливает полезные контакты. Он будет безропотно выполнять приказы мафиозо, чтобы заработать деньги и рассчитаться с долгами, в которые влез до «посадки».

— Я понимаю, что ты рискуешь вдвойне,— сказал Ноллан.— Если ты нарушишь закон и будешь пойман, тебя арестуют, осудят и никто тебе не поможет. Затем, если даже тебя не поймают, но офицер, у которого ты на учете, пронюхает, с кем ты якшаешься, он вне всякого сомнения отправит тебя в тюрьму.— Однако,— продолжал Уэйнрайт,— ни то ни другое не произойдет, если, завязывая новые знакомства, ты будешь вести себя осторожно, как мышь... Не спеши, не проявляй заинтересованности, собирай информацию по крошкам. Не суетись, будь терпелив. Дай им забыть об осторожности...

Только после того как Майлса сочтут полностью своим, можно будет начать сбор нужной информации. Вопросы насчет кредитных карточек задавать деликат-

но, косвенно, стараясь привлечь к себе интерес и натолкнуть на мысль о возможности использования при распространении карточек.

— Всегда есть кто-то,— растолковывал Уэйнрайт,— кто знает кого-то еще, который знает третьего парня, приложившего руку к этому бизнесу. Так ты вотрешься в святая святых... Периодически будешь докладывать мне. Но не напрямую.

Ноллан откровенно рассказал Истину о том, что произошло с Виком. Это он сделал нарочно, не опуская жутких подробностей. По мере того как Ноллан рассказывал, он видел, что лицо Майлса Истина бледнело все больше и больше. Было ясно, что парню здорово не по себе.

— Что бы ни случилось,— строго сказал Уэйнрайт,— я не хочу, чтобы ты потом думал, что я тебя не предупредил... Теперь о деньгах... Если ты согласен, будешь получать гарантированную оплату — пятьсот долларов в месяц, пока не выполнишь задание. Деньги будут оплачиваться через посредника.

— Значит ли это, что меня берут в штат?

— Конечно, нет!

Ответ был категоричен и не оставлял никаких сомнений. Ноллан добавил:

— Официального участия в этом деле банк не принимает. Если ты согласен на такое амплуа, то будешь выступать в нем один и только один. Влетишь в неприятность и намекнешь на то, что работаешь на ПКА, попадешь в дерьмо. Банк откажется, и тебе не поверят. Не забудь, что ты сидел в тюрьме! Тебе никто не поверит. Ну, а мы о тебе никогда ничего и слухом не слыхали...

Майлс скорчил гримасу:

— Значит, из огня да в полымя?

— Истинно так. Но помни: это ты сюда пришел, а не я пришел к тебе. Так — да или нет?

— А если бы вы были на моем месте, как бы вы поступили?

— Я не ты, и я никогда не окажусь в твоей шкуре... Но вот что я тебе скажу: судя по раскладу, у тебя никакого выбора нет.

На какое-то мгновение улыбка мелькнула в глазах Майлса Истина:

— «Решка»— я проигрываю и «орел»— я проигры-

ваю? Ну что ж, рожденный быть повешенным не утонет... Можно, я задам вам еще один вопрос?

— Валяй...

— Если все выйдет как надо, то есть я получу нужные данные, сумеете ли найти мне какую-нибудь работу в ПКА?

— Этого я тебе обещать не могу. Я уже тебе сказал, что не я диктую законы этого банка.

— Но у вас ведь достаточный авторитет, чтобы найти какой-нибудь выход...

Уэйнрайт подумал, прежде чем ответить. В конечном итоге, можно пойти к Алексу Вандервоорту и попросить за Майлса. Игра стоила свеч: победителей не судят.

Он сказал:

— Я попытаюсь, но большего обещать не могу.

— Трудный вы человек,— сказал Истин.— Ну что ж — по рукам!

— После сегодняшней нашей встречи,— предупредил Уэйнрайт,— напрямую мы больше встречаться не будем. Слишком опасно. За кем-то из нас наверняка могут следить; нам нужен посредник для передачи информации и денег. Человек, которому мы оба можем доверять...

Майлс подумал и сказал:

— Думаю, что такой человек есть: Хуанита Нуньес. Если, конечно, она на это пойдет...

— После того как ты с ней обошелся? Да ведь ты ее чуть вместо себя в каталажку не отправил!

— А все-таки попросите ее. Она добрая женщина. Кто знает, может быть, она поймет и простит...

Имели ли под собой почву подозрения Луиса Дорси относительно «Супранэйшнл»? Как в действительности шли дела у этой корпорации? Мысли об этом не выходили из головы Алекса Вандервоорта всю субботу и воскресенье. Все больше и больше его беспокоила рекомендация Дорси немедленно продавать акции «Сунатко» и его сомнения в прочности этого гигантского конгломерата.

Все это имело огромное, возможно, даже жизненное, значение для банка. И, тем не менее, ситуация была,

как понимал Алекс, предельно деликатной, поэтому действовать нужно было весьма осторожно.

Как-никак, а речь шла о солиднейших клиентах, а какому клиенту вообще понравится, если его присяжные банкиры будут распускать о нем дурные слухи и особенно если слухи эти не беспочвенны. Алекс знал: как только он начнет активно интересоваться делами «Супранэйшнл», слух о его сомнениях моментально распространится по всей округе.

Но были ли слухи беспочвенны? Как признал сам Луис Дорси, твердой уверенности в прогнозах у него не было. С другой же стороны, именно такие слухи предшествовали колоссальным крахам, скажем, «Пенн Сентрал бэнк» и других. А зловещий пример «Локхида», который хоть и не лопнул, но был предельно близок к этому, разве не свидетельство потрясающей прозорливости Дорси? Алекс вспомнил язвительное замечание Дорси о том, что Квотермейн околачивался в Вашингтоне в надежде получить заем, подобно «Локхиду». Правда, Луис назвал это не займом, а субсидией...

Конечно, не исключено, что «Сунатко» переживала временные затруднения с наличными, как это иногда случается даже с самыми жизнеспособными компаниями. Алекс надеялся, что именно так оно и было. Однако, как ответственный сотрудник ПКА, он не мог позволить себе спокойно ждать и надеяться. Пятьдесят миллионов долларов ПКА были вложены в дела «Сунатко», не говоря уже о том, что был закуплен крупный пакет ее акций. Значит, средства банка использовались в качестве спасательного круга! Мысли эти оставляли чрезвычайно неприятный осадок на душе Алекса. Он решил, что лучше всего будет информировать обо всем Роско Хейворда.

В понедельник утром Алекс спустился из своего кабинета вниз, на устланный коврами тридцать шестой этаж, взяв с собой свежий выпуск бюллетеня Дорси.

Хейворда не было. Дружески кивнув мисс Каллагэн, Алекс прошел в кабинет Хейворда и положил бюллетень на стол. Предварительно он обвел карандашом то место, где говорилось о «Сунатко», и подколол записку такого содержания: «Роско, мне кажется, что вы должны с этим ознакомиться».

Затем Алекс вернулся к себе.

Через полчаса к нему в кабинет ворвался взбешенный Хейворд. Он швырнул бюллетень на стол Алекса.

— Это вы положили мне эту гадкую оскорбительную бумажонку?

Алекс показал на записку, подколотую к бюллетеню:

— Как видите!..

— Тогда не откажите в любезности больше никогда не посылать мне бреда, сочиненного этим самовлюбленным невеждой!

— Не горячитесь, Роско. Ну, конечно же, Луис Дорси — зазнайка, самовлюбленный оракул, и многое из того, что он пишет, мне не по вкусу, как и вам. Но называть его невеждой нельзя, поскольку, увы, многие его предсказания сбываются...

— Это вы так думаете! Другие так не думают. Я бы советовал вам прочесть вот это.

Хейворд бросил поверх бюллетеня какой-то журнал. Взглянув на журнал, Алекс сказал:

— Я это уже читал.

Журнал «Форчун» посвятил редакционную статью резким нападкам на Луиса Дорси. Правда, в ней было больше эмоций, чем убедительных фактов. Так было уже не раз. Нападки на бюллетень Дорси производились прессой «большого бизнеса» довольно часто.

— Я просто поражаюсь, — продолжал бушевать Роско, — что вы не хотите признать очевидную истину: Дорси не имеет абсолютно никакой квалификации, чтобы давать советы касательно инвестиций. Я искренне жалею, что его жена работает у нас...

— Эдвина и Луис Дорси никогда не обсуждают банковские дела, это вам хорошо известно, — возразил Алекс. — Что же касается его квалификации, то позвольте вам напомнить, что множество экспертов, увенчанных пышными степенями и лаврами, отнюдь не преуспевают в роли финансовых предсказателей. А Луису это удается!

— За исключением прогнозов по «Супранэйшнл».

— Вы по-прежнему утверждаете, что «Сунатко» прочно стоит на ногах?

Алекс задал этот вопрос спокойно и без всякой задней мысли, в надежде получить более ободряющую информацию. Но эффект, произведенный этим вопросом на Хейворда, был грому подобен. Побагровевший Хейворд зло взглянул на Алекса сквозь пенсне и заорал:

— Я уверен, что ничто не доставило бы вам большего удовольствия, чем крах «Сунатко». А стало быть, и мой!

— Вы меня не так поняли...

— Нет уж, позвольте мне закончить!— лицо Хейворда было искажено ненавистью.— Я требую, чтобы вы прекратили свои интриги и не совались в эти дела. «Сунатко» — вполне здоровая компания с высокими прибылями и компетентным руководством. Возможно, вам завидно, что именно я получил пост в «Сунатко» и считаю это своим огромным достижением!

Хейворд резко повернулся и вышел.

Несколько минут Вандервоорт задумчиво сидел в тишине, размышляя о происшедшем: взрыв Хейворда поразил его. В последние два с половиной года между ним и Роско нередко возникали разногласия и была неприязнь друг к другу. Но никогда прежде Хейворд не терял контроль над собой так, как это произошло сегодня. Наверное, где-то в глубине души Хейворд был сильно обеспокоен. И чем больше Алекс думал об этом, тем больше в этом убеждался.

Алекс и сам беспокоился по поводу «Супранэйшнл». Неужели и Хейворд нервничал по той же причине? А если так, что будет дальше?

Обдумывая это, Алекс подсознательно рылся в памяти... Обрывок какого-то недавнего разговора... Он нажал кнопку селектора и попросил своего секретаря:

— Будьте любезны, разыщите мисс Бреккен.

Через четверть часа в телефонной трубке прозвучал взволнованный голос Марго:

— Ты меня выволок прямо из зала суда! Что случилось?

— Поверь мне, Бреккен, это очень важно. Вспомни, когда ты рассказывала об иске против универмага, ты упомянула имя какого-то частного расследователя...

— Да, это — Вернон Джакс.

— По-моему, Луис его тоже знает.

— Точно.

— Скажи, пожалуйста, а Джакс не болтлив? Ему можно довериться?

— Полностью!

— Где бы я мог его найти?

— Я сама его найду. Скажи, когда и куда ему прийти.

— Ко мне на службу, Бреккен. И если можно — сегодня же!

...Алекс внимательно разглядывал неопрятного, катастрофически лысеющего человечка, сидевшего в его

кабинете. Джаксу, как решил Алекс, было за пятьдесят. Он выглядел как провинциальный бакалейщик и притом не слишком процветающий. Туфли его были изрядно поношены, на пиджаке красовались обеденные пятна...

— Мне сказали, что у вас степень в области экономики?

Джакс пожал плечами:

— Вечернее отделение... У меня, знаете, есть немного свободного времени, почему бы не поучиться?

— Ну, а с балансом и отчетностью вы знакомы?

— Чуть-чуть. В эту субботу у меня экзамен по этому предмету...

Алекс начал понимать, что это была за птица, мистер Вернон Джакс.

— Вернон, я хотел бы привлечь вас к одному маленькому расследованию. Это потребует молчания и максимальной быстроты. Вы слышали о корпорации «Супранэйшнл»?

— Естественно!

— Я бы хотел провести финансовое расследование состояния дел этой компании. Оно должно быть этаким разнюхиванием издалека!..

Джакс снова улыбнулся:

— Мистер Вандервоорт, именно этим я и занимаюсь. Моя специальность — неразглашение...

Они прикинули, что на это уйдет месяц, в течение которого, если возникнет необходимость, они будут встречаться для обмена срочной информацией. Будет соблюдаться полная конфиденциальность относительно роли банка в этом расследовании. Ничего нелегального. Оплата — 15 тысяч долларов плюс разумные текущие расходы. Половина выплачивается немедленно, остальное — после заключительного доклада. Банк возьмет это на себя.

На следующий день утром Алекс послал за Нолланом Уэйнрайтом. Он сказал начальнику службы безопасности, что деньги для Вернона Джакса будут переведены через отдел Уэйнрайта. У Ноллана Уэйнрайта также нашлась просьба к Алексу. Она касалась Майлса Истина, точнее его использования в качестве подсадного агента банка в лагере фальшивомонетчиков. Ответ Алекса последовал мгновенно:

— Категорически — нет. Чтобы этот человек получал у нас жалованье...

— Но он не будет получать у нас жалованье!— сказал Уэйнрайт.— Я объяснил ему это. Деньги он будет получать наличными, и никоим образом не от банка.

— Ну, это опасно, Ноллан! Так или иначе, деньги будут исходить от нас, и я против этого.

— Ваше несогласие,— возразил Уэйнрайт, — свяжет мне руки и обречет на провал важнейшую миссию!

— Но, наверное, для выполнения этой миссии отнюдь не обязательно привлекать вора...

— А вы когда-нибудь слышали, что с помощью вора легче всего можно поймать другого вора?

— Используйте такого, который не опозорил наш банк.

Они еще долго препирались, чуть не повздорили, но в конце концов Алекс нехотя согласился, хотя и спросил:

— А Истин отдает себе отчет в степени риска, который он берет на себя?

— Да. Я от него ничего не скрыл.

— Вы сказали ему о человеке, которого убили?

Алекс знал об убийстве Вика от Уэйнрайта.

— Да,— ответил Ноллан.

— И все-таки мне все это не нравится!

— Вам еще меньше все это понравится, если я скажу, что потери от фальшивых кредитных карточек растут не по дням, а по часам...

Алекс вздохнул:

— Ну ладно, это ваш отдел, вы в нем руководитель и вам решать. Но одно я вам скажу, если к вам поступят какие бы то ни было сигналы, что жизнь Истина в опасности, немедленно отстраните его от работы. Не рискуйте.

— Именно так я и намерен поступить,— сказал Уэйнрайт.

В душе он радовался тому, что сумел настоять на своем, хотя разговор оказался трудней, чем он ожидал. И на данном этапе он счел неразумным рассказать Алексу, например, о намерении использовать Хуаниту Нуньес в качестве связной. «Как-никак,— думал он,— а самое главное сделано, зачем посвящать Алекса в детали»...

Хуанита не сразу, но все-таки согласилась...

— А что это за расследование, о котором вы говорили? — осторожно спросила она. — Расскажите о нем подробней...

— Ладно, объясню,— проворчал Уэйнрайт. Он рассказал Хуаните, как будет действовать Майлс Истин, используя контакты, установленные в тюрьме. Он рассказал ей также о сведениях, которые нужно собрать. Не было смысла утаивать от нее что-либо. Раньше или позже она обо всем и так узнает. Поэтому заодно он рассказал об убийстве Вика, опустив наиболее мрачные подробности.

— Я, конечно, не утверждаю, что то же самое может произойти с Истином,— заключил Ноллан.— Я сделаю все, чтобы обеспечить его безопасность. Но я хотел бы, чтобы вы знали, на какой риск он заведомо идет... И если вы ему поможете, он будет чувствовать себя в большей безопасности.

— А кто подумает о моей безопасности?

— Для вас фактически риска нет. Вы будете связаны только с Истином и со мной. Больше о вас никто ничего не будет знать. Это мы обеспечим наверняка...

— Идиотизм!— вдруг закричала она.— Полный идиотизм! Вы играете жизнью несчастного человека ради каких-то кредитных карточек! И Майлс — круглый идиот, согласился заниматься этим...

— Он пришел ко мне, а не я к нему. Он просил помочь.

— И вы называете это помощью?

— Но ему же будут платить за работу! Он сам этого хотел. И, кстати говоря, обратиться к вам — это его идея, а не моя...

Неожиданно она успокоилась и, к удивлению Уэйнрайта, сказала:

— Так и быть, пойду вам навстречу. Я согласна стать посредницей.

Уэйнрайт внимательно посмотрел на нее:

— Вы уверены в этом?

— Абсолютно!

— Удивительно странный вы человек,— вздохнул Уэйнрайт.

— Я женщина...

— Да,— ласково сказал он.— Это я только что заметил...

Он вытащил из пиджака два конверта и протянул Хуаните:

— В одном из них — деньги для Истина. Храните их, а при встрече передайте ему. Тут четыреста пятьдесят долларов наличными, месячная оплата, как мы

и договорились. Меньше на пятьдесят долларов, поскольку я дал ему аванс на прошлой неделе. В ближайшее время он вам позвонит. Ваше имя больше нигде упоминаться не будет.

Хуанита кивнула головой в знак понимания.

— После этого звонка мы с Истином больше встречаться не станем. Обмен информацией пойдет только через вас. Ничего не записывайте, а запоминайте. Насколько я помню, у вас идеальная память... Кстати говоря,— добавил он,— мне нужен номер вашего телефона. Я не могу найти его в справочнике.

— Потому что у меня его нет. Слишком дорогое удовольствие.

— И тем не менее, придется вам его поставить. Если вы быстро установите телефон, я прослежу, чтобы банк это оплатил.

— Попытаюсь. Но я слышала, что это целая история...

— Тогда я организую это сам. Позвоню в телефонную компанию завтра же. Мне-то они живо сделают...

— Очень хорошо.

Уэйнрайт вскрыл второй конверт, поменьше:

— Когда будете отдавать Истину деньги, отдайте также ему вот это...

«Это» оказалось кредитной карточкой, выписанной на фамилию Моги. Перед фамилией стояли инициалы — П. О. Место подписи владельца было оставлено пустым.

— Попросите Истина подписать карточку этой фамилией: П. О. Моги. Скажите ему, что карточка подделыная, однако, соединив в единое целое инициалы и фамилию на кредитной карточке, он увидит, что это — воззвание о помощи: «П — О — М — о — г — и».

Начальник службы безопасности рассказал Хуаните о назначении этой карточки. Компьютер, хранящий в памяти номера проданных кредитных карточек, запрограммирован таким образом, что владелец этой карточки, предъявивший ее где угодно для приобретения товаров на сумму до ста долларов, сможет произвести покупку, но одновременно автоматически будет поднята тревога в банке. Таким образом Ноллану тут же станет известно, что Истин попал в переплет и где именно он находится. Ему надлежит использовать эту карточку также в том случае, если он наткнется на штаб-квартиру фальшивомонетчиков.

— А уж я,— ухмыльнулся Ноллан.— буду знать, что делать... Скажите ему, чтобы он купил что-нибудь подороже чем на пятьдесят долларов, тогда магазин наверняка запросит подтверждение по телефону... Кроме того, Майлсу нужно потянуть время в магазине как можно дольше, чтобы дать и мне время. Возможно, ему никогда не понадобится эта карточка. Но в беде она — ключ к его спасению.

По просьбе Уэйнрайта Хуанита повторила все сказанное им. До последнего слова! Он взглянул на нее с уважением:

— Вы удивительно способная женщина.

— Какая от этого польза, если меня убьют...

— Успокойтесь. Я гарантирую, что все пройдет гладко.

Его уверенность передалась Хуаните. Но позже, когда она вернулась домой к своей дочурке Эстелле, предчувствие беды снова нахлынуло на нее...

Клуб здоровья «Две семерки» представлял собой четырехэтажное обшарпанное кирпичное здание, стоявшее в тупике невзрачной улицы, где проходила граница между богатой и нищей частью города. Майлс подошел к зданию, вошел в него, миновал темный коридор, увешанный пожелтевшими фотографиями бывших боксеров, экс-чемпионов. Дверь в конце коридора вела в сумрачный бар, откуда доносились голоса. Помедлив, Майлс вошел в темноту бара. Двое сидевших за стойкой повернулись к нему. Один из них сказал:

— Здесь частное заведение, старина, и если ты не член клуба, проваливай!

Второй возмущенно воскликнул:— Это ленивый осел Педро... Тоже мне — швейцар... Да ты кто такой есть? Тебе чего здесь надо?

— Я ищу Жюля Ля Рокка,— ответил Майлс.

— Так ищи его в другом месте,— зарычал первый.— Никого здесь с такой кличкой нету!..

— Эй, Майлси, крошка!..

Толстобрюхий человек выкатился навстречу Майлсу из темноты. Это и был Ля Рокка, тот самый эмиссар мафии в Драмонбергской тюрьме.

Жюль вышел на свободу незадолго до того, как выпустили Майлса Истина.

— А, Жюль, это ты... Привет!— сказал Майлс.

— Иди-ка сюда, познакомься с ребятами...

Ля Рокка схватил Майлса за руку.

— Приятель мой,— сказал он тем, что сидели за стойкой.

— Кореш,— сказал Майлс,— мне в этом стойле делать нечего. Я на мели...

Он легко перешел на жаргон, который освоил в тюрьме.

— Забудь об этом! Я ставлю пива. Пойдем за мой столик... Ты где пропадал?

— Искал работу. Знаешь, Жюль, я готов, испёкся. Помнишь, ты говорил, что поможешь в трудную минуту?

— Порядок!— подтвердил Ля Рокка.

Они подошли к столику, где сидела парочка не менее живописных персонажей. Один был худой со сварливым выражением лица, обезображенного оспой; второй — длинноволосый блондин, в ковбойских сапогах и темных очках. Ля Рокка пододвинул еще один стул.

— Садись!— сказал он.— Это мой кореш, Майлси!

Человек в темных очках фыркнул. Худой сказал:

— Тот самый, что про деньги все знает?

— Точно!

Жюль распорядился, чтобы принесли пива, затем продолжал:

— Валяй, спрашивай его о чем хочешь...

— Это еще о чем?

— О деньгах, лопух!— сказал Жюль.

Парень в темных очках подумал и спросил:

— А где появился первый доллар?

— Ну, это запросто,— улыбнулся Майлс.— Многие думают, что Америка изобрела доллар, но они ошибаются. Доллар пришел к нам из Богемии, что в Германии, знаете? Только вначале он назывался таллером, а другим европейцам трудно было произнести это слово, вот они его исковеркали и превратили в доллар. Так и осталось. Впервые доллар упоминается в «Макбете»: «И десять тысяч долларов на бочку...»

— Где, где?..

— Вот задница!— презрительно сказал Ля Рокка.— Пьеска есть такая. Рассказать? Ну что, видали? Этот парень знает все!

— Не совсем все,— нехотя сказал Майлс.— Иначе я умел бы делать деньги...

Перед ним поставили две бутылки вина. Жюль полез в карман и дал мелочь официанту.

— Прежде чем будешь делать деньги,— заметил он Майлсу,— расплатись с Игорем Омински.— Он доверительно наклонился к Майлсу, не обращая внимания на собутыльников.— Омински уже знает, что ты вышел. Спрашивал о тебе...

Напоминание об Омински, которому Майлс был должен по крайней мере три тысячи долларов, бросило его в жар. Он спросил:

— А как я могу с ним расплатиться, если у меня нет работы?

Пузатый Жюль покачал головой:

— Ну, сперва тебе надо с ним встретиться.

Майлс подумал и кивнул.

Ля Рокка показал на пиво:

— Допивай, потом пойдем, поищем его...

●

— Взгляните на все с моей точки зрения,— проговорил элегантно одетый мужчина, заканчивая роскошный обед. Его руки, унизанные бриллиантовыми кольцами, уверенно трудились над десертом.— У нас с вами было деловое соглашение, причем никто никого не насиловал. Я свое обязательство выполнил, вы свое — нет. Спрашиваю вас, в каком я оказываюсь положении?..

— Послушайте!— сказал Майлс.— Вы ведь знаете, что со мной произошло. Я вам очень благодарен за то, что вы остановили часы, пока я срок трубил. Но я не могу вам заплатить сейчас. Я бы очень хотел, поверьте. Дайте мне еще время...

Игорь Омински покачал своей прекрасно стриженой головой; его тщательно ухоженные пальцы прикоснулись к розовой, гладко выбритой щеке.

— Время,— сказал он мягко,— деньги! У вас было в достатке и того, и другого...

Ростовщик Омински был по существу подпольным банкиром, собиравшим невиданный урожай прибыли, почти ничем не рискуя. Он давал всякие ссуды, большие и малые, и диктовал свои условия. Клиенты нахо-

дили его сами. Он в них не нуждался... Омински обтяпывал свои делишки в машине, в баре или в ресторане за обедом, как сейчас. Его бухгалтерия была проста как апельсин, а сделки осуществлялись в наличных. Проследить за ними непосвященному было невозможно, а от потерь он не страдал. Естественно, он не платил никаких федеральных или штатских налогов. Зато проценты по ссудам, которые он взимал с должника, доходили до ста в год, а иногда и больше.

В любое время у Омински было примерно два миллиона долларов, как он говорил, «прямо на улице»... Часть была его собственной, а остальное принадлежало боссам хорошо организованного преступного мира. И даже на этом он делал неплохие деньги, снимая сливки в виде комиссионных. Считалось нормальным, что исходные сто тысяч долларов, вложенные в ростовщичество, превращались за пять лет в своеобразную пирамиду с верхушкой в полтора миллиона, что составляло тысячу процентов прибыли! Едва ли какой другой бизнес в мире мог с этим сравняться. Омински предпочитал не возиться с шушерой, что брала малые ссуды на короткий срок. Известнейшие бизнесмены то и дело влезали в капканы ростовщиков, когда иссякали официальные источники кредита. Иногда в связи с тем, что кто-то не мог вовремя возвратить долг, ростовщик становился компаньоном или даже владельцем целого дела.

Основные затраты ростовщика шли на содержание преторианской гвардии, хулиганов и телохранителей, которые прибегали к насилию, выколачивая долги. Впрочем, он редко пользовался этим, зная, что от искалеченного должника проку мало. Вместе с тем он прекрасно понимал, что важнейший способ получать деньги обратно заключается в том, чтобы держать человека, бравшего у него ссуду, в постоянном страхе. Все знали, что наказание руками наемных бандюг будет быстрым и жестоким.

Риск, на который шел ростовщик, и сравнить нельзя было с риском в других видах организованной преступности. В редчайших случаях крупные ростовщики попадали под суд, еще реже получали срок; отсутствие свидетелей было тому причиной. Клиенты акул-ростовщиков предпочитали молчать вглухую частично из страха, иногда из стыда. Избитые никогда не жаловались, зная, что за болтовню им всыпят еще...

Итак, Майлс сидел перед Омински и умоляюще глядел на него, пока тот справлялся с десертом.

Неожиданно ростовщик спросил:

— А дела ты вести умеешь?

— Бухгалтерию?

— Ну да.

— Когда я работал в банке...

Возмущенным жестом Игорь приказал ему замолчать. Его холодные глаза оценивающе взглянули на Майлса·

— Может быть, я сумею использовать тебя. Мне нужен бухгалтер в «Двух семерках».

— В клубе?

Для Майлса было неожиданностью, что Омински заправлял клубом. Он добавил:

— Я там был сегодня перед тем...

— Когда я говорю,— перебил Омински,— имей привычку молчать. И слушать! И отвечай только когда тебя спрашивают... Ля Рокка сказал, что тебе нужна работа. Если я тебе ее дам, то все, что ты заработаешь, пойдет в оплату долга и процентов. Ясно? Иными словами, я владею тобой. Надеюсь, что это ты понимаешь?

— Да, мистер Омински!

Майлс почувствовал огромное облегчение. Значит, все-таки ему дадут отсрочку. Как и каким образом, это было уже неважно...

— Ты получишь питание и комнату,— сказал Омински.— И предупреждаю: руки держи подальше от кассы! Если я узнаю, что ты что-либо украл.., Запомни: то, что ты получил за воровство в банке, будет конфеткой по сравнению с тем, что ты получишь от меня! Жюль проводит тебя и поможет устроиться. Тебе скажут, что нужно делать.

Омински жестом показал Майлсу, что тот свободен, и кивнул Жюлю, который, сидя неподалеку, наблюдал за ними. Пока Майлс ждал за дверью ресторана, те двое совещались. Затем Ля Рокка вышел на улицу.

— Можно сказать, что тебе здорово повезло. Не упусти этот шанс, парень. Ну, давай, двигай...

Когда Игорю подавали коньяк и кофе, терпеливо ожидавший в глубине зала очередной проситель выскользнул из полумрака и сел на место Майлса...

Комната, которую Майлс занял в клубе, располагалась на самом верхнем этаже и была похожа на клетку. Ознакомившись с распорядком клуба, Майлс приступил к исполнению своих бухгалтерских обязанностей, что далось ему довольно легко. Он знал свою работу и дал несколько дельных советов управляющему клубом по части того, как более рационально вести бумаги и хозяйство. Управляющий, когда-то подвизавшийся в профессиональном боксе менеджером и мало смысливший в конторской работе, был очень признателен. Еще больше ему понравилось, когда Майлс вызвался выполнять всякие другие работы, например, реорганизацию склада и инвентаризацию...

Членами клуба были мужчины. Насколько Майлс мог понять, они делились на две категории. Одни серьезно занимались легкой атлетикой и поддерживали спортивную форму, посещали паровые бани и делали массаж. Эти люди приходили и уходили поодиночке, некоторые знали друг друга, и Майлс догадывался, что это были либо мелкие служащие, либо невысокого класса бизнесмены, которые посещали «Две семерки» действительно в оздоровительных целях. Майлс догадался без труда, что эта категория образовывала очень удобную ширму для второй компании, которая никогда не пользовалась спортинвентарем, изредка посещая парные.

Эти обычно собирались в баре или наверху, в комнатах третьего этажа. Приходили они, как правило, толпой и уходили поздно ночью, когда исчезали любители спорта. Было совершенно ясно: ими-то, в первую очередь, и интересовался Ноллан Уэйнрайт, знавший, что «Две семерки» служили прибежищем уголовников.

И еще Истин быстро установил, что верхние этажи использовались для игры в карты и кости с высокими ставками... Уже через неделю его хорошо знали и относились к нему если не совсем как к своему, то во всяком случае не враждебно, получив заверение Жюля Ля Рокка, что Майлс — кореш надеждый.

Вскоре, следуя своей цели стать полезным и необходимым, Майлс начал помогать бармену, разнося напитки и бутерброды по третьему этажу. Когда он принес их в первый раз, здоровенный мужчина, стоявший на «шухере» возле игровых комнат, взял у него поднос

и сам отнес игрокам. Однако впоследствии ему позволяли заходить в комнату, где вовсю шли азартные игры. Майлс охотно бегал за сигаретами и приносил их наверх заядлым курильщикам.

Он видел, что постепенно входит в доверие. Его всегда рады были видеть благодаря его предупредительности. Кроме того, свойственные Майлсу жизнерадостность и добродушие расцвели в нем, несмотря на опасность, которой он подвергался. И, наконец, Жюль Ля Рокка, неразрывно связанный со всем, что происходило в клубе, и ставший своего рода антрепренером Майлса, использовал его как водевильного актера в небольших представлениях.

В первую очередь всех, конечно, потрясло его знание всяких историй о деньгах. Кладезь этих знаний, казалось, был неисчерпаем, а интерес Жюля и его приятелей-жуликов к этой теме был бесконечен.

Особенно популярен стал рассказ о фальшивых деньгах, которые печатали сами правительства. Об этом Майлс впервые рассказал еще в тюрьме. В первые же недели пребывания в клубе Майлс повторил этот рассказ по настоянию Ля Рокка раз десять. И всегда это вызывало у публики одно замечание: «Эти вонючие лицемеры»...

Чтобы пополнить запас историй, Майлс как-то съездил на квартиру, которую занимал до суда, и, к счастью, нашел у хозяина свои драгоценные книги и справочники. Теперь он снова мог окунуться в них, храня их у себя в комнатушке на четвертом этаже. Майлс потешал общество забавными историями. Он рассказал о странных видах денег. Самые тяжелые «банкноты», которые когда-либо существовали, были сделаны из огранных каменных дисков. Ими пользовались на одном из тихоокеанских островов до самого начала второй мировой войны! Большинство этих дисков достигали в ширину примерно одного фута, но самый крупный был в двенадцать футов, и покупатели были вынуждены носить «деньги» на шесте.

— А как там у них насчет сдачи?— спросил кто-то под общий хохот, а Майлс ответил, что сдача давалась тоже дисками, но меньшего размера...

— Зато,— рассказывал Майлс,— самые легкие деньги делаются из перьев редких птиц. Они в хождении на Новых Гибридах. На протяжении многих веков соль служила разменной монетой, например, в Эфиопии и в

Риме. А на Борнео еще совсем недавно, в девятнадцатом веке, расплачивались человеческими черепами...

Каковы бы ни были эти «семинары», они неизменно заканчивались разговором о разного рода подделках. Однажды после такого разговора здоровенный телохранитель, околачивавшийся в баре, пока его босс играл наверху, отвел Майлса в сторонку.

— Эй, парень,— сказал он,— вот ты там рассказываешь о подделках... Погляди-ка вот на это...

Он вытащил из кармана хрустящую двадцатидолларовую бумажку.

Майлс взял ее и внимательно рассмотрел. Для него это было не ново. Когда он работал в Первом Коммерческом банке, ему приносили все купюры, вызывавшие сомнение, потому что он считался подлинным специалистом по распознаванию фальшивок.

Телохранитель улыбнулся до ушей:

— Хорошо, а?

— Ну, если это подделка,— сказал Майлс,— то самая лучшая из всего, что я видел.

— Купишь?

Телохранитель вытащил еще девять двадцаток:

— Дай мне сорок настоящими, и все двести — твои.

Таков примерно и был реальный курс. Майлс знал, что это цена высокосортной подделки. Он заметил, что остальные банкноты были так же добротно выполнены, как и первая.

Майлс хотел было отказаться, но передумал. Разумеется, у него не было никакого намерения заняться сбытом фальшивок, но он понял, что мог переслать их Уэйнрайту.

— Подожди меня здесь,— сказал он здоровяку-охраннику и поднялся в свою комнату, где наскреб сорок долларов. Часть осталась от нолланновских, а кое-что он получил чаевыми, когда разносил напитки и сигареты. Он пересчитал деньги и обменял их на поддельные двести долларов, а позже спрятал фальшивки в своем сундучке.

На следующий день Жюль Ля Рокка подошел к нему, широко улыбаясь:

— Я слышал, ты вчера неплохо провернул одно дельце?

— Так, пустяки,— признался Майлс.

Рокка притиснул его к стене огромным брюхом и, понизив голос, сказал:

— Хочешь еще подработать?

— Смотря как,— осторожно сказал Майлс.

— Ну, например, прокатиться в Луисвилль. Нужно спихнуть немного игрушек, которые ты купил вчера...

Майлс почувствовал судороги в животе. Если он согласится и его поймают, то он не только попадет опять в тюрьму, но и на более долгий срок. Ну, а если не рисковать, то как добраться до логова фальшивомонетчиков и влезть в их доверие?

— Всего-то дел — смотаться туда на машине... За это получишь двести «зеленых»...

— А что, если меня там зацапают? Ты же знаешь, что я на волоске, мне даже водительские права иметь нельзя.

— Это не проблема,— сказал Жюль.— Фотография есть?

— Нет, но могу сделать.

— Тогда поторапливайся.

Во время обеденного перерыва Майлс пошел к автобусной станции и сфотографировался там в автомате. В тот же вечер он дал фотографию Жюлю.

Два дня спустя, когда Майлс работал на третьем этаже в конторе, пришел Жюль и положил перед ним какой-то квадратный листок. С удивлением Майлс увидел, что это были права, выданные властями штата: на них красовалась его физиономия...

Ля Рокка заржал:

— Почище, чем всамделишные. А?

— Ты хочешь сказать, что это — подделка?— поразился Истин.

— А что, можно отличить?

— Пожалуй, нельзя!— Он еще раз поглядел на права.— Откуда они у тебя?

— Неважно!

— Нет,— сказал Майлс.— Я бы хотел это знать. Ты же знаешь, я всегда этим интересовался.

Ля Рокка помрачнел, в глазах его мелькнуло подозрение:

— А на черта тебе знать?

— Да интересно...

— Знаешь, кое-какие вопросы задавать ни к чему... Парень начинает много спрашивать — люди начинают думать: а зачем он спрашивает? Так ведь и нарваться можно. И будет очень-очень больно!

Майлс промолчал. Ля Рокка просверлил его взглядом, потом сказал:

— Поедешь завтра ночью. Тебе все скажут: что нужно делать и когда...

На следующий день Ля Рокка передал Майлсу ключи, квитанцию бюро проката и обратный авиабилет. Майлс должен был получить в бюро черный «шевроле» и выехать на нем в Луисвилль. В тамошнем аэропорту он поставит машину и спрячет ключи под передним сиденьем. Прежде чем оставить машину, он должен тщательно стереть отпечатки пальцев. Затем первым же рейсом он вылетит обратно...

Едва ли нужно рассказывать, как он нервничал всю дорогу до Луисвилля. Однако все шло как по маслу, и постепенно он начал успокаиваться. Выполнив все инструкции, он вернулся в десять утра в «Две стрелы». Никаких вопросов ему не задавали...

Весь день Майлс буквально падал с ног от усталости, но работал. После обеда пожаловал Ля Рокка, сияющий, дымящий дорогой сигарой.

— Великолепно, Майлси! Никто не вляпался. Все довольны!

— Это, конечно, неплохо,— сказал Майлс.— А когда я получу свои две сотни?

— Уже получил! Омински оприходовал их в счет твоего должка...

Майлс вздохнул. Он знал, что так именно и произойдет, хотя смешно было рисковать ради того, чтобы его деньги получил ростовщик.

— Откуда же Омински узнал?— спросил Майлс.

— А он все знает!— самодовольно ответил Жюль.

— Хорошо, минуту назад ты сказал, что все довольны. Кто это — все? Уж если я работаю, то хотел бы по крайней мере знать, на кого.

— А я тебе уже сказал, что есть вещи, о которых не стоит спрашивать. Дольше проживешь.

Майлс заставил себя улыбнуться, хотя от прежней его жизнерадостности не осталось и следа... Сказались ночное путешествие, напряжение и опасность, которая поджидала его на каждом шагу.

Через двое суток он сообщил Хуаните о своих похождениях. Майлс и Хуанита встретились за это время дважды. Первый раз сразу же после того, как Хуанита дала согласие быть его связной. Никакой информацией он не располагал и рассказал только, что устроился

в клубе «Две семерки» и о том, как все это противно. Он описал встречу с Жюлем и ростовщиком...

— Работаю бухгалтером, так что пробрался глубже,— сказал он ей.— Этого и хотел Ноллан. Залезть-то я туда залез, только вот как я оттуда выберусь.

Хуанита принесла из спальни два конверта, которые дал ей Ноллан Уэйнрайт и познакомила Майлса с инструкциями.

Для второй встречи Майлсу вновь удалось незаметно выбраться из клуба. Хуанита внимательно выслушала его рассказ. Он поделился с ней своими сомнениями.

Мне пока ничего особенного не удалось узнать. Ну, ладно, я имею дело с Жюлем и с тем, который продал мне поддельные двадцатки. Они — пешки. И сто́ит мне о чем-нибудь спросить Жюля, как он вмиг настораживается. У меня на сегодняшний день такой же туман, как и в начале... Кто киты, я по-прежнему не знаю!

— Ну, за месяц-то нелегко узнать,— сказала Хуанита.— Может, там и узнавать нечего из того, что нужно мистеру Уэйнрайту? А если это так, то не твоя вина. Мне кажется, что ты узнал больше, чем ты думаешь. Эти фальшивки, например... Или номер автомобиля, на котором ехал. Не так уж мало!..

●

— Я задам вам два вопроса,— сказал Алекс Вандервоорт. Он был оглушен тем, что только что услышал.— Первый вопрос: бога ради, скажите, каким образом вам удалось получить эти сведения? И второе: насколько они соответствуют действительности?

— Если вы не возражаете,— ответил Вернон Джакс,— я отвечу на эти вопросы в обратном порядке. Но сначала прочитайте вот это...

Они сидели в кабинете Алекса, в Главной башне ПКА. На улице было тихо и в здании тоже. Большинство сотрудников тридцать шестого этажа разошлись по домам.

Частный расследователь, которого Алекс месяц назад нанял для негласной ревизии дел корпорации «Супранэйшнл», спокойно читал вечернюю газету, пока Алекс знакомился с семидесятистраничным отчетом, включавшим приложения и фотокопии документов.

Сегодня Вернон Джакс выглядел еще более непрезентабельно. На нем были синий, протертый до дыр и лоснящийся костюм, от которого, вероятно, отказалась бы даже Армия спасения, предложи им его в качестве пожертвования. Галстук и ботинки были еще более ужасны, чем в прошлый раз. Остатка волос на голове не хватило бы даже на одну драку, и те торчали в разные стороны... Тем не менее, было совершенно ясно, что недостаток в импозантности у Джакса вполне компенсировался его удивительным даром разнюхивания.— Что касается правдоподобности,— сказал Джакс, когда Алекс дочитал материалы,— если вы спросите меня, удовлетворят ли перечисленные мною факты суд присяжных в качестве обоснованных доказательств, то я вам отвечу нет. Но я удовлетворен тем, что вся информация подлинная. Я не включил в ответ ничего из того, что не было подкреплено по крайней мере двумя хорошо осведомленными источниками, а в некоторых случаях и тремя. И еще: мое стремление докопаться до истины является моим самым важным деловым качеством. У меня в этом отношении добрая репутация, и я не собираюсь ее подмочить... Как мне все это удается? Люди, на которых я работаю, часто спрашивают меня об этом, и я думаю, они заслуживают некоторых объяснений. Хотя не все, не все я рассказываю, потому что многое составляет профессиональную тайну. Кроме того, я не могу подводить людей, которых использую в качестве источников... Я работал ревизором в министерстве финансов двадцать лет и, уходя оттуда, не оборвал свои связи, а наоборот, постарался их сохранить. Как в министерстве, так и во многих других местах...

— Понимаю,— сказал Алекс.— Понимаю.

— Вы, возможно, не знаете этого, мистер Вандерворт, но работа частного детектива зиждется на взаимном обмене конфиденциальной информацией. Это необходимо. Иногда самые случайные сведения годятся, поскольку они могут быть нужны кому-то еще. В свою очередь, я тоже могу получить нужные мне сведения. Помоги мне сегодня, я помогу тебе завтра. Дебет и кредит — благодарность в виде дополнительной информации; я торгую не просто моей финансовой сообразительностью, но сведениями, полученными из надежных источников...

— Ну что ж, на сегодня сюрпризов и так достаточно,— вздохнул Алекс.— Так или иначе...

— Так или иначе,— подхватил Джакс,— результаты налицо.

— Понимаю и ценю!— кивнул Алекс.

— И еще одно должно быть вам ясно, мистер Вандервоорт. Это касается моего достоинства. Я заметил, как вы оба раза осмотрели меня с ног до головы. По всей вероятности, вас шокировал внешний вид. Видите ли, в моем деле без этого не обойтись. Пусть люди думают: вот ничтожество, жалкая мышь... Едва ли на эту мышь обратят серьезное внимание те, чьи дела эта мышь втихомолку грызет. Да и языки скорей развязываются. Не ах, мол, какая важная шишка, поэтому что за резон ее остерегаться!.. Если бы я был похож на вас внешне, то сразу вызвал бы настороженность. Но я вам скажу еще и другое: в тот день, когда вы пригласите меня на свадьбу вашей дочери, я буду выглядеть не хуже других гостей!

— Если у меня когда-нибудь будет дочь,— серьезно сказал Алекс,— я обязательно о вас вспомню...

Когда Джакс ушел, Алекс еще раз проглядел этот потрясающий отчет. Отныне пагубные последствия для Первого Коммерческого банка от сделки с «Сунатко» не вызывали сомнений. Мощный фасад «Супранэйшнл» скрывал дымящуюся бочку с динамитом...

Слухи, домыслы, крупицы информации — все подтвердилось. Вернон Джакс обнаружил много такого, от чего волосы вставали дыбом. Было уже поздно предпринимать что-либо сегодня, и Алекс решил, что за ночь он обдумает полученную информацию. С тем чтобы завтра предпринять самые решительные меры...

●

Обычно красное лицо Джерома Паттертона сегодня было просто багровым.

— Черт возьми!— кричал он,— то, что вы просите — невозможно!

— Я не прошу!— голос Алекса дрожал от злобы, накопившейся в нем за ночь.— Я говорю вам: сделайте именно так!

— Просите, говорите, какая разница? Вы хотите,

чтобы я предпринял волевые действия без достаточных оснований!

— Я вам их представлю больше, чем нужно! Сейчас мы просто в цейтноте.

Алекс все утро дожидался приезда Паттертона.

— Нью-Йоркская биржа открыта уже пятьдесят минут,— напомнил Алекс.— Мы потеряли драгоценное время и потеряем еще из-за вашего упрямства. Потому что вы — единственный человек, кто может отдать распоряжение отделу ценных бумаг продавать все акции «Супранэйшнл». До единой! Все имеющиеся в нашем распоряжении!

— Не буду я этого делать. Собственно говоря, кто вы такой? На каком основании врываетесь сюда и даете указания?..

Алекс закрыл дверь кабинета.

— Я объясню вам, кто я, Джером. Я тот самый человек, который предупреждал вас, предупреждал Совет: не иметь никаких дел с «Сунатко»! Я до последнего дрался против закупок ценных бумаг «Супранэйшнл». Никто, в том числе и вы, не хотели меня слушать. «Супранэйшнл» вот-вот рухнет...

Алекс изо всех сил стукнул по столу кулаком, глаза его сверкали.

— Неужели вы не понимаете? Рухнув, «Супранэйшнл» раздавит под своими обломками и нас!

Паттертон был потрясен таким натиском. Он осторожно спросил:

— Но кто вам сказал, что «Сунатко» на краю пропасти?

— Не будь я уверен, неужели, вы думаете, я бы так себя вел? Неужели вы не понимаете, что я даю вам шанс спастись от этой катастрофы?— Алекс показал на часы.— Прошел час с тех пор, как работает биржа. Не упрямьтесь, Джером, берите телефон и срочно дайте соответствующие указания!

Мышцы на лице президента подергивались. Никогда не был он решительным и сильным человеком, а в таких ситуациях и вовсе терялся.

— Видит бог, Алекс, я надеюсь, вы знаете, что делаете,— сказал Паттертон и протянул руку к одному из телефонов. Поколебался, затем поднял трубку.

— Соедините меня с Митчелом из отдела ценных бумаг. Да, я подожду... Митч? Это Джером. Слушай меня внимательно. Я хочу, чтобы ты отдал приказ не-

медленно продавать все ценные бумаги «Супранэйшнл», имеющиеся в нашем распоряжении... Да, продавай! Все! — Паттертон выкрикнул с нетерпением:— Да, я знаю, что случится с биржей. Я знаю, что цены уже упали. Я видел вчерашние цифры. Что ж, понесем потери. Но все-таки — продавать... Да, да, я знаю, что это неожиданно.— Рука, державшая телефонную трубку, дрожала, но он сказал твердо:— Заседать некогда, делайте то, что я вам приказал, не тратьте времени. Да, я беру на себя всю полноту ответственности!

Повесив трубку, Паттертон налил себе стакан воды, выпил и сказал:

— Вы слышали? Акции уже упали. Если мы начнем продавать, мы форсируем падение еще больше. Нам здорово достанется!

— Ошибаетесь,— возразил Алекс.— Нам сильней достанется, если мы займем выжидательную позицию. Сейчас мы еще немного потеряли. Пройдет неделя, и контрольно-финансовые организации запретят нам продажу...

— Нам? Почему?

— Они запретят продажу именно нам, поскольку нетрудно догадаться, что мы имели сведения о близком крахе «Сунатко» и поэтому начали продавать...

— Господи!— Паттертон встал из-за стола и отвернулся от Алекса.— «Сунатко», господи, «Сунатко»!.. А как же насчет нашей ссуды в пятьдесят миллионов?

— Я проверил. Она почти полностью получена «Сунатко»!

— А компенсирующий остаток?

— Там осталось меньше миллиона...

Паттертон судорожно вздохнул.

— Вы сказали, что у вас достаточно веские основания. Значит, вы что-то знаете. Расскажите обо всем подробней!

— Проще будет прочитать вот это.

И Алекс выложил на стол отчет Джакса.

— Прочту позже,— сказал Паттертон,— а сейчас резюмируйте.

Алекс рассказал о слухах вокруг «Супранэйшнл», о мнении Луиса Дорси и о своем решении нанять частного детектива — Вернона Джакса.

— В отчете Джакса все сходится,— продолжал Алекс.— Прошлой ночью и сегодня утром я кое-куда позвонил и получил подтверждение по многим пунктам.

Мы и сами могли все узнать, кто угодно мог узнать, если бы серьезно занялся этим делом, прежде чем вступать с «Сунатко» в деловые отношения. Только никого это не интересовало до сегодняшнего дня. Кстати, Джакс выудил секретную документальную информацию...

Паттертон прервал его:

— В чем суть?

— В двух словах: «Супранэйшнл» вылетела в трубу. За последние три года корпорация несла огромные потери и существовала в основном за счет престижа и кредитов. Они брали ссуды невероятных размеров; брали, чтобы погасить старые долги; затем брали опять и опять. А наличных у них не было ни цента!

— Но ведь «Сунатко» постоянно давала сведения о своих прибылях. Год за годом! И ни года без дивидендов!

— Ну, теперь становится очевидным, что дивиденды, показанные за последние несколько лет, были выплачены за счет займов, которые они брали. А остальное — бухгалтерия. Мы-то знаем, как это делается, не впервой...

Президент банка мрачно сказал:

— Да, прошли времена, когда подпись главного бухгалтера на ценных бумагах гарантировала их надежность. Другие времена... Может быть, пора думать о том, как скоро лопнет наш Первый Коммерческий после краха «Супранэйшнл»?

В его глазах была почти мольба. И куда девался прежний апломб...

— Как вы думаете, Алекс, каково наше положение?

— Многое зависит от плавучести «Сунатко». Если они продержатся еще несколько месяцев, то нашу распродажу их ценных бумаг могут и не заметить. А вот если они рухнут раньше, то быть беде... У нас есть шансы потерять пятьдесят миллионов, а вы знаете, к чему это приведет. Боюсь, что на наши головы свалятся все шишки... Не говоря об озлобленных держателях акций, которые потребуют нашей крови, нас, директоров, еще и судебными процессами замучают...

— Господи!— повторил Паттертон.— Господи!..

Он вытащил платок и вытер лицо и затылок.

Алекс продолжал:

— Кроме того, нам необходимо подумать об огласке. Если «Супранэйшнл» лопнет, начнутся расследова-

ния. Но раньше в этой истории начнет копаться пресса. А некоторые финансовые репортеры достаточно хорошо разбираются в таких делах. Внимания к банку в печати будет хоть отбавляй, и это едва ли обрадует наших вкладчиков. Боюсь, они начнут забирать свои деньги...

— Об этом даже страшно подумать!..

Паттертон выпил еще воды и буквально рухнул в кресло.

— Я предлагаю,— посоветовал Алекс,— чтобы вы срочно собрали финансовый комитет банка. Немедленно! Мы попытаемся добиться максимальной реализации ценных бумаг. Это поможет, если понадобятся наличные...

Паттертон кивнул головой:

— Согласен.

— Больше делать нечего,— сказал Алекс,— разве что молиться. Впервые с тех пор, как Алекс вошел в эту комнату, он усмехнулся:

— Я думаю, есть смысл вызвать Роско.

Паттертон сказал в трубку:

— Попросите ко мне мистера Хейворда. Меня не интересует, кто с ним, хоть сам господь бог! Он нужен немедленно!

Джером бросил трубку и снова вытер лицо и затылок...

Дверь кабинета открылась, пропуская Хейворда.

— Доброе утро, Джером!— сказал он, холодно кивнув Алексу.

— Закройте дверь!— прорычал Паттертон.

Посмотрев с удивлением на Джерома, Хейворд закрыл дверь.

— Мне сказали, что это срочно. Если нет, то я...

— Расскажите ему о «Супранэйшнл», Алекс,— бросил Паттертон.

Лицо Хейворда застыло.

Алекс невозмутимо изложил суть доклада Джакса.

Обретший свой престижный апломб, Паттертон сказал:

— Мы собираем финансовый комитет сразу же после обеда, чтобы обсудить вопросы ликвидности. Тем временем, Роско, соединитесь с «Супранэйшнл», узнайте, можно ли что-нибудь спасти из нашего займа.

— Ссуда выделена на таких условиях, что мы можем в любое время забрать ее,— сказал Хейворд.

— В таком случае поступите именно так. Сегодня

сообщите им устно и немедленно отправьте письменное подтверждение. Едва ли можно надеяться, что у «Сунатко» сейчас найдутся пятьдесят миллионов наличными. Даже у здоровой компании обычно не бывает такой суммы в «загашнике». Но кое-что у них, наверное, все же есть, хотя я не очень уверен. Так или иначе, сделайте как я сказал...

— Я немедленно соединюсь с Квотермейном,— проговорил Хейворд.— Позвольте мне взять этот отчет?

Паттертон взглянул на Алекса.

— Я не возражаю,— сказал тот,— но я бы посоветовал вам не делать никаких копий. Чем меньше людей будет знать об этом, тем лучше.

Хейворд кивнул. По всему было видно, что ему очень хотелось быстрее уйти отсюда.

В своем кабинете Хейворд наскоро закончил спешные дела и принялся детально знакомиться с документами Вернона Джакса. Он тут же понял, что Вандервоорт ничего не преувеличил.

Хейворд понимал также, что ему надо срочно забыть о распре с Алексом и целиком сконцентрироваться на путях к спасению. Он прекрасно понимал, к чему приведет крах «Супранэйшнл» не только в личном плане, но и в Совете. Его с наслаждением сделают козлом отпущения. Впрочем, максимальная оперативность, решительность и немного везения, возможно, позволят еще выкрутиться. Если спасти ссуду, то он даже героем может прослыть...

Он попросил миссис Каллагэн срочно соединить его с Квотермейном. Несколько минут спустя она сообщила:

— Мистера Квотермейна нет в Соединенных Штатах. В его канцелярии никто точно не знает, где он. Во всяком случае, они ничего определенного не говорят.

Неважное это было начало, и Хейворд рявкнул:

— Тогда соедините меня со Стенли Инчбеком, главным бухгалтером «Супранэйшнл»!

— Роско? Здравствуй, Роско,— услышал он голос Инчбека в трубке.— Чем я могу помочь тебе, Роско?

— Я пытался отыскать Джорджа. Ваши люди словно воды в рот набрали...

— Он в Коста-Рике.

— И все-таки мне надо с ним поговорить. Ты же знаешь номер телефона...

— Нет. Уезжая, он сказал, что ни с кем не хочет разговаривать.

— Это очень срочно!

— Тогда скажи мне, в чем дело.

— Ладно. Мы отзываем нашу ссуду. Настоящим разговором ставлю вас в известность устно, а письменное подтверждение последует сегодняшней ночной почтой.

Наступила долгая пауза. Затем Инчбек сказал:

— Не может быть... Вы это всерьез?

— Как нельзя более.

— Но почему? Почему?

— Я думаю, нет особой нужды разжевывать. Ты и так все понимаешь. Кроме того, давать объяснения по телефону.

Инчбек промолчал, что само по себе было многозначительно. Затем, правда, он попытался протестовать:

— Ваш банк ведет себя удивительно неразумно! Лишь на прошлой неделе Большой Джордж сказал мне, что готов взять у вас еще двадцать пять миллионов...

Наглость эта возмутила Хейворда. Впрочем, он вспомнил, что именно такая наглость в прошлый раз и подкупила его. Но теперь этот номер не пройдет.

— Если ссуда будет возвращена немедленно,— сказал Хейворд,— все останется сугубо между нами.

— Пятьдесят миллионов долларов! — воскликнул Инчбек.— Мы такие суммы не держим наличными.

— Наш банк,— сухо сказал Роско,— согласится на выплату частями, при условии, что они будут следовать одна за другой...

«Однако,— подумал Хейворд,— основная проблема заключалась не в этом. Где найдет «Сунатко» пятьдесят миллионов, будучи практически без гроша за пазухой?..» Хейворд почувствовал, как его бросило в жар.

— Я поговорю с Большим Джорджем,— обещал Инчбек.— но боюсь, что это ему здорово не понравится!

— Когда будешь говорить с ним, скажи также, что я хочу обсудить с ним вопросы, связанные с «К-инвестициями».

Хейворд не был полностью уверен, но, когда он клал трубку, ему показалось, что он услышал стон Инчбека.

Выйдя на улицу, Хейворд купил вечернюю газету. Огромный заголовок на первой полосе сразу же привлек его внимание: «Корпорацию «Супранэйшнл» лихорадит. Насколько платежеспособен гигант?..»

●

Удача пришла к Майлсу Истину, когда он ее меньше всего ожидал.

Поздно вечером в понедельник управляющий клуба Нэйтансон послал за Майлсом, который разносил напитки и бутерброды игрокам в карты на третьем этаже.

Когда Майлс вошел в контору, он увидел там Игоря Омински и коренастого малого с грубыми чертами лица. Майлс встречал его несколько раз в клубе и знал, что зовут его Тони Марино по кличке «Медведь». Лучше имени, пожалуй, было и не придумать. Он приезжал в «Две семерки» на своем «кадиллаке» в сопровождении телохранителей.

Управляющий, заметно нервничавший, обратился к Истину:

— Послушай, Майлс, я сказал мистеру Марино и мистеру Омински, что ты очень полезный человек. И вот они бы хотели, чтобы ты...

Омински грубо сказал:

— Закрой дверь с той стороны!

— Да, сэр!— отчеканил управляющий, быстро выходя из комнаты.

— В машине, внизу,— проговорил Омински,— лежит старик. Пойди туда вместе с людьми мистера Марино. Внесите его в клуб, но так, чтобы никто не видел. Отнесите старика в комнату по соседству с твоей и проследите, чтобы он оттуда ни на шаг. Ясно? Не оставляй его одного ни на одну минуту! А если тебе понадобится выйти,— запирай его на ключ... Отвечать за него будешь ты.

Майлс с трудом выговорил:

— Что же, силой держать его там, что ли?

— Силы никакой не понадобится, увидишь сам.

— И помни, что он для нас очень важен. Обращайся с ним как следует!— вставил слово Тони-медведь удиви-

тельно тонким фальцетом, странным для его телосложения.

— Ничего спиртного ему не давать. Ясно?— Он будет просить. Но не смей давать! Понятно?

— Да,— сказал Майлс.— Я так понял, что сейчас он лыка не вяжет?

— Пьян в стельку,— кивнул Омински.— У него недельный запой. Пока он здесь пробудет, три или четыре дня, остальной работой можешь не заниматься. Сделаешь все как надо, не пожалеешь...

— Постараюсь,— сказал Майлс.— А как зовут старика? Имя у него есть?

Жулики переглянулись. Омински сказал:

— Его зовут Дэнни. Больше тебе ничего знать не следует.

Недвижимое тело Дэнни внесли, как мешок, в клуб, а затем по черной лестнице втащили на четвертый этаж. Майлс подошел к комнате и открыл дверь: комната была такая же крохотная, как и его собственная; вся мебель — кровать и шкаф.

— Теперь он твой, Майлси!— завещал телохранитель.— А мы убираемся отсюда, да поскорее, пока не вырвало...

Подавляя в себе острое отвращение, Майлс раздел старика и подстелил под него резиновую клеенку. Старик пребывал в бессознательном состоянии, и, пользуясь этим, Майлс обмыл его губкой. Когда все это было проделано, Майлс вытащил из-под Дэнни клеенку и уложил его в постель.

Когда Майлс накрыл Дэнни простыней, а затем еще и одеялом, старик, как показалось, словно бы с облегчением вздохнул. Майлс собрал одежду с пола и положил ее в целлофановые мешки, чтобы отдать в стирку, но прежде осмотрел все карманы. В одном он обнаружил вставные челюсти. В остальных лежала всякая дребедень: расческа, очки с толстыми стеклами, вечное перо и набор карандашей, а также несколько ключей. Во внутреннем кармане оказались три кредитные карточки и кошелек, туго набитый деньгами.

Майлс взял вставные зубы, сполоснул их под краном и положил в стакан с водой. Затем принялся внимательно исследовать кредитные карточки и кошелек.

Одна кредитная карточка была выписана на имя Фреда Риордана, вторая — на Беннета и третья — на Альфреда Шоу. На каждой стояла подпись владельца

на обратной стороне, но, несмотря на то, что фамилии владельцев были разные, почерк был один и тот же. Майлс еще раз осмотрел карточки, проверяя их годность и срок действия. Все свидетельствовало о том, что все три были выписаны недавно. Больше того, их подлинность, на первый взгляд, не вызывала сомнений.

Затем он перешел к осмотру кошелька. В нем были водительские права. Вытащив их, он увидел, что в глубине кошелька лежали еще одни права, а под ними еще одни: фамилии, значившиеся на них, были те же, что и на кредитных карточках, но фотография на всех трех была одна и та же. Он вгляделся в нее как следует и убедился, что фотография, несомненно, принадлежала старику Дэнни.

Майлс вытащил из кошелька деньги и пересчитал. Разумеется, он попросит управляющего спрятать кредитные карточки и кошелек в сейф, но знать, сколько было денег, ему не мешало. Сумма оказалась неожиданно большой: пятьсот двенадцать долларов! Половина — в купюрах двадцатидолларового достоинства. Эти-то купюры и привлекли его внимание. Майлс осмотрел их и так, и так, пощупал текстуру бумаги кончиками пальцев, подержал на свету. Затем взглянул на старика, мирно лежавшего в кровати. Тот спал мертвым сном. На цыпочках Майлс вышел из комнаты, прошел по коридору к себе и вернулся обратно с увеличительным стеклом, при помощи которого стал рассматривать двадцатидолларовые банкноты. Чутье его не подвело. Они были фальшивыми, хотя подделку обнаружил бы только эксперт. Теперь Майлс не сомневался, что эта первоклассная липа была сродни той, купленной им у охранника неделю назад.

Он стал рассуждать: деньги были фальшивыми. По всей видимости, и водительские права были тоже фальшивыми, причем наверняка сработаны на той же самой «малине», откуда в прошлый раз он получил от Жюля Ля Рокка подозрительный груз назначением в Луисвилль... Следовательно, кредитные карточки — тоже сфабрикованы! Скорей всего, теперь он был, наконец, близок к источнику фальшивых кредитных карточек, который так интересовал Ноллана Уэйнрайта. Возбуждению Майлса, казалось, не было границ, сердце его буквально выскакивало из грудной клетки. Нужно все срочно записать!.. Он сделал это на бумажной салфетке, списав весь реквизит с кредитных карточек и води-

тельских прав, то и дело поглядывая, спит ли старик. Майлс погасил свет, запер и отнес кошелек и кредитные карточки управляющему.

На следующее утро Майлс проснулся в шесть утра. Он встал, быстро помылся, побрился и оделся. Дэнни лежал в том положении, в котором заснул, тихо похрапывая. Майлс взял целлофановые мешки с одеждой, тщательно замкнул дверь и спустился вниз.

Через двадцать минут он вернулся с завтраком: крепкий кофе, яичница и гренки.

— Дэнни!— Майлс потрепал старика за плечо.— Дэнни, вставай!

Ответа не последовало. Майлс опять попытался разбудить старика, но тщетно. Он бился с ним еще четверть часа, пока, наконец, на него взглянули тусклые глаза. Старик осмотрел Майлса, затем вновь смежил веки.

— Сгинь,— пробормотал старик.— Сгинь, даже если я еще не в аду...

— Нет, нет, я не сатана, Дэнни,— сказал Майлс,— наоборот, я твой друг. Медведь-Тони и Омински велели мне позаботиться о тебе.

Старческие веки слегка приподнялись.

— Значит, эти сволочи все-таки отыскали меня, да? Так, понятно... Ловко они, черти...

Лицо его сморщилось от боли.

— О, господи,— простонал он.— Голова у меня раскалывается...

— Я принес тебе кофе.

Майлс помог старику сесть и подал кофе. Дэнни отпил глоток, сделал гримасу.

— Послушай, сынок, если хочешь, чтобы я пришел в себя, принеси мне чего-нибудь такого... Глоточек. Возьми у меня денег. Мои деньги...

Он пошарил вокруг себя трясущимися руками.

— С твоими деньгами все в порядке,— сказал Майлс.— Они в сейфе, я спрятал их там еще вчера вечером.

— Так я в «Двух семерках»?

— Ну да!..

— Сюда меня уже как-то привозили... О'кей. Значит, ты знаешь, что я кредитоспособен, сынок. Валяй, принеси-ка мне хоть глоток спиртного...

Майлс твердо сказал:

— Больше — ни капли! Сухой закон.

Глаза старика сверкали хитростью.

— Ну а, скажем, сорок долларов за бутылку, как ты на это посмотришь?

— Прости, Дэнни, я бы всей душой, но у меня приказ.— Майлс решил рискнуть и добавил:— Кроме того, если я попытаюсь реализовать твои двадцатки, меня арестуют!..

Казалось, в комнате прозвучал пистолетный выстрел: Дэнни подскочил, охваченный беспокойством и подозрением.

— Кто сказал, что...

Он замер, со стоном схватился за голову.

— Понимаешь, Дэнни, надо же было пересчитать твои деньги, вот я это и сделал...

Старик сказал едва слышно:

— Эти двадцатки хороши...

— Экстра-класс!— согласился Майлс. — Лучше из всего, что я видел. Будто прямо из монетного двора Соединенных Штатов!

Дэнни посмотрел на него с интересом, который боролся с подозрительностью.

— Ты что же, специалист, что ли?

— Видишь ли, до отсидки я работал в банке.

После долгого молчания старик спросил:

— За что сидел?

— За растрату. Сейчас на учете.

Дэнни заметно расслабился.

— Ну, тогда ты парень свой. Медведь-Тони плохих не держит...

— Это уж точно,— ухмыльнулся Майлс.— А теперь у меня задача довести тебя до такой кондиции, как твои купюры. Сейчас мы отправимся в парную.

— Э, э, не парная мне нужна! Мне бы хлебнуть! Совсем немножко, сынок...— Дэнни умолял.— Клянусь, на этом я и завяжу! Ну ведь ты не откажешь старому человеку в небольшом одолжении?..

— Сначала очухайся, приди в себя, а потом будет видно...

— Бессердечный ты, не сердце у тебя, а камень...— застонал старик.

Майлс застелил постель чистой простынью, и Дэнни, успокоившийся и послушный, пошел с ним в парную. Сразу же после парной он уснул ангельским сном.

На следующее утро, в среду, Майлс заставил старика повторить процедуру: парная, холодный душ, синий

свет, и, наконец, когда Дэнни пришел в себя, они сели играть в шахматы. У старика оказался очень острый ум и прекрасная сообразительность, так что поиграли они на славу. Всем своим видом Дэнни давал понять, что общество и внимание Майлса его устраивало. После обеда старику захотелось поболтать.

— Вчера,— сказал он,— этот тип, Ля Рокка, говорил, что ты много знаешь о деньгах. Расскажи и мне что-нибудь!

— Ну, если хочешь, изволь, расскажу...

— А как ты догадался, что двадцатки доморощенные?

— Вначале я не заметил, но под лупой видно: некоторые разводы на портрете не отработаны.

Дэнни кивнул головой:

— В том-то и разница между казенной гравировкой, которой занимается монетный двор, и фотоофсетной пластинкой, хотя, в общем-то, мастер-офсетчик высокой квалификации может сделать картинку, совсем близкую к оригиналу.

— В данном случае это ему удалось,— сказал Майлс.— Остальной реквизит купюры — совершенство!

На лице старика появилось подобие улыбки.

— А как тебе нравится бумага?

— Она-то и ввела меня в заблуждение! Обычно фальшивые от настоящих мизинцем можно отличить, а попробуй эти...

Дэнни сказал:

— Все думают, что трудно достать настоящую бумагу. Ничего подобного! Если как следует поискать, все можно найти.

— Кстати,— сказал Майлс,— у меня есть несколько книг о деньгах, в моей комнате. Одна мне кажется чрезвычайно интересной, она опубликована секретной службой США.

— «Знаешь ли ты свои деньги?»..

Майлс удивленно взглянул на старика, тот захихикал:

— Как же, как же! Это настольная книга фальшивомонетчика. В ней все указано, как отличить фальшивку... Хорошая книга! Перечислены все ошибки, допускавшиеся фальшивомонетчиками. Даже с иллюстрациями!

— Да,— сказал Майлс,— верно.

Дэнни продолжал трещать:

— И подумать только, власти рассылают книгу по

первому требованию. Пиши прямо в Вашингтон, и получишь ее почтой. Был такой фальшивомонетчик, настоящий зубр, по имени Майкл Ландрес, он тоже написал книгу. В ней он сказал, что «Знаешь ли ты свои деньги?»— настольная книга фальшивомонетчика, без нее не обойтись...

— И все-таки Ландрес попался,— заметил Майлс.

— Это потому, что он работал с дураками, у них не было организации. А ты вроде бы много знаешь об этом? А?

— Да нет, не так много...

Дэнни замолчал, взял настоящую купюру и сравнил ее с подделкой. Это явно доставило ему удовольствие. Он широко улыбнулся.

— А знаешь ли ты, сынок, что наши деньги легче всего подделывать? Видишь ли, в свое время они были сделаны с расчетом, что тогдашние гравировщики не смогут их воспроизводить имеющимися у них инструментами. Но ведь с тех пор появились машины и станки с огромными возможностями. В наше время, да с хорошим оборудованием, да с терпением, опытный гравер может сделать такую работу, что ни один эксперт в мире не подкопается!

— Я об этом слышал,— сказал Майлс.— А вот интересно, много есть таких умельцев?..

— Вот что я тебе, сынок, скажу,— Дэнни сиял от удовольствия, сев на своего любимого конька.— Никто точно не знает, сколько фальшивок печатается ежегодно и благополучно сбывается. Но сумма явно не малая. Правительство утверждает, что отпечатано тридцать миллионов долларов и примерно десятая их часть находится в постоянном обороте. Но это — официальные цифры, которые дает правительство, а они, как ты знаешь, либо серьезно завышаются, либо серьезно занижаются, в зависимости от ихней конъюнктуры. Так? В этом случае им выгодней занижать. Я думаю, что ходит примерно семьдесят миллионов, а может, и того больше...

— Не исключено и такое,— согласился Майлс, вспоминая, сколько фальшивых денег проскальзывало незамеченными.— Ходят слухи,— продолжал он,— что будут новые американские деньги, разноцветные. Для каждой купюры — свой колер, как в Канаде.

— Это не слух, это — факт!— заявил Дэнни.— Уже целая куча готовых разноцветных денег лежит в казна-

чействе... Вот тогда наступят тяжелые времена...— Он улыбнулся, как проказливый мальчишка.— Но ведь и старенькие долго еще будут ходить. Наравне. Я лично так думаю, что на мой век хватит...

Майлс не перебивал, внимательно слушал, а затем сказал:

— Ты мне задал много вопросов, и я на них ответил. Теперь позволь я тебя спрошу.

— Не уверен, что на все отвечу тебе, сынок, но валяй, попытайся...

— Кто ты и что ты?— спросил Майлс.

Старик думал, потирая подбородок большим пальцем и одновременно оценивающе глядя на Майлса. Стремление выговориться боролось в нем с осторожностью. Наконец он решился:

— Мне семьдесят три года,— сказал он,— и я мастер-печатник. Был печатником всю жизнь. Пожалуй, одним из лучших в Штатах. Это не ремесло, а искусство!— он показал на двадцатидолларовые банкноты, лежавшие на постели.— Это моя работа!

— А водительские права и кредитные карточки?— спросил Майлс.

— Ну, это не деньги делать,— презрительно сказал Дэнни. Это раз плюнуть!..

Нетерпение буквально душило Майлса, он ждал случая, чтобы передать Ноллану Уэйнрайту все, что узнал. Однако сделать это было невозможно. Незаметно покинуть клуб не удавалось, а рискнуть и связаться с Хуанитой по клубному телефону он долго не решался. Тем не менее, надо было что-то предпринимать... Позвонить Хуаните с телефона-автомата, что висел в коридоре? Он дождался полуночи, спустился к автомату и набрал номер Хуаниты. После первого же зуммера раздалось негромкое:

— Алло?..

Телефон, висевший на стене, находился неподалеку от бара, и Майлсу пришлось говорить шепотом, чтобы его не услышали:

— Ты знаешь, кто говорит, не называй моего имени...

— Да,— сказала Хуанита.— Хорошо.

— Передай нашему общему другу, что я обнаружил здесь кое-что очень важное. Вероятно, самое главное из того, что он хотел узнать. Больше я ничего не могу сейчас сказать, но завтра вечером приду сам...

— Ладно.

Майлс повесил трубку.

Одновременно в подвале клуба отключился спрятанный там магнитофон. Он включался и выключался, как только поднимали и опускали телефонную трубку...

Первым о трудностях «Сунатко» сообщило агентство «Ассошиэйтед пресс». Телеграмма была опубликована во всех вечерних газетах. На следующий день появились подробные сообщения, снабженные комментариями. Полной картины, впрочем, не было, и многие не могли поверить, что такая корпорация, как «Супранэйшнл», могла оказаться в серьезной беде.

Однако надежды были вскоре развеяны.

В десять утра нью-йоркская биржа сообщила, что операция с акциями «Супранэйшнл» временно производиться не будет. Это означало, что сектор, занимавшийся куплей-продажей акций «Сунатко», был запружен требованиями продавать и продавать их акции, в результате чего баланс торговли ценными бумагами был нарушен. Надвигалась буря...

Продажа акций «Сунатко» вновь началась в 11 часов утра. Было дано указание продать пятьдесят две тысячи акций. Но к этому времени их котировка упала с сорока восьми пунктов до девятнадцати, а к вечернему звонку — до десяти!.. Нью-йоркская биржа, по всей вероятности, задержала бы операцию по «Сунатко» и на следующий день, но на этот раз инициатива была вырвана из ее рук. Федеральная комиссия по ценным бумагам и биржам объявила, что начинает расследование дел «Супранэйшнл», и до его завершения любые расчеты и дела с «Сунатко» приостанавливались. Наступило томительное ожидание. Оно должно было длиться пятнадцать дней, в течение которых владельцы ценных бумаг и кредиторы «Сунатко», чьи интересы в этой компании составляли многие миллионы долларов, должны были беспомощно и безропотно ждать. Среди них, охваченных паникой, были и руководители Первого Коммерческого Американского банка...

Вопреки надеждам Вандервоорта и Паттертона, «Сунатко» не продержалась и нескольких месяцев.

Вандервоорт давно предсказывал, что как только заварится каша с «Супранэйшнл», пресса немедленно начнет атаку на Первый Американский. И предсказание это сбылось.

Репортеры, которые в недалеком прошлом были достаточно избалованы всевозможными пикантными расследованиями, в том числе и «Уотергейтским делом», погрузили свои персты в язвы корпорации «Супранэйшнл». Надо сказать, что им это удалось не без успеха. Буквально через пару дней корреспонденты получили из разных источников как вне «Супранэйшнл», так и внутри ее, кучу материалов и о фирме и о самом Дж. Дж. Квотермейне. Выплыл на свет божий и пятидесятимиллионный заем, выданный Первым Коммерческим.

Когда было официально сообщено о том, что ПКА тесно связан с «Супранэйшнл». Дик Френч потребовал, чтобы его немедленно инструктировали на высшем уровне. На инструктаже присутствовали Джером Паттертон, Роско Хейворд, Алекс Вандервоорт и сам Дик Френч, который мрачно сидел со своей традиционной огромной незажженной сигарой.

— Через час, а может быть, и раньше,— сказал вице-президент по связям с прессой и общественностью,— на меня спустят всех собак. Корреспонденты будут забрасывать меня вопросами о наших отношениях с «Сунатко». Я хочу получить от вас авторитетное заявление для печати и ответы, которые я должен буду им давать.

— А что, мы еще обязаны и отвечать?— спросил Паттертон.

— Нет,— сказал Френч,— так же, как никто не обязан делать себе харакири!

— Почему же, в таком случае, действительно не признать, что «Супранэйшнл» у нас в долгу, — сказал Роско Хейворд — и на этом — баста?

— Потому что в нас вцепятся не простачки, вот почему! Потому что вопросы будут нам задавать самые опытные финансовые репортеры, которые великолепно знают банковское дело и банковские законы. Потому что их второй вопрос будет: каким это образом наш банк вложил так много денег в дела одного заемщика?

— Не одного — возмутился Хейворд.— Наши ссуды были распределены между пятью подразделениями «Супранэйшнл».

— Хотел бы я посмотреть,— сказал Френч,— как нам поверят...

Он вынул сигару изо рта и положил перед собой блокнот.

Они состряпали сообща заявление, не отрицавшее, что Первый Коммерческий находится в финансовой связи с «Супранэйшнл», и в то же время выражающее озабоченность и надежду на то, что пострадавший гигант, возможно, сможет оправиться при смене правления. ПКА окажет ему всемерную поддержку...

Дика Френча заверили, что он имеет право варьировать ответы на вопросы по своему усмотрению. Ему также гарантировали, что он будет единственным представителем банка с правом голоса в прессе.

Френч, однако, предупредил:

— Пресса будет пытаться найти каждого из вас по отдельности. Если вы хотите, чтобы мы не проврались, всех, кто бы вам ни звонил, направляйте ко мне, и не забудьте предупредить ваших сотрудников.

Завершая совещание по разработке срочных мер спасения банка, Алекс сказал:

— На сегодня это, увы, все. Встретимся завтра в то же самое время.

Но встретиться им больше не пришлось. На следующее утро управляющий отделением Первого Американского в городе Тайлерсвилле позвонил в Главный корпус и потребовал, чтобы его немедленно соединили с Вандервоортом.

— В чем дело?— спросил Алекс.

— Нашествие!— сказал управляющий Гаттвин.— Более ста наших постоянных клиентов выстроились с чековыми книжками, и многие, наверняка, на подходе. Все хотят забрать вклады до цента и закрыть свои счета.

— Фергюс,— сказал Алекс,— ты и весь твой штат должны делать вид, будто ничего серьезного не произошло. Платите и не задавайте никаких вопросов, независимо ни от чего! И не бегайте с перекошенными лицами. Улыбайтесь!

— Легко сказать!.. Хотя мы и пытаемся...

— Советую не просто пытаться. Сейчас будущее банка в ваших руках!

— Слушаю, сэр.

— А мы постараемся помочь вам и как можно быстрее. Как у вас с наличными?

— У нас около ста пятидесяти тысяч,— сказал уп-

равляющий.— При таком темпе, как сейчас, мы продержимся не более часа...

— Наличные мы вам пришлем. Тем временем разложите все имеющиеся деньги на столах сотрудников, да так, чтобы их видели все, и выйдите к посетителям. Разговаривайте с ними, заверяйте их, что банк находится в исключительно благоприятном положении, несмотря на все газетные басни. Скажите им, что свои деньги они могут получить в любой момент...

Алекс повесил трубку. По другому телефону он немедленно связался со Строэном.

— Том,— сказал Алекс,— нарыв лопнул в Тайлерсвилле. Отделение нуждается в наличных, и к тому же экстренно. Приведите в действие план чрезвычайных мер номер один!..

●

Бобина с пленкой, на которой был записан разговор из телефона-автомата клуба «Две семерки», лежала на полке уже неделю.

Вонг-Чудотворец покушался на нее несколько раз. Ему не хотелось стирать ее, и вместе с тем не очень-то он торопился продать полученную информацию. Нынче с записью телефонных разговоров было сложно, даже опасно. Еще опасней было передавать запись посторонним лицам. И, тем не менее, Чудотворец знал, что Марино с наслаждением выслушал бы эту часть пленки и за предоставленную ему привилегию недурно бы заплатил. «Медведя»-Тони в отсутствии щедрости обвинить было нельзя, особенно если оказанная услуга была значительной. Именно поэтому Вонг-Чудотворец оказывал ему кое-какие услуги.

Марино был профессиональным бандюгой. Вонг — нет.

Чудотворец (его подлинное имя Уэйн), смышленый молодой американец китайского происхождения, был специалистом по электронным подслушивающим устройствам. Особый талант в этой области снискал ему отличную репутацию.

Список клиентов, пользовавшихся его услугами, был велик, и среди них были не только бизнесмены, но и более тонкие фрукты. Все они хотели, чтобы Вонг проверял их жилища, дома, конторы и телефоны: а вдруг

у них установлены подслушивающие устройства? С удивительной легкостью Вонг находил хитроумнейшие микрофоны, и это очень впечатляло клиентуру и развязывало кошельки. Несмотря ни на какие официальные заверения и клятвы, выданные подчас даже на президентском уровне, подслушивание и запись разговоров в Соединенных Штатах по-прежнему цвели буйным, махровым цветом...

Главы промышленных фирм тоже нередко прибегали к помощи Вонга. Банкиры, издатели, кандидаты в президенты, крупные адвокаты, два или три иностранных посольства, кучка сенаторов, три губернатора и даже один из членов Верховного Суда! Не говоря уже о мафии: сам Дон, советники его и многие рангом пониже, среди которых был Тони Марино.

Своим криминальным клиентам Вонг-Чудотворец ставил железное условие: он не хотел принимать никакого участия в их делах. Он и так неплохо зарабатывал почти в рамках закона. Однако Вонг не видел смысла отказывать в услугах, поскольку само по себе помещение подслушивающего устройства куда-либо ничем особенно страшным не грозило. И надо сказать, так называемый организованный преступный мир частенько прибегал к помощи Чудотворца, особенно если Вонгу попадалась интересная информация. За нее недурно платили. Порой он продавал сведения, поддаваясь самому простому и самому древнему из искусов — жадности.

Сейчас он был терзаем соблазном.

Неделю назад Вонг-Чудотворец проверял телефонную сеть в царстве Марино с целью обнаружения «клопов»— подслушивающих устройств. В эту сеть был включен и клуб «Две семерки», вызывавший особое беспокойство Тони. Обследование показало, что все было чисто, но Вонг-Чудотворец взял да и подключил магнитофон к общественному автомату, висевшему в коридоре клуба. Он проделывал это частенько и в других местах, отчасти для забавы, а отчасти считая, что из-за услуг, которые Вонг оказывал в области технической экспертизы, он имел право узнать, что говорят в учреждении, где он занимался своим делом. В подвале «Двух семерок» Чудотворец оставил на двое суток включенный магнитофон, который автоматически срабатывал при манипуляциях с трубкой.

Конечно, это было незаконно, и Чудотворец это понимал, но с другой стороны это никого не касалось,

поскольку знал об этом он один. Однако когда он прослушал пленку, один из разговоров его заинтриговал.

И вот сейчас, сидя в своей лаборатории звукозаписи, он опять взял пленку и прокрутил эту часть записи еще раз.

...Вот опускается монета, набирается номер: звук набора слышен на пленке. Зуммер, только один зуммер, после чего женский голос говорит:— Алло?

Мужской голос (шепотом):— Ты знаешь, кто говорит, не называй моего имени...

Женский голос:— Да... Хорошо.

Первый голос (по-прежнему шепотом):— Передай нашему общему другу, что я обнаружил здесь кое-что очень важное. Вероятно, самое главное из того, что он хотел узнать. Больше я ничего не могу сейчас сказать, но завтра вечером приду к тебе сам.

Женский голос:— Ладно...

Щелчок. Мужчина, звонивший из «Двух семерок», повесил трубку.

Вонг-Чудотворец был уверен, что «Медведь»-Тони заинтересуется этим разговором. Чутье его почти никогда не подводило и, как правило, отлично окупалось. Решившись, он нашел записную книжку, номер телефона и набрал его. Как выяснилось, «Медведь»-Тони мог повидаться с ним только в понедельник после обеда. Чудотворец договорился с ним о месте встречи и попытался выудить что-нибудь большее из таинственного разговора. Он перемотал пленку и проиграл ее несколько раз подряд...

●

— Святой Иуда!— прохрипел «Медведь»-Тони. Его грубое лицо исказилось от ненависти, не соответствующий внешности фальцет поднялся до визгливых тонов.— У тебя эта пленка валялась столько времени, а ты сидел и молчал! Целую неделю!

Вонг-Чудотворец смущенно сказал:

— Я технарь, мистер Марино. Мало ли что я слышу! Ведь это не мое дело... А потом я подумал и решил, что это для вас может быть важно...

Он чувствовал облегчение: по крайней мере, Тони не

возмущался тем обстоятельством, что Вонг посадил «клопа» в клубе.

— В следующий раз,— прорычал Марино,— шевели мозгами живей!

Был понедельник. Они сидели в гараже грузовых машин, где у Марино была небольшая конторка. На столе перед ними стоял портативный магнитофон. Прежде чем прийти сюда, Вонг перезаписал часть пленки с разговором на другую кассету, а остальное стер.

Тони Марино в рубашке с короткими рукавами и волосатыми ручищами казался ему сегодня как-то особенно по-звериному страшным.

Вонг сказал:

— Но я не тратил время напрасно, кое-что удалось узнать.

— Ну?

— Я могу узнать номер таинственного абонента. Используя секундомер, я определил продолжительность проворотов диска, и, перезаписав все на пленке...

— К черту технику! Давай номер!

— Вот он.

Вонг передал Тони записку.

— Ты узнал, чей это номер?

— Я должен сказать, что узнать это не так-то просто. Этот номер не значится в справочнике. К счастью, у меня есть кое-какие контакты в телефонной компании...

«Медведь»-Тони взорвался. Он хлопнул кулачищем по столу:

— Кончай эти игры, ублюдок! Если знаешь, выкладывай!

— Я вам хочу пояснить,— воскликнул Чудотворец, неожиданно вспотев от страха.— Эти сведения дорого стоят. Мне же пришлось заплатить знакомому из телефонной компании...

— Не прибедняйся, ты заплатил ему заведомо меньше, чем выжмешь из меня. Говори!

Чудотворец малость успокоился, понимая, что Тони хорошо заплатит.

— ...Телефон принадлежит некоей миссис Нуньес,— рассказал Вонг.— Она живет в «Форум Исте». Вот номер дома и квартиры.

Вонг дал гангстеру еще один листок бумаги. Марино взглянул на него и отложил в сторону.

— И еще у меня есть кое-что интересненькое. Из

документов явствует, что телефон был установлен месяц назад, вне очереди, в срочном порядке. Обычно для получения телефона в «Форум Исте» надо год целый ждать, а этот установили мгновенно, хотя Нуньес и в списках не значилась...

Марино побагровел от нетерпения. Вонг поспешил закончить:

— Судя по всему, было оказано давление на компанию. Мой знакомый сказал, что есть записка в документах телефонной компании, свидетельствующая о том, что вмешался какой-то Ноллан Уэйнрайт, который возглавляет систему безопасности Первого Коммерческого банка. Он заявил, что телефон нужен срочно, для служебного пользования. Оплата идет за счет банка...

«Медведь»-Тони выглядел ошарашенным, но длилось это какие-то мгновения. Он взял себя в руки и лицо его стало безразличным. Правда, под этой маской угадывалось, что мозг Тони работал с бешеным напряжением, сопоставляя полученные данные с тем, что он уже знал прежде. Имя Уэйнрайта сказало ему о многом. Марино вспомнил о попытке, сделанной полгода назад, подсунуть ему парня по имени Вик, которого они ухлопали. Перед смертью Вик раскололся. Марино знал, что главный банковский детектив снискал себе отличную репутацию как следователь...

Неужели и сейчас у них работает «наседка»? Если так, то «Медведь»-Тони имел четкое представление о том, что она искала и какого рода деятельность вынюхивала в «Двух семерках». Марино решил не тратить времени на догадки. Мужской голос, записанный на пленке, был неясен, это был шепот и определить его хозяина было невозможно, зато обладательницу женского голоса они установили с точностью. Поэтому вырисовывалась задача номер один: немедленно найти эту Нуньес и взять в оборот. Он не сомневался, что эта женщина будет сотрудничать с ним. А уж если она окажется дурой, то было много средств сделать ее посговорчивей...

Марино щедро заплатил Вонгу и остался в конторке, глубоко задумавшись. Это была его традиционная тактика — не спешить. Семь раз отмерить, прежде чем принять решение. Но сколько бесценного времени было потеряно! Целая неделя!..

Тем же вечером он вызвал двух своих телохранителей, дал им адрес в «Форум Исте» и сказал:

— Взять эту потаскуху Нуньес. Доставить ко мне!

Секретарша появилась в дверях его кабинета как раз в тот момент, когда он устраивал разгон начальнику службы безопасности банка... Дело было в том, что в понедельник сотрудница банка Хуанита Нуньес обратилась к Марго с просьбой посоветовать, как ей быть. Служба безопасности вот уже месяц, в соответствии с договоренностью, использует ее в операции, ведущейся Майлсом Истином. Хуанита была искренне обеспокоена опасностью, которая грозила не столько ей, сколько ее дочери Эстелле.

Алекс сказал секретарше:

— Чуть позже, пожалуйста!..

Секретарша отрицательно покачала головой:

— Мистер Вандервоорт, звонит мисс Бреккен. Она сказала, что это жизненно важно и что вы не будете сердиться, когда узнаете, о чем идет речь.

Алекс тяжело вздохнул и поднял трубку:

— Да, Бреккен?

— Алекс! — встревоженно сказала Марго. — Я насчет Хуаниты Нуньес.

— Что с ней?

— Она исчезла!

— Подожди минуту.— Алекс нажал кнопку устройства, которое перевело телефонный разговор на динамик, чтобы Ноллан мог слышать.— Продолжай!

— Я ужасно обеспокоена. Когда я рассталась с Хуанитой прошлым вечером, я договорилась с ней, что мы созвонимся сегодня, в рабочее время. Она была такая расстроенная. Я надеялась, что как-то смогу подбодрить ее...

— Ну и что же?..

— Алекс, она сегодня не пришла на работу. Ты это понимаешь?

— Может быть, она просто дома...

— Послушай меня. Я звоню из «Форум Ист». Я отправилась сюда, узнав, что она не явилась нынче в банк и к телефону она не подходила. Я пошла к ней домой. Соседи сказали, что видели, как она ушла из квартиры рано утром с дочкой Эстеллой. Я узнала номер детского сада и позвонила туда. Эстеллы там тоже нет... Ни она, ни мать сегодня утром туда не приходили!

Наступила долгая пауза. Марго спросила:

— Ты меня слушаешь, Алекс?

— Да, я слушаю.

— Потом я позвонила еще раз в банк и разговаривала с Эдвиной. Она категорически утверждает, что Хуаниты не было на работе и что она не звонила. Это так не похоже на нее... Вот почему я волнуюсь. Я убеждена, произошло что-то ужасное.

— Имеешь ли ты хоть какое-либо представление о том, что могло произойти?

— Да! — проговорила Марго.— Боюсь, что ты думаешь о том же...

— Погоди,— сказал он ей,— здесь Ноллан. Я с ним поговорю.

Уэйнрайт сидел, ссутулившись, внимательно слушал. Быстро выпрямившись, он сказал:

— Нуньес взяли. Нет никакого сомнения.

— Кто?

— Кто-то из «Двух семерок». По всей вероятности, сейчас они примутся за Истина.

— Вы думаете, что они отвезли ее в клуб?

— Нет, туда они ее ни за что не повезут. Она где-нибудь в другом месте...

— Но где? Где?

— Не знаю. Это ужасно, но я не знаю.

— А как вы думаете, ребенок — там?

— Боюсь, что да.— В глазах Уэйнрайта была мольба.— Простите меня, Алекс.— Если можете, простите...

— Вы нас в это дело втравили,— жестко сказал Алекс,— и теперь, ради всего святого, спасайте Хуаниту и ее ребенка!

Уэйрайт долго напряженно думал, затем сказал:

— Прежде всего, если есть хоть какой-нибудь шанс, нужно предупредить Истина. Если мы спасем его, то, возможно, он знает, где искать Нуньес...

Он вынул маленькую записную книжку, подошел к телефону и набрал номер.

Все произошло с такой быстротой и так неожиданно, что только когда захлопнулась дверь большого черного лимузина и он уже отъехал, она догадалась закричать. Хуанита знала, что звать на помощь было уже поздно, и все-таки кричала: «Помогите! Помогите!», пока чей-то кулак не обрушился на ее голову, а затем перчатка за-

ткнула ей рот. Слыша крики Эстеллы, Хуанита продолжала бороться, ее снова ударили по голове и все в глазах потемнело. Она провалилась в глубокую черную яму...

Придя в себя, она услышала, как кто-то спросил:

— На кой черт вы прихватили девчонку?

— Надо было! Не возьми мы ее с собой, она бы подняла такой хипёж, что сбежались бы все легавые. А так мы смогли уехать спокойно и без всякого шума.

Хуанита пошевелилась. Острая боль пронзила голову от лба, куда ее ударили, до затылка. Она застонала.

— Послушай, ты, стерва,— проговорил третий голос, — будешь шуметь, получишь еще! И не вздумай трепыхаться, стекла в машине такие, что нас не видно...

Эстелла тоже лежала рядом с сиденьем. Девочка задыхалась от всхлипываний. Хуанита придвинулась к ней и обняла, чтобы хоть чуточку успокоить.

— Тише, маленькая, не бойся, я с тобой...

— Заткнись! — проревело над головой.

Затем раздался еще чей-то голос, принадлежавший, как ей показалось, водителю:

— Да заткните ей рот!...

Когда машина остановилась, кто-то сказал:

— Вставай и иди, да поживей!

С завязанными глазами и заткнутым ртом она пошла, стараясь схватить Эстеллу за руку.

— Снимите с нее повязку и выньте перчатку изо рта...

Ее ввели в темную комнату, где один из телохранителей «Медведя»-Тони, Анджело, который руководил операцией, посадил Хуаниту на стул. В прошлом Анджело был профессиональным боксером, а с течением времени стал похож на жирного носорога.

— Ты у нас в гостях, дорогая. Валяй, рассказывай...

Хуанита тщетно пыталась разыскать глазами Эстеллу в полумраке комнаты. Она повернулась к Анджело и спросила:

— Что вы от меня хотите?

— Как имя того гада, который звонил тебе из «Двух семерок»?

Она сейчас же поняла, что случилось, и это не ускользнуло от острого взгляда «Медведя»-Тони.

— Ты — ублюдок, животное! — Хуанита плюнула в лицо Анджело.— Я не знаю никаких «семерок»...

Анджело молча ударил ее, и кровь потекла у нее из носа и изо рта. Голова Хуаниты упала на грудь. Боксер схватил Хуаниту за волосы и, повернув лицом к себе, спросил:

— Как зовут парня, который звонил тебе из «Двух семерок»?

«У этой стервы сильная воля»,— подумал «Медведь»-Тони.

Он оглядел комнату, обставленную бутафорской мебелью. Эту хитроумную штуку придумал Дэнни. Дело заключалось в том, что им время от времени приходилось менять мастерскую, в которой они занимались изготовлением фальшивых денег и кредитных карточек. Открыто перевозить оборудование было опасно. В то же время, если его встроить в муляжи, изображавшие мебель, все значительно упрощалось. Дэнни вообще много кое-что придумал, но, видимо, скоро придет пора расстаться с ним, слишком тот много знал. Сам-то старик искренне надеялся, что сумеет «рвануть когти» в Швейцарию, где у него лежали кое-какие сбережения, и прожить последние годы своей жизни, наслаждаясь покоем... Внимание «Медведя»-Тони было привлечено передвижением Анджело по комнате. Он только что раскурил сигару от зажигалки. Его толстые губы кривились в уродливой улыбке. Он подошел к Эстелле и склонился над ней, схватив ее ручонку своей волосатой огромной рукой.

— Ну, так кто же тебе звонил? — сказал Анджело, глядя на Хуаниту.— Очень советую тебе признаться, да побыстрей!

Он медленно, не спеша, прижал тлеющую сигару к ладони Эстеллы, будто гасил окурок в пепельнице. Эстелла дико закричала. Хуанита забилась от ужаса. Теряя рассудок, она пыталась высвободиться из пут, которые связывали ее по рукам и ногам...

Анджело вновь раскурил сигару докрасна и приблизил ее ко второй ручонке Эстеллы.

Хуанита закричала:

— Нет, нет, не надо! Я расскажу...

Анджело держал сигару у самой ладони, и Хуанита одним духом выпалила:

— Человек, которого вы ищете,— Майлс Истин.

— На кого он работает?

Отчаянный шепот вырывался из ее рта помимо воли:

— Первый коммерческий банк...

Анджело бросил сигару на пол и придавил ее каблуком, вопросительно глядя на Тони Марино. Лицо Марино было непроницаемым, он тихо сказал:

— Взять! Взять этого ублюдка и доставить сюда ко мне...

— Майлси,— голос управляющего клубом звучал чрезвычайно ехидно,— передай своему другу, кто бы он ни был, что телефоны здесь существуют не для сотрудников, а для членов клуба!

— Какому другу? — мышцы Майлса напряглись.

— Откуда я знаю! Какой-то тип звонит тебе с утра, вот уже четвертый раз. Не называется, ничего не передает. А где, кстати, книга депозитов?..

Майлс протянул книгу управляющему, напряженно думая: кто бы это мог звонить ему?

— Только что привезли консервы,— продолжал управляющий,— пойди, пожалуйста, в склад и сосчитай банки...

— Конечно, Нат. Иду. И извини, пожалуйста, за звонки, хотя я и не знаю, кто мог звонить...

Управляющий, не слушая, ушел в свою конторку на третьем этаже. Майлсу было немного его жалко. Он знал, что Марино и Омински, совместно владевшие клубом, третировали Ната и подсмеивались над ним. По дороге на склад, который находился в дальнем конце здания, Майлс только и думал о странных телефонных звонках: кто мог ему звонить? И к тому же назойливо? Насколько он понимал, могли звонить только трое. Офицер полиции? Этот звонить не станет. Хуанита? Едва ли. Ноллан Уэйнрайт? Вообще исключено! Разве что опасность была настолько велика, что нужно было выдать звонок в виде предупреждения... Но какая именно опасность? Неужели он «прокололся» и стало известно, что Майлс — шпион? Ледяной страх охватил его всего...

Когда он подошел к складу, руки его дрожали. С большим трудом Майлс вставил ключ в замок, повернул его и толкнул дверь, но тут же решил закрыть ее и пойти к ближайшему телефону-автомату, к тому, из которого он звонил Хуаните неделю назад. И вдруг он услышал какую-то возню и голоса в холле клуба, на другом конце коридора. Очевидно, несколько человек

вбежали в холл и очень спешили. Майлс проскользнул в кладовку, с глаз долой. Он услышал неясное бормотание, затем резкий голос выделился из всех прочих:

— Где этот подонок Истин?

Майлс узнал голос Анджело, одного из телохранителей Тони Марино.

— Наверное, у себя в конторе,— отвечал Жюль Ля Рокка.— А что?

— «Медведь»-Тони ищет его!

Все стало ясно: у него оставался единственный шанс на спасение — бежать. Он захлопнул дверь кладовой и закрыл ее на ключ, рассчитывая на то, что они потеряют несколько драгоценных минут, ломая дверь, если подумают, что он там прячется. Затем Майлс бежал через черный ход, но остановился, чтобы закрыть за собой дверь. Не было смысла подсказывать им, как он вышел из здания...

Когда он добежал до железнодорожного моста, то подумал, что находится в безопасности. Впереди были городские улицы. И тут он услышал топот бегущих ног, и кто-то крикнул:

— Вон он, сукин сын! Хватай его!

Майлс побежал быстрее. Теперь бежать по асфальту было легче. Он резко повернул направо, потом налево, потом еще раз направо, но все время слышал за собой шум погони.

Он еще раз свернул в какую-то улицу, надеясь, что выбежит куда-то, где есть какой-нибудь транспорт. Автобус, а еще лучше такси. Но ничего не было! Когда нужно, такси никогда не бывает поблизости. Или вот полицейские... Улицы, по которым он бежал, были почти пустынны. Редкие прохожие оглядывались на бегущего Майлса с удивлением и тревогой, но он знал, что жители этих районов предпочитали не вмешиваться не в свои дела.

Неожиданно он увидел в конце улицы, возле перекрестка, длинный черный «кадиллак» с дымчатыми окнами. Это была машина Тони Марино...

Наконец показался первый магазин. Забежав в него, Майлс увидел, что это был магазин спортивного инвентаря.

— Добрый день,— ответил продавец,— чем могу быть полезен?

Майлс выпалил первое, что пришло в голову:

— Я хотел бы посмотреть вот эти шары для кегельбана...

— Конечно, сэр, пожалуйста, сэр! В какую цену и какого веса?

— Самые лучшие! Фунтов на десять.

— Цвет?

— Неважно!

Майлс искоса глядел в сторону окна. Мимо магазина прошло несколько прохожих, никто из них не остановился и не заглянул внутрь.

Взглянув на окно еще раз, Майлс с ужасом заметил силуэт, застывший на тротуаре перед магазином. Через секунду появилась вторая фигура и присоединилась к первой... Они стояли как вкопанные, не спуская глаз с окон магазина. Майлс решил попытать счастье и выбежать через заднюю дверь, но тут же понял, что во второй раз это ему не удастся. Свою оплошность бандиты теперь наверняка учли...

— Вот прекрасный шар! Сорок два доллара...

— Беру,— сказал Майлс.

— Но надо попробовать, придется ли он вам по руке...

— Неважно, давайте, давайте быстрей!

Может быть, попытаться позвонить Уэйнрайту? Впрочем, Майлс не сомневался, что стоило подойти к телефону, как они моментально ворвутся в магазин.

— Как хотите, сэр. Завернуть? Кстати, может быть, кеды для боулинга?..

— Да,— сказал Майлс,— да, конечно... Сорок второй размер...

Все это поможет оттянуть время от неизбежного ухода из магазина. Но что делать дальше? И тут он вспомнил кредитную карточку, которую ему передал Ноллан через Хуаниту! Та самая, на которой написано «П. О. Моги»!

Он кивнул на шар и кеды:

— Сколько?

Продавец, посчитавший в уме, сказал:

— Восемьдесят шесть долларов плюс налог.

— Послушайте,— сказал Майлс.— Я хотел бы уплатить по кредитной карточке...

Он открыл кошелек и вытащил заветную карточку, изо всех сил стараясь, чтобы руки его не дрожали.

— Вот, пожалуйста. Я знаю, вам нужно подтверждение банка. Пожалуйста, позвоните им!

— Конечно, конечно, мистер Моги,— сказал продавец, прочитав фамилию на карточке.

Через несколько минут он вышел и сказал:

— Все в порядке, мистер Моги, вот ваши покупки!

Майлс лихорадочно думал о том, что происходит в банке в это время. Он вспомнил второе указание: передав кредитную карточку, нужно как можно дольше тянуть время. Это даст возможность Ноллану быстрей приступить к действиям.

— Распишитесь здесь, мистер Моги!

Майлс поставил свою подпись и почувствовал легкое прикосновение чьей-то руки к плечу:

— Майлси!

Обернувшись, он увидел перед собой Жюля.

— Не суетись,— сказал тот.— Тебе это не поможет, наоборот, навредишь себе сильней!

Позади Ля Рокка стояли Анджело и Лу, еще один «носорог», которого Майлс раньше ни разу не видел. Они окружили его, прижали руки к бокам.

— А теперь — двигайся! — приказал Анджело очень тихим голосом.

Потрясенный продавец побежал за ними следом:

— Мистер Моги! Вы забыли ваш шар для кегельбана!

Повернувшись к нему, Жюль нежно сказал:

— Оставь его себе, малыш! Твоему покупателю даже его «шар» на плечах больше не понадобится...

Черный «кадиллак» стоял в нескольких метрах от дверей магазина. Бандиты впихнули Майлса в машину и сходу рванули на третьей скорости...

Работа в контрольном центре по кредитным карточкам была в разгаре. Обычная смена — пятьдесят операторов — дежурила в большом зале. У каждого оператора была машинка с катодной лампой типа телевизионной. Один молодой оператор только что получил сигнал, сообщавший, что некто П. О. Моги предъявил кредитную карточку для оплаты в магазине. Для данного оператора это был один из тысячи банальных сигналов, которые поступали в течение дня. Все они были совершенно обезличенными. Никто из операторов не знал, откуда поступали сведения. Они не знали ни города, ни штата. Кре-

дитная карточка, представленная в каком-либо торговом центре Нью-Йорка, могла послужить домашней хозяйке для оплаты счета в бакалейном отделе. Она могла предоставить возможность канзасскому фермеру купить сапоги. С ее помощью можно было перечислить деньги сыну-студенту в Принстонский колледж или позволить кливлендскому алкоголику приобрести себе убийцу — ящик виски, который в конце концов доконает его. Но оператор никогда не знал подробностей. Если позже в этом возникала необходимость, то подробные сведения о покупке можно было получить, хотя это почти никогда не делалось, никому до этого не было дела. Главное заключалось в деньгах. Деньги, деньги, деньги, которые переходили из рук в руки, больше ничего не играло роли...

Сигнал поступил на консоль оператора, тот нажал кнопку и проговорил в микрофон:

— Ваш торговый номер, пожалуйста!

Торговец спортивным инвентарем, который обслуживал Майлса Истина, назвал номер, а оператор напечатал его на машинке. Одновременно номер появился на катодном экране.

— Номер карточки и срок годности? — спросил оператор.

Еще один ответ... Машинный перестук, и снова цифры на экране...

— Сумма, на которую делалась покупка?

— Девяносто долларов сорок три цента.

Напечатано. Экран. Включение в систему электронно-вычислительных машин, стоявших двумя этажами выше... За какую-то долю секунды компьютер принял информацию, прошелся по картотеке и дал ответ: «Одобряю...»

Но что это? — Дальше следовало:

Регистрационный номер 7416984
Срочно! Тревога!
Не сообщать продавцу!
Срочно доложить вашему старшему!
Немедленно осуществить инструкцию по тревоге № 17...

— Покупку считать одобренной,— сказал оператор продавцу.— Запишите. Регистрационный номер...

Теперь он говорил медленней, чем обычно, нажав кнопку сигнала, вызывавшего старшего дежурного по

залу. И сразу же на консоли дежурного появилась дубликация изображения, бывшего на экране у оператора. Старший внимательно прочитал и мгновенно протянул руку к индексу картотеки в поисках инструкции по тревоге № 17.

За это время оператор, преднамеренно спотыкаясь и путая, называл номер регистрационной карточки, затем извинился и начал перечислять цифры сначала...

Сигнал тревоги не часто появлялся на экранах, но когда это случалось, вступала в действие стандартная схема, которую знал каждый оператор. Главное было тянуть время, замедлить ответ продавцу. В прошлом не раз были пойманы убийцы таким образом; был спасен человек, которого хотели похитить; сохранены ценности искусства и так далее. А все потому, что компьютер бил тревогу. И становилось это возможным благодаря кредитной карточке, составленной определенным образом. Как только такая карточка предъявлялась в любом месте, необходимые операции начинались сразу же. Пока все приводилось в движение, оператор должен был выиграть хотя бы несколько секунд, ибо каждая секунда была на вес золота...

Старший дежурный немедленно приступил к исполнению инструкции № 17. Первым делом он поставил Н. Уэйнрайта, вице-президента банка по безопасности, в известность о том, что предъявлена карточка на имя П. О. Моги. Нажав несколько клавишей на своей машинке, он получил из компьютера дополнительные сведения: спортивный магазин Питса и адрес улицы. Уэйнрайт, лично отозвавшийся на звонок, сразу же записал номер телефона и адрес. Секундой позже для старшего дежурного оператора и компьютера все закончилось. Для Ноллана Уэйнрайта все только начиналось. До этого он уже переговорил с сотрудниками ФБР, и теперь они активно разыскивали очевидно похищенную Нуньес и ее ребенка по всему городу. Получив адрес магазина, Ноллан опять позвонил в ФБР, и агенты уже мчались к этому месту. Сам Уэйнрайт выбежал на улицу к своей машине. Когда он подъехал к магазину спортивного инвентаря, агент Инес уже опрашивал всех, кто мог видеть похищение Истина.

— Бесполезно,— пробормотал он Уэйнрайту.— Все кончилось до нашего приезда...

Уэйнрайт кивнул в сторону продавца:

— Дал описание?

Сотрудник ФБР покачал головой:

— Парень так сдрейфил, что не может припомнить ни одной физиономии, ни одной приметы...

Лицо Уэйнрайта вытянулось:

— Что дальше?

— Ты же сам был полицейским,— ответил сотрудник ФБР,— и сам знаешь, как все это бывает по правде, а не понарошке... Ждешь и надеешься, что кто-нибудь вляпается!

До нее донеслась какая-то возня, затем послышались голоса. Она догадалась, что они схватили Майлса и привезли его сюда. Звуки шли откуда-то сзади. По всей вероятности, это происходило в соседней комнате, и она поняла, что между комнатами была неплотно закрытая дверь. Она услышала крик Майлса, затем удар, хрип, снова удар... И тишина. Прошло немного времени, и она вновь услышала голос Майлса, на этот раз более различимый:

— Нет! О, боже, нет, нет... Я прошу вас, не надо!..

Ей послышались удары молотка, будто по наковальне. Голос Майлса превратился в нечленораздельный вопль. Его крик становился все страшнее, страшнее и, казалось, ему не было конца...

Если бы Майлс мог покончить жизнь самоубийством в машине, он бы это сделал не раздумывая. Он знал, что теперь настало именно то ужасное, чего он больше всего боялся... Над ним стоял Марино. Обращаясь к Анджело, он сказал:

— Он почему-то недостаточно громко верещит. Видимо, мало, что мы ему прибили руки гвоздями к столу... Я думаю, ему хочется, чтобы и каждый пальчик в отдельности тоже прибили!..

«Медведь»-Тони, попыхивая сигарой, наблюдал за происходящим. После того как первый гвоздь был вбит в палец Майлса, он сказал:

— Ну вот, теперь ты вроде бы запел... Сбавь темп, Анджело! А ты пой как следует, мистер Истин. Пора раскалываться вчистую. Эй, не держите его, ведь он и так прибит, никуда не денется...

Майлс застонал.

— О'кей,— молвил Тони.— Вроде бы ты и поговорить

с нами не хочешь. Что ж, пожалуй, продолжим наши игры...

— Нет, нет! Я расскажу! Я все...— прошептал Майлс. Кричать он был уже просто не в состоянии.

Тони жестом приказал Анджело отойти. В комнате были также Лу, Ля Рокка, который сам сильно нервничал,— Майлс ведь был его протеже,— и Дэнни Каррагэн. Тот самый старик Дэнни... Обычно он в такие дела не совался, но на этот раз «Медведь»-Тони распорядился привести его сюда...

— Итак, все это время ты был у нас «наседкой», работая на свой вонючий банк?

Майлс выдохнул:

— Да...

— Первый коммерческий?

— Да.

— Кому докладывал?

— Уэйнрайту.

— И много ты узнал? Что именно ты ему рассказал?

— О клубе... Об играх... Кто посещал клуб...

— И про меня тоже сказал?

— Да!

— Сукин сын! — Тони изо всех сил ударил его по лицу.— Ну, а что ты узнал с точностью, ты, дерьмо?

— Ничего, ничего! — тело Майлса конвульсивно дергалось.

— Врешь! — «Медведь»-Тони повернулся к Дэнни.— Принеси-ка мне вон того самого сока, который ты употребляешь для гравировки...

Во время допроса старый печатник глядел на Майлса с ненавистью. Он кивнул и сказал:

— Сию секундочку, мистер Марино!

Дэнни подошел к полке и взял литровую бутыль с пластмассовой крышечкой. На этикетке была надпись.— «Азотная кислота. Для травления металла».

Он поднес бутыль «Медведю»-Тони, тот взял кисточку и окунул в кислоту. Тихонько-тихонько Тони провел кистью по лицу Истина. Секунду-другую кислота въедалась в кожный покров, затем наступила реакция: Майлс взвыл нечеловеческим голосом.

Тони снова окунул кисточку в бутыль.

— Итак, я тебя спрашиваю еще раз. Если не получу ответа, то проведу кистью и по левой щеке...

Глаза у Майлса были как у затравленного животного. Он еле выдавил из себя:

— Фальшивки...

— Ага, ага... А что ты о них узнал?

— Я купил... отправил в банк... затем вел машину... возил в Луисвилль... и...

— Еще что?

— Кредитные карточки... Номера водительских прав...

— Ты знаешь, кто их делал? Кто печатал фальшивые деньги?

Майлс кивнул:

— Дэнни.

— Кто тебе сказал?

— Он... он сам сказал.

— А ты все это протрепал полицейскому в банке? Так?

— Да.

«Медведь»-Тони глянул со злобой на Каррагэна.

— Ты, пьяный болван!.. Дерьмо... Ничуть не лучше, чем он.

Старик буквально трясся от ужаса:

— Мистер Марино, я не был пьян! Я просто думал, что он...

— Заткнись! — сказал Тони и чуть было не ударил старика, но передумал и повернулся к Майлсу:

— Что ты ему еще наговорил?

— Ничего больше!

— Знают легавые, где печатаются деньги? Это место они знают?

— Нет! Нет!..

Тони опять взял кисточку. Майлс следил за каждым его движением. Он уже понял, как надо отвечать, чтобы избежать ненужных страданий. Он прокричал:

— Да, да, знают!

— Ты сказал об этом типу из банка?

— Да, да! — продолжал лгать Майлс.

— Откуда же ты узнал?

Кисточка висела в воздухе. Майлс понял, что нужно срочно придумать любой ответ, любой ответ будет спасительным. Он повернул голову к Дэнни:

— Он сказал мне...

— Ты лгун! Ты грязный лгун!

Лицо старика искривилось от ненависти, он крикнул:

— Мистер Марино! Он лжет! Я клянусь вам, что он лжет!

То, что он прочитал в глазах Марино, привело его в неистовство. Он бросился к Майлсу:

— Скажи ему, ублюдок! Скажи!

Старик оглянулся, увидел на столе посудину с кислотой и, схватив ее, плеснул содержимое Майлсу в лицо. В комнате раздался последний звериный вопль и все стихло...

Даже не зная, как именно пытают Майлса, Хуанита понимала, что едва ли он выдержит эти муки. Тут в комнату вошел человек и принялся отвязывать ее руки, прикрученные к спинке стула. Она подумала, что ее хотят перевести в другое место. Человек развязал руки ей и Эстелле и снял с нее веревочные путы.

— Встань! — приказал он. — А теперь слушай меня. Босс приказал отпустить вас. Вам завяжут глаза, посадят в машину и отвезут подальше отсюда. Ты не знаешь, где была, поэтому завалить не сможешь. Но знай: если ты проболтаешься, если ты скажешь кому-нибудь хоть слово, мы отыщем тебя и убьем твою дочь. Поняла?

Не веря своим ушам, Хуанита кивнула головой.

— Ну, топай! — сказал он и показал на дверь.

Она поднялась со стула и вошла в соседнюю комнату. То, что она там увидела, прежде называлось Майлсом. И это было ужасно... Она остановилась, ее начало тошнить.

— Двигай, двигай! — торопил мужчина, сопровождавший ее.

Они поднялись по лестнице. Выйдя во двор, Хуанита оглянулась. У стены гаража стоял огромный шкаф; ей показалось, что она его уже видела. Только на этот раз он был вроде бы распилен пополам. Две его половины стояли отдельно, и в обеих половинках было пусто. Возле шкафа виднелось нечто похожее на ящик секретера. Точнее только половина ящика, а вторую двое мужчин выносили из двери. Сопровождавший подтолкнул ее к машине.

— Влазь! — приказал он.

В руках у него были две тряпки, которыми он, очевидно, собирался завязать им глаза...

Хуанита забралась в машину, сделала вид, что споткнулась и, падая, ухватилась за сиденье водителя. Таким образом она смогла взглянуть на проделанный машиной километраж: 25714,8. Она закрыла глаза, стараясь запомнить эту цифру навсегда.

Когда Эстелла вскарабкалась в машину, водитель сказал:

— Теперь вы обе ложитесь, да без шума, если не хотите неприятностей!..

Хуанита постаралась улечься рядом с Эстеллой так, чтобы хоть что-нибудь разглядеть. Она слышала, как кто-то еще влез в машину. Включили зажигание. Дверь гаража открылась, и они поехали. Как только машина тронулась с места, Хуанита собрала в кулак нервы, внимание и память. Как никогда в жизни, она намеревалась запомнить все: время, скорость и, если удастся, направление поездки...

Хуанита начала считать секунды, как ее учил один друг, фотограф: тысяча и одна, тысяча и две, тысяча и три, тысяча и четыре... Она почувствовала, как машина дала задний ход и развернулась, и насчитала еще восемь секунд, пока они двигались по прямой. Потом движение замедлилось почти до полной остановки. Видимо, они выезжали на шоссе. Затем так же медленно машина повернула налево. Теперь — быстрей: десять секунд. Вот замедляет ход, поворачивает вправо. Скорость увеличивается: тысяча и сорок девять, тысяча и пятьдесят... Так, снижает скорость. Сорок две секунды — остановка. Наверное, красный свет... Тысяча и восемьдесят.— Господи, помоги мне запомнить все!.. Тысяча и девяносто девять, правый поворот...

Выбросить из головы все остальное, реагировать только на движение машины, считать время, считать, считать, считать, чтобы запомнить все. Она напрягла свою отточенную профессиональную память, которая однажды ее уже спасла... Может быть, спасет и на этот раз...

Тысяча и две тысячи долларов... Нет, боже, матерь божья, только бы мысли не уходили в сторону...

Путь идет прямо, гладкая дорога, высокая скорость. Теперь поворот налево. Длинный поворот и очень медленный... Замедляется, замедляется... Остановка — шестьдесят восемь секунд, свернули направо, опять остановка, запомнить ее и начать сначала: тысяча и одна, тысяча и две... Время шло, и по мере того, как его уходило все больше и больше, Хуанита с отчаяньем думала, что ей едва ли удастся удержать путь даже в ее феноменальной памяти...

Только что по рации из патрульной полицейской машины сообщили: задержаны женщина и ребенок, отвечающие указанным описанию и именам.

Их нашли возле железнодорожного полотна. Офицер полиции везет их в двенадцатый участок... Сотрудник ФБР прикрыл телефонную трубку рукой и сказал Нолану Уэйнрайту, сидевшему в городском штабе Федерального бюро расследований:

— Полиция нашла Нуньес и ребенка.

Уэйнрайт подскочил, схватился за стол, крикнул:

— Они живы-здоровы?

— Сказал все, что знаю, шеф. Хотите узнать подробней, свяжитесь с двенадцатым участком...

В двенадцатом участке ему сообщили следующее: как передали по радио из машины, женщина избита, лицо опухшее, есть порезы; у ребенка сильный ожог на руке. Полицейские оказали им первую помощь, а так вроде бы все в порядке... Уэйнрайт закрыл лицо рукой и долго сидел не двигаясь. Сотрудник ФБР взял у него из рук телефонную трубку.

— Что-то там странное происходит,— сказал он.

— Что?

— Офицер радиокара утверждает, что Нуньес якобы не хочет ни о чем с ними говорить. Попросила листок бумаги и карандаш и, как шальная, пишет что-то... Что-то бормочет про свою память, говорит, что ей нужно срочно все записать...

— Боже! — воскликнул Ноллан. Он вспомнил о редкостной памяти Хуаниты Нуньес.— Послушай! Пожалуйста, сообщи им от меня, что я все объясню позже. Мы сейчас же едем к ним. И немедленно передай полицейским в радиокаре, чтобы они не тормошили Нуньес, не беспокоили ее. Пусть помогут ей, как могут, как она хочет... А когда ее доставят в участок, пусть оставят в покое! Пусть пишет, сколько хочет. Скажите им, чтобы они обращались с ней, как с лучшим гостем...

Ненадолго задний ход. Из гаража? Вперед — восемь секунд, краткая остановка. Проезд? Поворот налево: 10 секунд. Средняя скорость — двадцать миль. Поворот направо: 3 секунды. Поворот налево: 55 секунд. Гладкая дорога, большая скорость...

Остановка 4 секунды (светофор?). Прямо — десять секунд. Поворот направо, плохая дорога (недолго). За-

тем хорошая дорога: 18 секунд. Притормаживание. Остановка... Поехали. Поворот направо. Остановка. Старт. 25 секунд. Поворот налево. Прямо, гладкая дорога: 47 секунд. Поворот направо.

В законченном виде заметки Хуаниты заняли семь рукописных страниц.

Они интенсивно работали уже целый час в полицейском участке, изучая крупномасштабную карту, но результаты были расплывчаты. Правда, помимо записей, которые сделала для них Нуньес, они располагали еще и километражем.

Когда с Хуаниты и Эстеллы сняли повязки, она, по чистой случайности, сумела снова бросить взгляд на километраж и увидела цифру 25738,5. Следовательно, всего они проехали 23,7 мили.

Агент секретной службы Джордэн, набросав на карте линии, представлявшие, с его точки зрения, наиболее вероятное направление, по которому двигалась машина с Хуанитой и Эстеллой, ткнул пальцем в образовавшийся квадрат:

— Вот здесь! Где-то здесь.

— Ого! — сказал ему полицейский из участка.— Этот квадратик представляет собой минимум пять квадратных миль!

— Ну и что же? Давайте его прочешем,— предложил Джордэн.— Группами, в машинах. Ваша контора и наша. Попросим помощи у города...

Лейтенант полицейского участка спросил:

— А скажите на милость, что мы будем искать, джентльмены?

— По правде сказать,— признался Джордэн,— я сам не знаю!..

Хуанита ехала в машине ФБР с еще одним сотрудником и Уэйнрайтом. Предварительно весь квадрат был разделен на секторы, и пять машин теперь утюжили весь этот район. Две машины принадлежали ФБР, одна — секретной службе и две были из городской полиции. В одном они были твердо уверены: там, где была Хуанита, был центр по изготовлению фальшивых банкнот. Общее описание и детали, на которые она обратила внимание, не оставляли никакого сомнения. Приказ, переданный «всем, всем, всем»,— гласил: «Сообщайте о любой необычной деятельности, которая так или иначе может быть связана с центром организованного преступления, специализирующегося на изготовлении фальшивых де-

нег...». Все, конечно, понимали, что инструкции были предельно туманными, но более точно предложить было нечего.

Хуанита сидела на заднем сиденье машины. Прошло два часа с тех пор, как она и Эстелла были вывезены из того дома, посажены в зеленый «форд» и увезены в неопределенном направлении...

Район, который исследовал агент Джордэн, был расположен недалеко от восточной окраины города и представлял собой довольно смешанную картину. Глазам дюжины людей, прочесывавших его и переговаривавших по рациям, представала обычная картина; ничего особенного не происходило и внимания не настораживало. Даже несколько из ряда вон выходящих случаев носили в целом характер заурядный. В одном месте сломал себе ногу человек, купивший страховочный пояс строителя: он зацепился за этот пояс. Где-то неподалеку машина врезалась в пустое фойе театра. Чуть подальше, в промышленном здании, пожарная команда загасила небольшой пожар. В другом месте тягач тащил фургоны с домашней мебелью. Двое соседей колотили друг друга прямо на тротуаре. Агент секретной службы вылез из машины и разнял их.

И так далее... Целый час. В конце концов они оказались там, откуда начали.

— У меня какое-то странное чувство,— сказал Уэйнрайт.— Чувство, знакомое мне еще с тех времен, когда я работал в полиции. Ощущение, что я что-то прозевал, что возле чего-то важного уже находился совсем близко...

Сержант Инес взглянул на него:

— Я знаю, что ты имеешь в виду. Тебе кажется, что вот буквально сейчас у тебя было что-то под носом, а ты этого не заметил.

— Хуанита,— сказал Уэйнрайт.— Что-нибудь еще, маленькое «что-нибудь»... Вспомни! Может быть, ускользнула какая-нибудь крохотная чепуховина?..

Она сказала твердо:

— Я вам сказала все.

— Тогда начнем сначала. Рассказывай. Допустим, с этого момента: ты сказала, что когда Истин перестал кричать и пока тебя развязывали, ты слышала какой-то странный шум.

Она поправила его:

— Шум! Я слышала не только шум. Я ощущала и действие. Будто люди что-то передвигали, вещи

тащили, открывали какие-то шкафы, закрывали их...

— Может быть, они что-нибудь искали? — спросил Инес.

— А когда ты выходила,— сказал Уэйнрайт,— ты не догадалась, что там происходило?

Хуанита покачала головой:

— Я уже говорила, что была слишком потрясена после того, как увидела Майлса. А чтобы еще обращать внимание на что-то... Впрочем, постойте, постойте... Да, действительно, я видела, как из гаража выносили какую-то необычную мебель!

— Да,— подтвердил Инес, вы уже говорили об этом. Странно, но нам в голову не пришло придать этому какое-нибудь значение...

— Погодите! По-моему — есть. Есть!..

Инес и Хуанита с удивлением взглянули на Ноллана. Он сидел насупившись и, казалось, изо всех сил пытался что-то вспомнить. «Это суета, которую «ощущала» Хуанита,— думал Ноллан,— а что, если они не искали что-то, а упаковывались для переезда?»

— Вдруг они переезжали? — вслух сказал Ноллан.

— Очень может быть,— согласился Инес.— Но они же должны были перетаскивать оборудование. Печатные прессы, станки, бумагу, но никак не мебель!

— Ну, а если мебель тоже «липовая»? Так сказать — «марафет»?

Они взглянули друг на друга. Одна и та же мысль пришла им в голову одновременно.

— Черт подери! — закричал Инес. — Тот тягач, который тащил прицеп с мебелью!

Уэйнрайт уже разворачивал машину...

...Они неслись вперед. Инес схватил портативную рацию и начал передавать:

— Вниманию всех водителей оперативных и патрульных машин! Направляйтесь в сторону серого большого дома, что стоит у восточного конца Эрлхэм-авеню. Ищите тягач, который тащит фургоны фирмы «Элайенс». Остановите и задержите всех, кто там находится... Вызываю все полицейские машины в том районе! Пароль — «10—13»!..

Пароль «10—13» обозначал, что надо было ехать с максимальной скоростью, не взирая ни на какие светофоры, с сиреной, включенной на полную мощность. Инес включил и свою сирену. Уэйнрайт выжал педаль до отказа...

— Боже! — сказал он, и в голосе его звучали ярость и слезы.— Мы ведь дважды там проезжали! И в последний раз они были готовы к отправке...

— Когда выедешь из города,— инструктировал Марино водителя тягача,— двигайтесь в сторону Западного побережья. Не нервничай, веди себя так, будто везешь обычный груз. Каждую ночь останавливайся на отдых. Но держи с нами связь. Номер телефона ты знаешь. И если не будет никаких изменений, то получишь окончательные инструкции в Лос-Анджелесе. Ясно?

— О'кей, мистер Марино! — сказал водитель.

Парень он был надежный, знал, что к чему, а кроме того, получил хорошенький аванс за риск, которому подвергался. Такие поездки были ему не впервой. Он их проделывал всякий раз, когда Тони считал, что надо подержать «лабораторию» на колесах, пока не минует горячая пора.

— Тогда — с богом! — напутствовал его Марино.

— С богом, так с богом,— сказал водитель.— Все погружено, все на мази. Я поехал! Бывайте, мистер Марино!..

Честно говоря, думал Тони, не было никакой необходимости в этом переезде. Он был уверен, что Истин много чего наврал. Под пыткой чего только не скажешь! Но правило было вековое: не уверен — рви когти!.. И теперь, когда все было шито-крыто, пришла пора отделаться от этого гада — Истина. Пусть этим займется Анджело. А пока «Медведь»-Тони решил побыстрей сматываться отсюда. Насвистывая и восхищаясь самим собой и собственной прозорливостью, Тони направился к гаражу, но в тот же момент услышал завывания полицейских сирен. Они неслись отовсюду, и Марино с острейшей горечью осознал, что он не такой уж умный и прозорливый, как ему только что казалось...

За истекшие две недели, пока шло расследование, Роско Хейворду ничего не оставалось делать, как молиться, уповая на чудо, которое спасет его от полной

катастрофы. Хейворд лично принимал участие в аварийных заседаниях, проводившихся совместно с сотрудниками «Сунатко». Целью их была попытка поддержать падающего колосса на глиняных ногах. Увы, все было тщетно. Чем более прояснялась вся картина, тем больше они убеждались, что финансовый крах неизбежен. «Не исключена была также возможность, что против «Супранэйшнл» будет выдвинуто уголовное обвинение в обмане и злоупотреблении доверием. И уж, конечно, в первую очередь обвинение ряду руководителей «Сунатко», включая Дж. Дж. Квотермейна. В том, понятно, случае, если Большого Джорджа удастся выцарапать из Коста-Рики, куда он улепетнул от правосудия.

Наконец, в начале ноября на основании статьи 77 Свода финансовых законов был составлен «Акт о банкротстве». Акт был подписан корпорацией «Супранэйшнл». Хотя в ПКА этого ожидали и боялись, последствия были катастрофические. Оставался открытым вопрос: пойдет ли ко дну и Первый Коммерческий Американский банк или ему удастся удержаться на волнах?

Для Хейворда не было сомнений, что его карьера кончилась. Во всяком случае, в ПКА, где он был инициатором сделки, которая привела к таким ужасным результатам — самым ужасным за столетнюю историю банка. Он автоматически превратился в живого мертвеца...

Голос миссис Каллагэн, прозвучавший в селекторном микрофоне, вывел Хейворда из оцепенения.

— Вас спрашивает репортер из «Ньюс-дэй», сэр. Его имя — Эндикотт. Он говорит, что это касается «Супранэйшнл», у него есть к вам личное и важное дело...

— Передайте ему, что мне нечего сказать. Пусть он обратится в отдел по связям с общественностью и прессой...

Хейворд помнил о просьбе Дика Френча и решил воспользоваться этим обстоятельством.

Через минуту голос Доры Каллагэн вновь раздался в кабинете:

— Простите, мистер Хейворд, но...

— Ну что там еще?

Мистер Эндикотт настаивает на разговоре лично с вами. Он просит спросить: намерены ли вы сами поговорить с ним о мисс Эврил Деверо или он с этим вопросом должен тоже обратиться в отдел по связям с общественностью и прессой?..

Хейворд схватил телефонную трубку:

— Что вы там еще болтаете?

— Доброе утро, сэр! — тихо сказали на другом конце провода.— Извините за беспокойство, с вами говорит Брюс Эндикотт из «Ньюс-дэй»...

— Вы сказали моему секретарю...

— Я сказал вашему секретарю, что есть кое-какие вещи, о которых, как мне казалось, вы захотите поговорить лично со мной, а не через Дика Френча.

Поколебавшись, Хейворд сказал:

— Я ужасно занят, но несколько минут, пожалуй, могу вам уделить...

— Спасибо, мистер Хейворд! Я постараюсь быть как можно более краток. Наша газета тоже занималась расследованием «Супранэйшнл». Как вы, очевидно, знаете, это дело вызвало огромный общественный интерес, и поскольку завтра у нас идет большой репортаж, мы хотели бы уточнить ряд вопросов, связанных с займом, который ваш банк предоставил «Сунатко»... Я об этом уже говорил с Диком Френчем.

— Значит, вы получили всю информацию. До свидания!

— Одну минуточку, сэр. Мы знаем из других источников, что лично вы вели переговоры по поводу этого займа, и нам интересно, как первоначально возник этот альянс. Я имею в виду, где впервые «Сунатко» просила вас о кредите. Вы помните, где именно это было?

— Боюсь, что нет... Гм... Гм... У меня, знаете ли, такая текучка с кредитами, что все и не упомнишь...

— Ну-ну-ну, мистер Хейворд... Неужели проходило так много кредитов на такую сумму? Пятьдесят миллионов — не шутка!

— Я, кажется, уже ответил на ваш вопрос.

— Жаль. А мне-то казалось, что я могу помочь вам вспомнить, сэр... Могло, например, случиться, что эта цифра была впервые оговорена во время вашей поездки на Багамские острова? Помните? Ну, эта поездка, которую вы совершили с мистером Квотермейном, вице-президентом Стоунбриджем и кое с кем еще?

— М-может быть,— сказал Хейворд.

— А точней вы не могли бы ответить на этот вопрос?

Было ясно, что снова отделаться от репортера уклончивым ответом невозможно.

— Да,— сказал Роско,— теперь я вспомнил... Именно тогда.

— Спасибо, сэр! И если я не ошибаюсь, вы летели на личном реактивном самолете Квотермейна, на «семьсот седьмом»?

— Да. Да. Да!

— И в компании с дамами, которые, как бы это сказать, были вашими компаньонками?

— Я бы не назвал их так, я смутно помню каких-то стюардесс, которые были на борту самолета. Это естественно...

— И одна из них была мисс Эврил Деверо? Вы познакомились тогда, затем провели к ней пару дней на Багамских островах, а потом встречались еще, не так ли?

— Возможно. Это имя мне знакомо.

— Мистер Хейворд,— заговорщически понизил голос репортер,— извините меня за такую формулировку вопроса, но я хотел бы поставить его так: не была ли мисс Деверо предоставлена вам как женщина в обмен на вашу поддержку кредиту, который ваш банк должен был выделить «Супранэйшнл»?

— Что за абсурд? Конечно, нет!

Хейворд сидел, обливаясь ледяным потом. Руки его тряслись вместе с телефонной трубкой. Он гадал, что еще известно его инквизитору. Конечно, Роско мог тут же закончить разговор. Возможно, так и нужно было сделать, но тогда он не будет знать подробностей...

— Скажите, пожалуйста, сэр, вы подружились с мисс Деверо?

— Да, пожалуй, именно так и можно все это назвать. Мисс Деверо очень обаятельная женщина...

— Ага, значит, вы ее все-таки помните?

Он понял, что окончательно попался в ловушку и признался:

— Да.

— Благодарю вас, сэр. Стало быть, после этой поездки вы встречались с мисс Деверо?

Вопрос был задан как бы невзначай, но, несомненно, этот Эндикотт и так знал все. Пытаясь скрыть дрожь в голосе, Хейворд умоляюще сказал:

— Я ничего от вас не скрыл, поверьте! И я вам уже сказал, что я ужасно занят...

— Дело ваше, сэр. Только должен поставить вас в известность, что мы встречались с мисс Деверо, и она нам рассказала много любопытного...

Много любопытного, устало подумал Роско. Ну что ж, на Эврил это было похоже. Тем паче, если газета хоро-

шо ей заплатила. Да, так оно, пожалуй, и было. Бессильное бешенство охватило его, хотя он знал, что никак не мог сердиться на Эврил или упрекать ее в чем-либо...

Репортер продолжал:

— Она описала ваши встречи с ней, причем очень подробно, и у нас есть счета отеля «Колумбия-хилтон», оплаченные «Супранэйшнл». Не хотите ли вы, сэр, взять обратно свои слова, что все это не возымело никакого действия на предоставление кредита корпорации «Сунатко»?

Хейворд промолчал. Что можно было сказать? Черт подери газеты! И этих писак! Черт бы побрал их отвратительную привычку копаться в чужом грязном белье и ковырять, ковырять, ковырять!.. Наверняка они подкупили кого-то из «Сунатко», и тот подсунул им счета или скопировал их. Он вспомнил, как Эврил рассказывала ему о неком специальном списке. Туда были внесены лица, которых следовало «увеселять» за счет «Супранэйшнл». В течение определенного времени и его имя значилось в этом списке. Нет сомнения, что и это стало достоянием газеты. Ирония судьбы заключалась в том, что эпизод с Эврил никак не повлиял на злополучный кредит «Сунатко»! Роско решил рекомендовать его задолго до того. Но кто теперь в это поверит?..

— И последнее,— вкрадчиво сказал Эндикотт, явно подразумевая, что откровенного ответа он не получит.— Позвольте задать еще один вопрос! Он касается ваших личных интересов. Мы хотели спросить вас о частной инвестиционной компании под условным названием «группа К». Чтобы не тратить времени, я скажу, что нам удалось получить копии некоторых документов. Из них явствует, что вы располагаете двумя тысячами акций этой группы. Верно ли это?..

— Я ничего не могу сказать на этот счет,— мертвым голосом ответил Роско.

— Мистер Хейворд! Были ли эти акции даны вам в качестве благодарности за то, что вы провернули сначала большой кредит, а потом и ссуды в размере двух миллионов долларов для «группы К»?

Не говоря ни слова, Хейворд медленно повесил телефонную трубку на рычаг...

Итак, в завтрашней газете... И они действительно все это напечатают, у них на руках все данные. А то, что будет напечатано в этой газете, подхватят другие... Агентства, радио, телевидение. У него не было никаких

иллюзий на тот счет, что за этим последует. И одной статьи достаточно: это был позор, это была пропасть, из которой он уже никогда не выберется... А друзья? Семья? А его церковь и прихожане? Его престиж, влияние и гордость были уничтожены. Впервые он понял, насколько хрупко, воздушно было это здание. Однако худшее ждало еще впереди. Его, вероятно, отдадут под суд за получение взяток. Значит, впереди — тюремное заключение...

Зазвонил телефон, но он не обратил на это внимания.

Нечего было делать, не о чем было говорить, ничто не могло его спасти.

Он поднялся, вышел из кабинета и прошел мимо миссис Каллагэн, которая что-то сказала ему, но он не расслышал и не отозвался. Он двинулся по коридору тридцать шестого этажа, минуя зал заседаний, что еще так недавно был ареной его борьбы за власть. Кто-то еще обратился к нему, но он не откликнулся. Неподалеку от зала заседаний была маленькая дверца, которую почти никогда не открывали. Он открыл ее. Небольшая лестница вела наверх, он поднялся по ней несколько пролетов, не спеша, не оглядываясь назад, и вышел на балкон. Сырой ноябрьский ветер с силой ударил в лицо. Он напряг тело и рванулся вперед, словно ложась на этот ветер, и с радостью почувствовал, как он охватывает его всего и как будто даже подталкивает. Ну, вперед, вперед... Подняв ногу, Роско перенес ее через решетку, отделявшую балкон от выступа в стене. Затем он перенес вторую ногу. До этой минуты он не чувствовал страха, но теперь все тело было охвачено дрожью, а руки намертво вцепились в решетку за спиной...

Где-то позади он услышал возбужденные голоса и топот ног по лестнице. Кто-то крикнул:

— Роско!

Когда они ворвались на балкон, он закрыл глаза и сделал шаг в пропасть.

●

Тем вечером Алекс все еще был не в состоянии прийти в себя после того, что произошло на его глазах. Он сидел мрачный, неуверенный в будущем, совершенно обескураженный, поджидая Марго. Она должна была вот-вот появиться. Он приготовил второй стакан виски с содовой и подбросил полено в угасающий камин...

Сегодня утром он одним из первых ворвался на балкон. Увидев Роско, который, казалось, на какое-то мгновение повис в воздухе, а потом исчез из поля зрения с ужасным криком и растворился в бездне, Алекс был так потрясен, что долго не мог выговорить ни слова

Спустившись на тридцать шестой этаж, он постарался взять себя в руки и пошел доложить о случившемся Паттертону. Было необходимо срочно подготовить заявление для прессы с помощью Дика Френча и решить многие вопросы, не терпевшие отлагательства.

После обеда Дик Френч сказал Алексу, что на проводе репортер из «Ньюс-дэй» Эндикотт и надо с ним переговорить.

Алекс взял трубку и сразу же понял, что репортер очень расстроен. Эндикотт сообщил Алексу, что несколько минут назад прочел телеграмму «Ассошиэйтед пресс» о самоубийстве Роско Хейворда... Эндикотт пересказал Алексу содержание утреннего разговора с Хейвордом. И вот чем это кончилось...

— Если бы я только мог себе представить...— неуклюже оправдывался репортер.

Алексу и в голову не пришло утешать его. Вопросы морали каждый решал профессионально, да и причем здесь были слова утешения или сочувствия... Тем не менее, Алекс спросил:

— Ваша газета по-прежнему намерена опубликовать эту статью?

— Да, сэр,— сказал Эндикотт.— Сейчас готовится новая «шапка». В ней будет сказано о самоубийстве. А так все остальное пойдет, как и было запланировано...

— Зачем же вы мне позвонили?

— Видите ли, мне хотелось хоть кому-нибудь сказать, что у меня очень паскудно на душе... Видит бог, я...

— Да,— сказал Алекс.— У меня тоже.— И повесил трубку.

Да, настроение у Алекса было отвратительное... Статья, которая должна была появиться в завтрашней газете, нанесет банку колоссальный ущерб. Она добавит целую кучу неприятностей к страшной лихорадке, сотрясавшей банк. Несмотря на то что Алексу удалось остановить набег вкладчиков на отделение в Тайлерсвилле, а также предотвратить это бедствие в остальных отделениях, вера в Первый Коммерческий Американский банк была сильно поколеблена. Около сорока миллионов

долларов были сняты со счетов за последние десять дней, а вклады значительно снизились по сравнению с обычным уровнем. Одновременно резко упала цена акций ПКА на Нью-Йоркской бирже.

Разумеется, пострадал не только ПКА. Как только весть о безвыходном положении «Супранэйшнл» стала достоянием гласности, паника охватила всех вкладчиков. Она перекинулась и на деловые круги, включая самих банкиров; она не только резко ударила по акциям на внутренней бирже, но и сильно пошатнула авторитет доллара на международном рынке. Теперь казалось, что это было грозным предупреждением, после которого настанет ужасающий спад...

Алекс со всей остротой ощутил, что падение одного колосса должно привести к падению многих других, даже тех, кто прежде казался застрахованным от всех неожиданностей. Он подумал о том, что ни отдельные личности, ни корпорации, ни сами правительства не могут вырваться из-под власти простого бухгалтерского закона, гласившего: рано или поздно, но по своим обязательствам надо платить...

Луис Дорси откликнулся на это событие статьей в своем информационном бюллетене. Алекс получил его еще утром, но, проглядев заголовки, решил прочитать бюллетень дома. Теперь он держал его перед собой...

> «Не верьте существующему мифу о том, что есть нечто сложное и расплывчатое, не поддающееся анализу в деятельности корпораций, своих ли, международных ли, а также вообще в коммерческих делах.
>
> Все так же просто, как ведение домашнего хозяйства. Обычная бухгалтерия, только в более крупном масштабе.
>
> Приписываемые «большим делам» сложности, туманная фразеология и надуманный мистицизм являются не более чем ловким камуфляжем. На самом деле этот камуфляж производится политиками, скупающими голоса налогоплательщиков, и прочими манипуляторами. Они выдают свое шаманство за глубокомыслие и используют его для сокрытия своих грязных делишек...
>
> Чего больше всего боятся эти невнятно бормочущие пифии? Они дрожат от страха перед тем, что простой человек станет внимательно наблюдать за их действиями. Ибо это они, политики, наделали столько долгов,

что ни мы, ни наши пра-пра-правнуки не сумеют расплатиться! С другой стороны, они напечатали с той же легкостью, с какой производят туалетную бумагу, бесконечное количество бумажных денег, лишив добрые старые банкноты, особенно те, которые действительно обеспечивались золотом, всякой стоимости...

И поэтому мы повторяем: самое обычное домашнее хозяйство велось самой некомпетентной и самой бесчестной бухгалтерией, которая когда-либо была известна человеческой истории...

Это и только это является основной причиной инфляции...»

Алекс отложил информационный бюллетень в сторону и, повернувшись к только что вошедшей Марго, спросил:

— Скажи мне, пожалуйста, что там слышно у Истина?

— Говорят, опасность миновала, но самое большое чудо заключается в том, что он не ослепнет! Доктора сказали, что, когда в лицо ему плеснули кислотой, он успел закрыть глаза. Вот веки и спасли ему зрение. Лицо у него, конечно, сплошной ожог, и ему понадобится сложнейшая пластическая операция... Надеюсь, банк согласится оплатить ее?

— Да,— сказал Алекс,— само собой разумеется!

Он смешал в миксере коктейль для Марго. В это время зазвонил телефон. Марго послушала и сказала:

— Тебя, Алекс, Леонард Кингсвуд...

Алекс подошел к телефону и взял трубку:

— Слушаю, Лен!

— Я знаю, что вы приходите в себя после этого кошмара,— сказал председатель «Сталь Нортем».— Я и сам в ужасе от такого конца Роско, но тем не менее я должен сообщить кое-что, не терпящее проволочек...

Алекс поморщился:

— Ну что ж, валяйте, сообщайте...

— Мы совещались здесь, я имею в виду все члены Совета директоров. Сегодня после обеда мы провели два заседания и много всяческих консультаций. Широкое заседание совета ПКА состоится завтра, в обед...

— И что же вы хотите от меня?

— Первым на повестке дня стоит отставка Джерома с поста президента. Мы от него это потребовали, и он

согласился. Откровенно говоря, мне показалось, что он это сделал с облегчением...

«Вполне очевидно, подумал Алекс. Это похоже на Паттертона. Он явно не выдюжил перед лавиной навалившихся проблем и конструктивных решений, которые нужно было срочно принимать...»

— А потом,— продолжал Кингсвуд со своей обычной прямолинейностью, — вас назначат президентом, Алекс! И это назначение войдет в силу немедленно.

Разговаривая, Алекс прижал телефонную трубку плечом к уху и закурил. Выдохнув дым и помолчав, он сказал:

— Честно говоря, Лен, я теперь не совсем уверен, что хочу занять этот пост...

— Мы предчувствовали, что вы можете отказаться, и именно поэтому Совет просил, чтобы позвонил вам я. Мы вас очень, очень просим, Алекс! И лично я убедительно прошу...— Кингсвуд сделал паузу, было ясно, что нелегко ему давался этот разговор. Умолять кого бы то ни было Л. Кингсвуд не привык. Помолчав еще немного, он продолжал: — Мы все помним, что это вы предупреждали нас относительно «Супранэйшнл». Но тогда мы думали, что мы умнее. Ну что ж, мы были глупы. Сейчас мы просим вас, Алекс, пусть поздно, я признаю это, помогите нам выпутаться из этого клубка, выбраться из этой клоаки, в которой мы оказались...

— Дайте мне малость поразмыслить, Лен. Не надо спешить.

Алекс подумал, что вообще-то он должен в эту минуту чувствовать большое удовлетворение, чувство превосходства, а может быть, даже торжество отмщения. Теперь он мог назвать их слепцами. И это было бы чувство той силы, которую ощущаешь, когда все козырные карты у тебя на руках...

Но почему-то он этого не ощущал. Была странная меланхолическая грусть и сознание тщетности попыток улучшить что-либо. Жаль, не так давно такая возможность еще была. А теперь? Была ли хоть какая-нибудь перспектива вернуть банк к состоянию, в котором он находился при Бене Россели?

Стоило ли тратить на это силы? И вообще, в чем заключался смысл? Неужели все эти сверхчеловеческие усилия и жертвы, все огромное напряжение можно оправдать призрачной, иллюзорной целью? Ради чего? Спасти банк, этот магазин, набитый деньгами, эту де-

нежную машину от полного провала?.. Алекс сделал глубокую затяжку.

— Утро вечера мудреней, Лен,— сказал он.— Я дам вам ответ завтра утром.

Он повесил трубку и пошел к стакану с виски, который ждал его на столе...

СОДЕРЖАНИЕ

А. ХЕЙЛИ, Д. КАСТЛ

ПОСАДОЧНАЯ ПОЛОСА 08 3

А. ХЕЙЛИ

МЕНЯЛЫ 117

Редактор
Г. Завадовский
Корректор
Н. Гусарова
Художник
С. Чиненов
Технический редактор
Н. Белякова

Подписано к печати 11.01.93. Формат 84×108$^{1}/_{32}$. Бумага газетная. Гарнитура лит. Печать высокая. Усл. печ. л. 17,0. Тираж 100 000 экз. Заказ № 656. Цена договорная.

Отпечатано в Сортавальской книжной типографии. 186750, г. Сортавала, ул. Карельская, 42.